

Людмила Александровна ПИМЕНОВА
ДВОРЯНСТВО НАКАНУНЕ
ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М.: издательство МГУ. 1986.

Книга издана в серии «ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ», готовившейся к 200-летию ВФР.

Редакционная коллегия: д.и.н., проф. А.В.Адо (председатель), к.и.н. В.Н.Горохов, д.и.н., проф. В.М.Далин, чл.-корр. АН СССР Ю.С.Кукушкин, д.и.и., проф. Г.С.Кучеренко, д.и.н., проф. В.П.Смирнов, д.и.н., проф. Е.Ф.Язков.

Рецензенты: к.ист.н. Е.И.Федосова, к.ист.н. Г.С.Черткова.

Введение

1. **Дворянское сословие во французском обществе конца старого порядка**
2. **Абсолютизм и дворянство**
3. **Идеология и умонастроение дворян в век Просвещения**
4. **Социально-политическая программа дворянских наказов 1789 года**
Проекты политического устройства
Вопросы общественного устройства
Экономические вопросы
Наказы о религии и церкви

Вместо заключения. **Дворянство и Великая французская революция**

Источники и литература

Источники

- Рукописные материалы
- Публикации наказов Генеральным штатам
- Толковые словари и энциклопедии XVII-XVIII вв.
- Другие источники

Справочные издания

Литература

- Общие работы
- Работы о французском дворянстве
- Работы, посвященные выборам в Генеральные штаты и дворянским наказам 1789 г.

Приложения

- Наказ дворянства бальяжа Сен-Пьер ле Мутье провинции Ниверне
- Избирательные округа 1789 г.

Веб-публикация: с разрешения автора, Л.А.Пименовой, редакторы библиотеки [Vive Liberta](http://www.vive-liberta.ru) и [Век Просвещения](http://www.vokrosvetlan.ru), 2010. Сканированный текст можно скачать 5 файлами формата pdf.

В нашей библиотеке размещены работы из серии «Великая французская революция: документы и исследования»:

Предисловие к серии – А.В.Адо	http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57334957.htm#more1
Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc
А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция	http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80651618.htm
Д.Туган-Барановский. На пути к брюмеру	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/bourg_tug-baran.pdf
Е.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка	http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhokin.pdf
Э.Гусейнов. Жиронда и перспективные проблемы изучения Великой французской революции	http://vive-liberta.narod.ru/journal/guseinov1.pdf
	Исследования
Л. Пименова. Просвещение и «дворянский расизм»: особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века	http://enlightment2005.narod.ru/papers/lpimen3.pdf
Агония французского абсолютизма (глава из коллективной монографии З.Иванова. Дискуссия о французском дворянстве	http://enlightment2005.narod.ru/papers/fr-absol.pdf
Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.	http://enlightment2005.narod.ru/papers/z-ivanova.pdf
И.Берго. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции	http://enlightment2005.narod.ru/papers/bogd_arist.htm
И.Берго. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749-1776 гг.	http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm.pdf
Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне Революции	http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm2.pdf
Работы Л.А.Пименовой в сети	http://enlightment2005.narod.ru/papers/lebedeva1.pdf http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#pimen

Л.А. Пименова

ДВОРЯНСТВО

НАКАНУНЕ
ВЕЛИКОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Книга является первым в советской литературе исследованием дворянства предреволюционной Франции. В монографии анализируются дворянство как сословие и общественный класс, его место в идейно-политической борьбе XVIII в. во Франции, отношение к идеологии и культуре Просвещения. На материалах предвыборных дворянских наказов Генеральным штатам 1789 г. воссозданы социально-политическая программа дворянства, характерные черты его общественного сознания.

Для глубокого осмысления событий Великой французской революции необходимо изучение роли в ней различных общественных классов и групп. Сказанное, разумеется, относится и к истории дворянства — привилегированного сословия старой, дореволюционной Франции.

Вопросы о социальном положении и общественно-политических позициях французского дворянства в конце старого порядка привлекают в последнее время пристальное внимание ученых разных стран и вызывают оживленные дискуссии. Поиск ответов на эти вопросы имеет важное значение для формирования представлений об историческом содержании Великой французской революции, ее истоках и предпосылках, ее влиянии на последующее развитие Франции. Особый интерес исследователей к «дворянской проблематике» предреволюционной и революционной Франции, таким образом, не случаен.

Основатели историко-материалистической интерпретации французской революции К. Маркс и Ф. Энгельс не обошли вниманием эту проблематику. Они усматривали существенную особенность дворянства Франции в той необычайно разветвленной системе сословных привилегий, которыми оно обладало и к которым сравнительно непросто было получить доступ. Сословные привилегии противопоставляли дворян всему обществу и обостряли антагонизм между дворянством и буржуазией: «Чтобы одно сословие было *par excellence* сословием-освободителем, для этого другое сословие должно быть, наоборот, явным сословием-поработителем. Отрицательно-всеобщее значение французского дворянства и французского духовенства обусловило собой положительно-всеобщее значение того класса, который непосредственно граничил с ними и противостоял им, — *буржуазии*»¹.

Контрреволюционная роль французского дворянства в общественно-политической борьбе конца XVIII в. составляла, по мысли Маркса, важнейшую специфическую черту Великой французской революции: «В 1648 году буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви.

В 1789 году буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви»².

Ф. Энгельс неоднократно подчеркивал, что к XVIII в. господство дворянства стало тормозом на пути общественного прогресса и потому ниспровержение его было закономерным³. Одной из главных непосредственных предпосылок нарастания революционного кризиса явилась, по мысли Ф. Энгельса, дворянская реак-

ция: «... в 1789 г. во Франции... голод, застой в делах, расизм среди дворянства толкали, можно сказать, буржуазию на революцию...»⁴

Вместе с тем К. Маркс отмечал, что именно дворянство было той силой, которая нанесла первый удар абсолютизму и тем самым как бы начала Великую французскую революцию, хотя отстаивала при этом в первую очередь свои узкосословные интересы «... французская революция в самом своем начале была столь же консервативной и даже гораздо более консервативной, чем английская. Абсолютизм, особенно в той форме, в какой он выступил под конец во Франции, был и там новшеством, и против этого новшества восстали парламенты, защищая старые законы, *us et coutumes* старой монархии»⁵. «Первый удар, который был нанесен французской монархии, — подчеркивал К. Маркс, — исходил от дворянства, а не от крестьян»⁶.

К. Маркс и Ф. Энгельс не склонны были давать французскому дворянству однозначную характеристику, так как в обществе, стоящем в преддверии революции, все социальные силы оказываются затронутыми процессами брожения и перехода: «Переворот в общественном способе производства, этот необходимый продукт преобразования средства производства, протекает среди пестрого хаоса переходных форм»⁷.

В ряде работ Ф. Энгельс отмечал, что между дворянством и буржуазией существовал не только антагонизм, но и общность, так как это были эксплуататоры. «...Наряду с противоположностью между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представительницы всего остального общества, — указывал он, — существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками»⁸.

Ф. Энгельс обратил внимание на противоречивый характер дворянской оппозиции абсолютизму, главными выразителями которой в XVIII в. были парламенты. Он писал «о судебном дворянстве (*noblesse de robe*) и о юристах (*la robe*) вообще, которые фактически тоже составляли привилегированное сословие и обладали в парламентах значительной силой, противостоящей королевской власти»; «в своей политической деятельности они выступали как защитники учреждений, ограничивавших королевскую власть, и таким образом оказывались на стороне народа, но в качестве судей они были воплощением коррупции»⁹.

У К. Маркса и Ф. Энгельса не вызывал сомнений факт идейно-политического размежевания внутри дворянства. Они указывали, что «в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрывается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее ... как прежде часть дворянства переходила к буржуазии»¹⁰. К. Маркс отмечал «пе-

реход некоторых дворян на сторону *tiers état*»¹¹, т. е. третьего сословия.

В специальной исторической литературе о Великой французской революции тема дворянства до последнего времени не занимала видного места. На первом плане при изучении революции сначала стояла ее общеполитическая история, которой посвящены классические труды А. Олара.

На рубеже XIX и XX вв. произошел качественный сдвиг в историографии Великой французской революции. В новых исторических условиях, в обстановке неуклонно возрастающего влияния марксизма историки так называемой «русской школы», в особенности Н. И. Кареев, И. В. Луцицкий, М. М. Ковалевский, а затем видные французские историки Ж. Жорес и позднее А. Матьез повернули от прежней, преимущественно политической истории французской революции к созданию ее социальной истории. В соответствии со своими демократическими симпатиями Ж. Жорес, А. Матьез, Ж. Лефевр изучали революцию «слева» и «снизу», т. е. писали историю народных масс. Ко 2-й половине XX в. совместными усилиями представителей прогрессивной историографии, принадлежащих к разным национальным школам — французской, советской, английской, — была написана богатая и полнокровная народная история революции конца XVIII в.

Что касается дворянства и его роли в дореволюционное и революционное время, то эти сюжеты специально изучались мало. Основное внимание историки обращали на те материалы, которые отчетливо рисовали дворянство консервативной общественной силой, связанной с феодальными отношениями и вследствие этого безусловно враждебной историческому прогрессу. Подобное представление утвердилось как в специальной исторической литературе, так и в общественном мнении. Оно было присуще сознанию самих участников Великой французской революции. «Аристократов на фонарь!» — восклицали они. «Аристократами» в те годы стало принято именовать контрреволюционеров, и это нашло самое широкое отражение в революционной публицистике, песнях, выступлениях ораторов, плакатах, карикатурах и т. д. Такая оценка дворянства прозвучала и в самых первых исторических сочинениях о Великой французской революции: в произведениях ее участников А. Барнава и А. Ламета, затем у Ф. Минье и его современников. Их точка зрения была воспринята прогрессивными историками XIX — начала XX в. Она выступала органической частью общей концепции французской революции как антифеодальной, буржуазной, направленной против феодального дворянства.

Историки либерально-позитивистского направления, доминировавшего во 2-й половине XIX в. в историографии Великой французской революции, рассматривали дворянство как контрреволюционную силу, что нашло отражение, в частности, в широкоизвестном труде А. Олара «Политическая история Французской революции», а также в сочинениях либеральных историков-позитивистов.

тивистов Э. Шере¹², Ш.-Л. Шассена¹³, ученика Олара Э. Шампона¹⁴.

На рубеже XIX и XX вв. назревание буржуазной революции в России сделало необычайно актуальной для русских историков проблематику Великой французской революции, в том числе вызвало интерес к проблеме дворянства и его роли накануне и во время революции конца XVIII в. Известный русский ученый, профессор Московского университета Р. Ю. Виппер в эти годы писал «После нескольких дней искания остановился на новой теме „Дворянские наказания в 1789 г., политические и социальные мнения и требования дворян накануне революции“»¹⁵. Либеральный историк, ученик Н. И. Кареева В. Я. Хорошун предпринял специальное исследование дворянских наказов Генеральным штабом 1789 г.¹⁶ Ученый отметил влияние на наказания передовых просветительских идей XVIII в., но вместе с тем пришел к выводу, что за внешним политическим радикализмом дворянства скрывались его реакционная сущность, стремление вернуться к доабсолютистским временам средневековой феодальной вольницы и сословно-представительной монархии. Автор назвал выдвинутую дворянством накануне революции программу «сословно-консервативной», призванной поддержать падающее дворянство. Сутью этой программы, по его мнению, была защита сословного строя, сеньериальной системы и провинциальных привилегий. Французское дворянство «не поднялось на высоту понимания истинных потребностей века»¹⁷.

Французский историк-социалист Ж. Жорес в своей оценке дворянства основывался на материалах и выводах Шассена и отчасти Шере. Его выводы совпали с теми, к которым ранее пришел В. Я. Хорошун. (С работой Хорошуна, не переведенной на французский язык, Жорес не был знаком.) Дворянство, с точки зрения Жореса, было даже не опорой абсолютизма, а еще более реакционной силой, желавшей повернуть вспять историю Франции от абсолютной монархии к средневековой сословно-представительной, однако оно пыталось использовать в своих целях революционное движение третьего сословия, которое тоже стремилось ограничить королевскую власть. Жорес писал о «революционном паразитизме» дворянства, указывая, что оно «было одновременно реакционным в своих целях и революционным в некоторых из своих средств. Оно хотело вернуть Францию назад к феодальному порядку, но нуждалось для этого в революционном движении»¹⁸. Впоследствии на выводы Жореса стали опираться прогрессивные французские историки, в том числе и марксисты, специально не занимавшиеся изучением дворянства.

Известный леворадикальный историк А. Матьез обратил внимание на размежевание в дворянском сословии как на важное общественно-политическое явление. Готовыми принять сторону третьего сословия Матьез считал, как правило, малоимущих дворян, а также лиц, недавно возведенных в дворянское достоинство. Он пришел к выводу, что «привилегированные должны были ока-

заться побежденными не только потому, что не могли рассчитывать на безусловную поддержку королевских агентов, терпение которых они истощили своим недавним сопротивлением, не только потому, что перед лицом всей поднявшейся нации они представляли собою лишь ничтожное меньшинство паразитов, но также и главным образом потому, что они были разединены»¹⁹.

Социальное и политическое размежевание дворянства впоследствии отмечали многие историки, в частности Ж. Лефевр, А. Собуль, Ф. В. Потемкин²⁰.

Но все же, когда на качественно новый уровень поднялось знание и осмысление истории народных масс, стали заметны и пробелы в социальной истории революции. Слабо изученными оказались господствующие классы: буржуазия и в особенности старый господствующий класс — дворянство.

С 50-х, а в особенности в 60-е годы в историографии произошел поворот к изучению дворянства. Первыми выступили американские историки Ф. Форд, Р. Форстер, А. Гудвин. Затем появились работы французских авторов Ф. Блюша, Ж.-Д. Лассеня, Ж. Мейера, Ж. Эгре, Г. Шоссинан-Ногаре, Г. Ришара и многих других. Общими усилиями этих историков, принадлежащих к разным научным школам и направлениям, в научный обиход введен обширный новый фактический материал. Вышел целый ряд крупных работ, посвященных исследованию как дворянства в целом, так и отдельных групп внутри дворянского сословия: так называемого «дворянства мантии», дворян-предпринимателей и финансистов, высшего духовенства. Опубликованы исследования дворянства отдельных регионов, а также книги и статьи по аграрной истории, обогатившие наши представления о дворянском хозяйстве. Продвинулось и изучение политических и идейных позиций дворянства, в частности его отношения к просветительской идеологии²¹.

Исследовательские работы последних десятилетий в значительной степени восполнили пробел в социальной истории Великой французской революции. В современной историографии проблема дворянства не только получила дополнительное освещение и подверглась более основательной и углубленной разработке, но и стала остродискуссионной. Подобно тому как это было ранее в английской историографии в ходе «спора о джентри»²², полемика вокруг французского дворянства XVIII в. является составной частью более широкой полемики, ведущейся вот уже 20 лет вокруг общей концепции Великой французской революции. Эта полемика получила подробное и всестороннее освещение в марксистской литературе²³. Историки сейчас уделяют значительное внимание дворянству предреволюционной Франции, потому что та или иная трактовка социального положения и классовой сущности дворянства, его идейно-политических позиций является принципиально важным звеном в построении концепции классовой и политической борьбы накануне и во время Великой французской революции.

Ряд буржуазных историков во Франции, США, Англии и ФРГ утверждают, что правящий класс дореволюционной Франции не был связан с отжившими феодальными отношениями и его господство не препятствовало развитию капиталистического уклада. Попытка коренным образом пересмотреть представления о дворянстве используется как аргумент в пользу нового истолкования французской революции в целом, резко заостренного против марксистской ее интерпретации. Современные французские историки Ф. Фюре, Д. Рише, Г. Шоссинан-Ногаре и другие выдвинули тезис о «революции элит», или «революции Просвещения», — тезис, в котором отразилось влияние работ буржуазных социологов, в особенности теории «круговорота элит» В. Парето²⁴. Сторонники концепции «революции элит» изображают дворянство и верхушку третьего сословия как надклассовую элиту, объединенную культурой и философией Просвещения, а также богатством и общим образом жизни. С их точки зрения, глубоких социально-классовых различий между дворянством и верхами третьего сословия не было, а разногласия внутри «элиты» существовали лишь по якобы второстепенным вопросам о сословных привилегиях. В работах указанных авторов дворянство выглядит самым передовым и активным элементом элиты, носителем капиталистических отношений в сельском хозяйстве, промышленности, торговле и финансовой сфере. Оно же, по их мнению, стояло во главе борьбы против абсолютизма, вместе с верхушкой буржуазии боролось за воплощение либеральных просветительских идеалов в противовес консервативным и даже ретроградным устремлениям народных масс²⁵. Для аргументации привлекаются, с одной стороны, такие давно известные факты, как распространенное во 2-й половине XVIII в. в среде французской аристократии увлечение просветительскими идеями и вольнодумство, участие целого ряда дворян в революции, особенно в первые ее годы, когда руководящую роль на политической сцене играли дворяне граф О. де Мирабо, маркиз М.-Ж. де Лафайет, братья Ш. и А. Ламеты, А. Дюпор. Наряду с этим активно используются многочисленные конкретные исследования последних десятилетий, посвященные специально истории дворянства, а также истории аграрных отношений во Франции старого порядка. Наиболее развернутое изложение новой интерпретации проблем дворянства можно найти у Г. Шоссинан-Ногаре, автора нескольких работ по этой тематике, в том числе книги «Дворянство в XVIII веке: от феодализма к Просвещению»²⁶.

Основные тезисы, выдвигаемые в настоящее время западноевропейскими и американскими буржуазными историками, по сути дела не являются абсолютно новыми. Не случайно большой популярностью и влиянием среди этих ученых пользуется труд А. де Токвиля «Старый порядок и революция». Представители так называемого «ревизионистского» течения в историографии Великой французской революции²⁷ развивают высказанные Токвилем идеи исторического континуитета, отсутствия разрыва между

до- и послереволюционным французским обществом, вслед за Токвилем отрицают плодотворность революционного пути социальных преобразований. Политическая беспомощность дворянства перед лицом революционных потрясений вызывала явное сожаление у Токвиля, который восхищался французским дворянством XVIII в. и считал его наиболее просвещенным классом, искренне воодушевленным идеей общего блага и бескорыстно стремившимся изменить общество в соответствии с учениями философов-просветителей²⁸. В русской историографии идеи Токвиля воспринял известный консервативный историк В. И. Герье²⁹.

В исторической науке уже встречался ранее и тезис о сближении верхних слоев, или «сближении элит» всех сословий, ставший исходной точкой концепций современной буржуазной историографии. Его выдвигал, в частности, еще известный либеральный историк Ф. Саньяк, дававший ему, однако, принципиально иную трактовку. По мнению Саньяка, к сближению с верхушкой третьего сословия дворян побуждали только любопытство, «интеллектуальная забава», на самом же деле они были настроены против перемен. Дворянство хотело сохранить в неприкосновенности весь общественный строй дореволюционной Франции. Оно играло с новыми идеями, не сознавая опасности такой игры в условиях, когда всё в обществе — имущественные отношения, нравы, идеи — изменилось не в его пользу³⁰.

Сторонники концепции «революции элит» не господствуют безраздельно в изучении дворянства предреволюционной Франции. Так, французский историк Ж. Эгре, много лет исследующий историю общественно-политической борьбы во Франции во второй половине XVIII в., показал в своих работах политический раскол дворянства на консерваторов, которые упорствовали в отстаивании сословных привилегий, и либералов, готовых к компромиссу с третьим сословием. Причем последние, по мнению Эгре, составляли явное меньшинство дворян³¹.

Видный французский специалист по истории дворянства Ж. Мейер отрицает существование в дореволюционной Франции единой межсословной элиты, основанной на богатстве и культуре. В своем фундаментальном исследовании дворянства провинции Бретань он убедительно доказал сохранение всей важности традиционных феодальных платежей в хозяйстве дворян-сеньеров, сословную замкнутость дворянства и наличие антагонизма между ним и третьим сословием³². Увлечение дворянства Просвещением Мейер объясняет тем, что аристократия издавна оказывала покровительство искусству и литературе, а когда в XVIII в. у литераторов появилась собственная, враждебная дворянству идеология, дворяне начали ею восхищаться, не понимая, чем может обернуться ее воплощение на деле. Автор отмечает также, что дворянство могло использовать новые идеи для прикрытия своих узкосословных интересов. Оно даже вынуждено было обосновать сословную исключительность и привилегии с помощью просветительских теорий, так как во 2-й половине XVIII в. французское

дворянство не выдвинуло ни одного своего идеолога, которого можно было бы поставить вровень с идеологами буржуазии³³.

С выводами сторонников концепции «революции элит» полемизируют ученые, группирующиеся вокруг «Общества робеспьеристских исследований». Ж. Годшо, Ф. Гужар, Ж. Бастье, Г. Лемаршан и другие авторы, прежде всего историки-марксисты, продолжают традиции, заложенные Ж. Лефевром и А. Собулем. Помимо преимущественно полемических работ³⁴, точка зрения этих ученых находит отражение в исследовательских и обобщающих трудах по истории французского общества XVIII в. и Великой французской революции; в частности, большое внимание они уделяют изучению структуры доходов дворян и удельного веса феодально-сенъериальных платежей в этих доходах³⁵. В их работах подчеркивается глубокая заинтересованность дворянства в сохранении феодально-сенъериальной системы, юридического неравенства и сословных привилегий. Вместе с тем отмечается, что в предреволюционном французском обществе часть дворян сближалась с буржуазией как в социально-экономическом, так и в идейно-политическом отношении³⁶.

Предпринятое историком-марксистом М. Вовелем изучение завещаний дворянства и третьего сословия Марселя дало результаты, противоречащие концепции «революции элит». М. Вовель выявил глубокие различия в мировоззрении, скрытые за общей просветительской культурой дворянско-буржуазной элиты. Напротив, общие духовные процессы и сдвиги в сознании объединяли не дворянство и буржуазию, а различные группы третьего сословия: буржуазию и народные массы³⁷.

Следует все же отметить, что пока еще «дворянская проблематика» не привлекла заметного внимания марксистской историографии, в том числе и советской. Советские историки интересовались проблемой идейных позиций французского дворянства XVIII в., изучали дискуссию о дворянском предпринимательстве, развернувшуюся во Франции в середине столетия³⁸, но в целом дворянство Франции предреволюционного периода в советской историографии специально не изучалось.

Современное обновление и углубление научных представлений о дворянстве, связанное с накоплением новых материалов, а также то значение, которое приобрела дворянская проблематика в научных спорах, требуют ее дальнейшего осмысления марксистской историографией.

* * *

Выяснение социально-классовой сущности дворянства предреволюционной Франции, его политических позиций, характеристика дворянской идеологии и политической культуры XVIII в. — вот круг задач, стоявших перед автором данной книги.

Для их решения были привлечены как исторические источники, так и современная исследовательская литература. Особое

значение имело изучение предвыборных наказов дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г. Наказы содержат необычайно богатую информацию относительно социально-политических устремлений дворянства, его политической культуры, влияния идей Просвещения в дворянской среде. Они представляют собой уникальную для XVIII в. и для всего периода нового времени аналогию современным опросам общественного мнения. Из них видно, какими, по мнению дворян-составителей, должны были быть политическое устройство Франции, ее административно-территориальная и судебная системы, армия, общественное устройство, экономика и финансы, место религии, церкви и духовенства в обществе. Они показывают, как дворяне в то время оценивали положение дел во Франции, как относились к существовавшим порядкам. Наказы отражают и особенности социально-политического мышления дворян: характерные черты их знаний и представлений о власти, обществе и политике, их отношение к традициям и реформам, к королевской власти, представления о месте и роли дворянского сословия в обществе. Еще в середине XVI в. во Франции зародился обычай давать наказания депутатам Генеральных штатов от имени выборщиков каждого сословия, пришедших на собрание. Однако в 1789 г. порядок составления наказов был несколько изменен. В результате этого по репрезентативности они значительно превосходят аналогичные документы более раннего времени. Предыдущим Генеральным штатам подавались сводные дворянские наказания от провинций. Королевской декларацией от 24 января 1789 г. для дворян были установлены прямые выборы. Их депутаты избирались в Генеральные штаты непосредственно от небольших избирательных округов: бальяжей и сенешальств³⁹. Наказ, составленный участниками собрания дворян округа, не подвергался дальнейшей обработке. В XVI—XVII вв. наказания составлялись иначе: тогда участники собраний в бальяжах выбирали депутатов на собрания провинций и вручали им свои требования, а уже затем на провинциальных собраниях дворяне выбирали депутатов в Генеральные штаты и составляли сводный наказ от провинции. До нас дошли именно такие сводные дворянские наказания XVI—XVII вв. В общей сложности, по данным американской исследовательницы Б. Хислоп, много лет занимавшейся поисками, публикацией и изучением наказов 1789 г., дворянство составило 207 наказов, из которых 182 были собственно дворянскими, 3 — совместными от дворянства и духовенства, 4 — от дворянства и третьего сословия и 18 — от трех сословий⁴⁰. Не все из этих 207 документов сохранились. Некоторые наказания, хранящиеся во французских департаментских архивах, до сих пор не опубликованы⁴¹. В подсчетах Б. Хислоп допущен ряд неточностей: несколько наказов третьего сословия из-за недостаточности сформулированных заглавий были зачислены в категорию совместных от трех сословий. Подчас наказания исследовательница называет документами, которые представляют собой лишь протоколы собраний. Требования дворянства в них не изложены⁴².

В нашем распоряжении было 165 наказов: 150 дворянских, 3 — от дворянства и духовенства, 3 — от дворянства и третьего сословия и 9 — от трех сословий. Подавляющее большинство их можно прочесть во французской публикации конца прошлого века «Парламентские архивы»⁴³. Наказы занимают первые шесть томов этого издания; в первом томе помещены также акты собраний нотаблей, парламентов, королевского совета и другие документы, появление которых предшествовало составлению наказов. Седьмой том справочный. Историки уже неоднократно отмечали несовершенство данной публикации. В ней много опечаток, встречаются пропуски слов, фраз, заголовков и целых абзацев, а в некоторых наказах пропущено по нескольку страниц текста⁴⁴. «Парламентские архивы» не имеют справочного аппарата, и не всегда можно сразу найти нужный наказ. Работа с таким изданием требует привлечения дополнительных справочников.

Наказы, не вошедшие в «Парламентские архивы», впоследствии публиковались в журналах, в изданиях документов департаментских архивов⁴⁵. Несколько дворянских наказов помещено в приложении к составленному Б. Хислоп специальному справочнику по наказам⁴⁶. Эту публикацию можно считать образцовой с точки зрения тщательности и полноты передачи текста источника. Краткий, но емкий комментарий к каждому документу выявляет его особенности, в том числе особенности внешнего вида, отмечает утраченные части текста. В публикации сохранена орфография и пунктуация оригинала. Автор особо выделяет неясно написанные и полустершиеся слова и как возможный вариант предлагает свое прочтение вызывающих сомнение фрагментов текста. Работы Б. Хислоп незаменимы при изучении других публикаций наказов, в частности «Парламентских архивов». В них есть полный перечень всех составленных в 1789 г. наказов по бальяжам с точным указанием, где они хранятся и опубликованы. Исследовательница также проделала чрезвычайно трудоемкую работу, значение которой невозможно переоценить: она сличила тексты всех наказов из «Парламентских архивов» с оригиналами, выявила ошибки и пропуски и издала свои исправления и дополнения.

Помимо опубликованных в нашем распоряжении был один рукописный наказ дворянства бальяжа Сен-Пьер-ле-Мутье провинции Ниверне, хранящийся в фондах Одесского государственного историко-краеведческого музея⁴⁷. Секретарь предвыборного собрания дворянства этого бальяжа граф А. де Ланжерон эмигрировал в самом начале революции и поступил на русскую службу. Протоколы собрания и текст наказа он увез с собой. Одно время Ланжерон был новороссийским генерал-губернатором, жил в Одессе, и материалы, относящиеся к выборам в Генеральные штаты 1789 г., остались там в его личном архиве. Опубликована только преамбула наказа бальяжа Сен-Пьер-ле-Мутье, так как она была записана в протоколе собрания третьего сословия того же бальяжа. Весь же текст дворянского наказа долгое время считался утерянным. Полностью он публикуется в приложении.

Изучение наказов ведется историками уже свыше 100 лет. Впервые наказания, в том числе и дворянские, как источник стали использовать историки второй половины XIX в. А. Токвиль, И. Тэн, Э. Шере. В подходе к наказам у них заметны общие черты. Все они работали с очень небольшим количеством текстов и не использовали всего корпуса сохранившихся документов. Их выводы о содержании программы дворянских наказов базировались не столько на анализе данного источника, сколько на их общей концепции французской революции, представлениях о французском дворянстве и его роли в революции.

Следующий этап в изучении дворянских наказов представляют работы историков либерально-позитивистского направления Ш.-Л. Шассена и Э. Шампюна во Франции и В. Я. Хорошуна в России. Эти авторы поставили анализ содержания наказов как особую исследовательскую задачу и начали использовать этот источник не выборочно, а фронтально. Правда, из их работ нельзя понять, насколько полно использовали они сохранившиеся наказания. Общий для них метод работы с источником был таким: автор сначала излагал свою характеристику программы наказов и в подтверждение цитировал источник.

Современный этап изучения дворянских наказов в буржуазной историографии как в методическом, так и в концептуальном отношении открыла американская исследовательница Б. Хислоп. Прежде всего имеется в виду ее вышедшая в 1934 г. фундаментальная работа о французском национализме⁴⁸. Б. Хислоп впервые убедительно показала неоднородность наказов, в том числе и дворянских, проследила в них различные тенденции. Она осуществила классификацию наказов по типам. Ее работа на солидном документальном материале подтвердила мысль А. Матьеза об идейно-политическом размежевании французского дворянства накануне революции. Но в предложенных автором критериях классификации наказов заключен большой методологический просчет. При отнесении их к той или иной группе не различаются существо выдвинутых требований, их направленность, с одной стороны, и фразеология наказа и отраженная в нем манера мышления — с другой. Причем последней стороне автор отдавал заметное предпочтение. В результате прогрессивность дворянских наказов оказалась сильно преувеличенной.

В настоящее время историки от эпизодического и иллюстративного использования дворянских наказов перешли к анализу всей совокупности документов и их классификации в том духе, как это делала Б. Хислоп. Широко используются начиная с середины 60-х годов современные количественные, лингвистические и иные методы работы с источниками⁴⁹. Одним из первых их взял на вооружение известный французский специалист по исторической психологии и лингвистике А. Дюпрон, который проследил на материале наказов брожение умов накануне французской революции. Его внимание при этом было сосредоточено на лексическом составе текстов, использовании просветительской термино-

логии, построении фраз и ходе рассуждений составителей. В наказах различных сословий он увидел прежде всего подтверждение вывода о существовании единой элиты Просвещения, противостоявшей народу.

Другой современный историк, А. Бюргьер, на материале наказов Реймса изучал с использованием методов контент-анализа особенности культуры различных слоев общества. Он обнаружил три модели наказов, соответствующие трем уровням культуры: 1) наказания образованных слоев общества, в которых просветительский словарь соответствует рационалистской системе политического мышления; 2) наказания промежуточного между элитой Просвещения и народными массами слоя, в которых просветительская лексика и отдельные просветительские идеи соседствуют с архаичной системой мышления; 3) наказания, представляющие типично архаичную культуру, в которых просветительский словарь употреблен машинально, а политические отношения мыслятся в традиционных категориях отношений суверена и подданных.

Архаичное политическое сознание, считает Бюргьер, не препятствовало выдвижению смелых, по сути, требований. Просветительская фразеология распространилась гораздо шире, чем просветительские концепции, а культурные уровни не были связаны с какими-либо определенными политическими взглядами, и наказания одного уровня культуры могли содержать противоположные по направленности требования. Так, наказания духовенства, дворянства и сводный наказ третьего сословия отражали общий культурный уровень и были отнесены автором к первой модели.

Сама по себе попытка Бюргьера вычлнить в текстах различные пласты и не только проанализировать требования и лексику наказов, но и воссоздать политическую культуру их составителей интересна. Но в его классификации наказов, основанной прежде всего на противопоставлении уровней культуры, совсем не учтен такой критерий, как расхождения в изложенных политических программах, различная общественно-политическая направленность выдвинутых требований.

Американские историки Г. Шапиро и Ф. Доусон в своем исследовании наказов поставили задачу установить корреляцию между радикальностью выдвинутых требований и возможностями буржуа того или иного города получить доступ во дворянство. Применительно к дворянским наказаниям, в отличие от составленных третьим сословием, искомой корреляции авторы не обнаружили.

Один из инициаторов «ревизии» концепции французской революции, американский историк Дж. Тэйлор, задался целью выяснить, стремились ли составители наказов к тому, что было сделано в ходе революции. Для этого он составил «идеальный наказ», включив в него в виде требований революционные преобразования 1789—1791 гг., и сравнил с ним реальные наказания весны 1789 г. Автор пришел к выводу, что в наказах преобладало влияние традиции, а готовой программы революционных преоб-

разований в них не было; в центре внимания составителей стоял вопрос о введении поименного голосования в Генеральных штатах, который в результате дальнейшего развития событий очень быстро отошел в прошлое. Тэйлор разделил наказания на четыре категории в зависимости от их близости к «идеальному наказу». Основным критерием для него являлось то, в какой мере в наказе отразилось влияние Просвещения. Наиболее передовыми и революционными при таком подходе оказались наказания высших, просвещенных слоев. Изученные тексты, заключил автор, продемонстрировали огромную дистанцию между политизированной элитой и арахично мыслящими народными массами.

Буржуазные ученые, специально изучающие наказания дворянства, трактуют их содержание, исходя из концепции «революции элит». Ими были восприняты как разработанная Б. Хислоп методика работы с наказаниями, так и ее угол зрения: преимущественное внимание к формальным особенностям текстов, их просветительской фразеологии и манере мышления авторов в ущерб анализу общественно-политической направленности выдвинутых дворянских требований в конкретно-исторических условиях второй половины XVIII в. Такой подход приводит к идеализации программы дворянства, к тому, что просветительская форма многих наказов без дополнительного специального анализа отождествляется с их общественно-политической направленностью. Дело в том, что в подавляющем большинстве дворянских наказов содержатся требования провозгласить «конституцию» и «гражданские права», однако эти понятия приобретают подчас в контексте наказов совершенно для нас непривычный, специфически дворянский смысл: под гражданскими правами могут подразумеваться привилегии дворянства, а под конституцией — деление общества на сословия. В работах современных историков — Франции, США и других стран такой подход к анализу наказов и полученные в результате него выводы используются для подтверждения теории «революции элит»⁵⁰. Показательна в этом смысле книга Г. Шоссинан-Ногаре о дворянстве XVIII в., две главы которой написаны на основании наказов⁵¹. Подобно Б. Хислоп, Г. Шоссинан-Ногаре не делает различия между содержанием и формой изложения требований в наказах. В плане методики работы с источником его книга представляет собой шаг назад по сравнению с трудом Хислоп. Он разбирает наказания на отдельные требования и подсчитывает частоту их повторения. Опираясь полученными цифрами, автор рассуждает о программе дворянства как о чем-то абсолютно однородном. В дворянских наказах он усматривает прообраз той либеральной конституционной монархии, что утвердится во Франции после Июльской революции 1830 г.

Сказанное выше убеждает в том, что изучение социально-политической программы дворянских наказов 1789 г., основанное на марксистской методологии исторического исследования, представляет несомненный научный интерес.

Перед историком, обратившимся к наказаниям, встает проблема

их достоверности. Под достоверностью в данном случае имеется в виду не достоверность отражения обстановки в стране — это в накладу вряд ли можно найти, так как реальное положение дел преломилось в них сквозь призму взглядов и интересов составителей, — а соответствие содержания источника истинным устремлениям составителей⁵². При оценке достоверности показаний этого источника необходимо принимать во внимание два рода факторов. Во-первых, обстановку, в которой они создавались. Это был период революционной ситуации, подъема народного движения и небывалого роста политической активности третьего сословия. Письма дворян, посланные во время избирательной кампании весны 1789 г., полны тревожных известий об антидворянских выступлениях в Париже и провинции⁵³. В подобных условиях в исходящие от господствующего класса документы, рассчитанные на знакомство с ними широкой публики, наверняка были включены демагогические декларации и посулы.

Во-вторых, тексты несут на себе отпечаток личностей их непосредственных составителей — комиссаров. Иногда в их числе были видные общественно-политические деятели того времени, например философ и математик Ж.-А. Кондорсе в бальяже Мант, Ш. де Ламет в бальяже Санлис и провинции Артуа, один из лидеров либеральной оппозиции маркиз де Лафайет в сенешальстве Риом, известный химик А.-Л. Лавуазье в бальяже Блуа и др. Участие подобных ярких личностей в работе собраний и в составлении наказов влияло на позицию остальных присутствовавших на собраниях дворян.

При изучении наказов эти оговорки необходимо иметь в виду, однако они не умаляют ценности наказов как источника. Сомнения историков в достоверности и искренности наказов касаются преимущественно приходских наказов третьего сословия, прежде всего крестьянских, и вызваны тем, что большинство участников приходских собраний в деревнях было неграмотно и малограмотно, при выработке текста на таких людей легко мог оказать давление кто-то более образованный, так что далеко не всякий принятый приходским собранием наказ можно рассматривать как выражение позиции большинства присутствовавших⁵⁴. При работе с дворянскими наказами таких сомнений не возникает. Участники собраний были достаточно компетентны, чтобы вникнуть в смысл предложенного на их рассмотрение текста, оценить его, покритиковать, дать, если нужно, свой контрвариант наказа. Все председатели и секретари собраний, комиссары-составители, разумеется, были дворянами, так что вопрос о давлении «извне» на участников дворянских собраний отпадает.

Отдельные проявления неискренности и демагогии в наказах, конечно же, встретить можно. Как каждый человек, выходя на улицу, смотрит в зеркало, чтобы выглядеть на людях лучше, чем он есть наедине с самим собой, так и дворяне 1789 г., составляя документы, рассчитанные на широкую огласку (свыше половины наказов дворянства было сразу же опубликовано в виде от-

дельных брошюр), стремились предстать в них более великодушными и склонными к самопожертвованию, чем они, вероятно, выглядели в своих частных письмах, дневниках, беседах и сокровенных помыслах. Но, с другой стороны, наказания не были отвлеченными, ни к чему не обязывающими рассуждениями о государственном и общественном устройстве. Напротив, они представляли собой руководство, определявшее поведение депутатов дворянства в Генеральных штатах. Следовательно, изложенные в них требования нельзя считать чистой демагогией. Они отражали, если не искренние стремления и идеалы дворянства, то, по крайней мере, тот предел уступок, на который оно реально, в действительности было готово. К тому же сама атмосфера кризиса режима, острой политической борьбы, фактической свободы печати, в которой создавались наказания, способствовала политизации сознания и свободному выражению политических позиций.

Что же касается влияния на окончательный текст наказа составителей его проекта, то оно, думается, сказалось главным образом на фразеологии, структуре, внешнем оформлении документа. Содержание и направленность требований отражали стремления, преобладавшие среди участников собрания. Наказ ведь принимался большинством голосов, причем на собраниях вряд ли были скучающие и равнодушные. Попытаемся представить себе, какой исключительной важности событием являлись выборы 1789 г. для современников. С 1614 г., т. е. в течение 175 лет Франция не знала никаких выборов, предыдущие Генеральные штаты отошли в область преданий. Кампания весны 1789 г. представляла собой нечто необычное для общественно-политической жизни того времени и в силу своей новизны вызвала заинтересованность и активность тех, кто принимал в ней участие. Тексты наказов рождались в упорной борьбе различных точек зрения, свидетельствами которой являются нередкие противоречия в текстах. Примером могут служить противоречивые высказывания о способе голосования в Генеральных штатах в наказах Манта и Артуа⁵⁵. В протоколах собраний, которые в ряде случаев предваряют в «Парламентских архивах» публикацию текста наказа, зафиксированы дискуссии, предложения изменений и добавлений к вынесенному на обсуждение проекту. Тексты некоторых наказов приходилось зачитывать по нескольку раз, прибегать к повторному голосованию. Так, при составлении наказа бальяжа Блуа дважды выносилась на голосование статья о способе подачи голосов в Генеральных штатах⁵⁶. Ожесточенная борьба мнений на собрании в Бордо привела к расколу и уходу части дворян в знак протеста против принятого большинством варианта наказа⁵⁷. В Бове 4 участника собрания отказались поставить подписи под текстом наказа из-за несогласия с принятой формулировкой статьи о способе голосования в Генеральных штатах⁵⁸. Иногда в текст документа включалось особое мнение кого-либо из присутствовавших. К наказу бальяжа Вермандуа был добавлен категорический протест одного из дворян против того, чтобы голосо-

ние в Генеральных штатах было поименным⁵⁹. Несколько раз зафиксировано особое мнение отдельных участников собрания в наказе Манта⁶⁰. К наказу Эвре приложен даже особый наказ, составленный герцогом Буйонским, графом Эвре⁶¹. В тех случаях, когда нам известны взгляды составителей проекта наказа, мы можем определить, насколько они повлияли на окончательный текст, принятый собранием. Так, в наказе бальяжа Мант содержится ряд положений, явно идущих вразрез со взглядами Кондорсе, составителя первоначального текста⁶². Следовательно, возможности популярного лидера воздействовать на мнение большинства собрания были ограничены, и ему не удалось последовательно провести в наказе свою точку зрения, так как она противоречила взглядам большинства дворян бальяжа.

Высказанные выше соображения касаются в целом проблемы репрезентативности наказов как источника по истории массового сознания предреволюционной Франции. Но есть также замечания частного порядка, относящиеся к отдельным текстам. Подробнее об этом можно прочесть в книге Б. Хислоп, где на основании архивных материалов дана оценка репрезентативности каждого наказа⁶³. Хислоп высказывает сомнения в достоверности наказа Дофине (оригинал его утерян, сохранилось лишь изложение требований в протоколе собрания) и наказа Бордо (группа участников покинула собрание, поэтому принятый наказ, в отличие от прочих, нельзя рассматривать как равнодействующую различных точек зрения дворян данного бальяжа).

Наказы 1789 г. представляют собой, таким образом, чрезвычайно ценный источник для изучения идейно-политического багажа, с которым дворянство встретило революцию. Каждый наказ — это более или менее пространный проект государственного и общественного переустройства Франции. Обычно он состоит из общей преамбулы, конкретных требований — статей, которые должны служить инструкцией для депутатов данного округа, — и небольшого заключения. Как правило, наказ целиком или большей частью посвящен общенациональным проблемам, но часть документов содержит и требования, касающиеся лишь жителей данного избирательного округа. Требования могут излагаться сплошным текстом, разбиваться на параграфы или группироваться в разделы. Объем наказов сильно варьируется. Так, в издании «Парламентские архивы» дворянский наказ сенешальства Божоле занимает чуть больше страницы⁶⁴, а наказ трех сословий провинции Бурк-ан-Брес — около 12 страниц⁶⁵. Объем большинства наказов в среднем 5—7 страниц.

Изучение наказов, поданных предыдущим Генеральным штатам, дает возможность выявить как традицию, так и то специфически новое, что характеризует дворянские наказания 1789 г. Необходимый для такого сравнительного анализа материал дает двухтомная рукопись, хранящаяся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина⁶⁶. Рукопись, в частности, содержит подробный конспект дворянских

наказов 1588 и 1614 гг. от провинций Иль-де-Франс, Шампань и Бри, Пикардия, Мо, Бургундия, Гийень, Лангедок, Лионне (совместно с Форезом и Божоле), Берри, Булонне и бальяжей Перонн, Мондидье и Руа. В середине XVII в., в период Фронды, королевское правительство собиралось созвать Генеральные штаты. В ходе подготовки к ним был составлен этот конспект наказов и других материалов, относящихся к Генеральным штатам и собраниям нотаблей XVI—XVII вв. Конспект одного наказа занимает от 5 до 11 страниц рукописи. Помимо названного рукописного источника имеются опубликованные И. Дюраном и Ф.-К. Эммануэлли 4 дворянских наказа 1614 г., опубликованные И. Дюраном наказы 1649—1651 гг. несостоявшимся Генеральным штатам времен Фронды и опубликованные Ж.-Д. Лассенем наказы дворянских собраний, созывавшихся в связи с политическими кризисами конца XVII — начала XVIII в.⁶⁷

Помимо наказов использовались другие документы, относящиеся к выборам в Генеральные штаты. Наиболее важные из них собраны в солидной и удачно составленной публикации А. Бретта. Она включает постановления Государственного совета, королевские декларации и регламенты, постановления Парижского парламента и другие источники. К публикации приложен подробный атлас административно-территориального деления дореволюционной Франции. Он содержит карту Франции с границами административных и финансовых округов, называвшихся генеральствами, и бальяжей, а также карты всех генеральств.

Для выяснения динамики аноблирований с 1772 по 1786 г. был использован документ из материалов генерального контроля, хранящийся в Национальном архиве (Париж). Копия этого ценного источника была любезно предоставлена в распоряжение автора профессором А. В. Адо.

Изучение идеологии и культуры французского дворянства XVIII в. требовало привлечения мемуаров и переписки современников. В частности, при подготовке работы были использованы записки просвещенного вельможи Сенака де Мельяна, мемуары писателей и историков Ф. Р. де Шатобриана и графа Ф. Д. де Монлозье, известного либерала графа Л. Ф. де Сегюра и др. Автор опирался также на пользовавшиеся популярностью в среде дворянства произведения общественной мысли XVIII в.: сочинения известных дворянских идеологов графа А. де Буленвилье и Ф.-О. де Сент-Фуа, более известного как шевалье д'Арк, европейских просветителей Ш.-Л. де Монтескье, Ф.-М. Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Ч. Беккариа и др.

Ценным источником по истории общественной мысли и культуры, зафиксировавшим общепринятые в рассматриваемую эпоху толкования общественно-политических понятий, явились различные словари и энциклопедии XVII—XVIII вв.: известный «Словарь Французской академии»; издававшийся более 20 раз «Большой исторический словарь» Л. Морери; «Энциклопедия» Д. Дидро и Ж.-Л. д'Аламбера; и др.

Важным было использование публикаций законодательных и административных актов, в той или иной степени относящихся к дворянству и его привилегиям (публикации Изамбера, Ж.-Б. Дювержье, «Монитор»).

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 425—426.
² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 114.
³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 496; т. 19, с. 112, 296; т. 20, с. 269, 671.
⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 36.
⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 220.
⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 296.
⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 484.
⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 190; см. также: т. 19, с. 196; т. 20, с. 269, 671.
⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 125—126.
¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 433—434.
¹¹ Там же, с. 310.
¹² См.: Шере Э. Падение старого режима. В 2-х т. Спб., 1907—1908.
¹³ Chassin Ch. L. Le génie de la Révolution. Vol. 1—2. P., 1863—1865.
¹⁴ См.: Шампъон Э. Франция накануне революции по наказам 1789 г. Спб., 1906.
¹⁵ Речь идет о теме студенческого семинара (см.: Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976, с. 24).
¹⁶ См.: Хорошун В. Я. Дворянские наказания во Франции в 1789 году. Т. I. Одесса, 1899.
¹⁷ Там же, с. 261.
¹⁸ Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. I. М., 1976, с. 244.
¹⁹ Матьез А. Французская революция. Т. I. Л.—М., 1925, с. 49.
²⁰ См., напр.: Lefebvre G. Etudes orléanaises. Vol. 1—2. P., 1962; Soboul A. La Révolution française. P., 1983, p. 59—62; Всемирная история, т. 5. М., 1958, с. 550.
²¹ См. библиографию в конце данной книги, раздел «Работы о французском дворянстве».
²² См.: Бацер М. И. Социальная природа Английской революции XVII в. в интерпретации участников «спора о джентри». — В кн.: Новая и новейшая история. Вып. 6. Саратов, 1980.
²³ См.: Собуль А. Классическая историография Французской революции. — В кн.: Французский ежегодник, 1976. М., 1978, Адо А. В. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и ее современные критики. — Новая и новейшая история, 1981, № 3.
²⁴ См. об этом: История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979, с. 323—328.
²⁵ Richet D. Autour des origines idéologiques lointaines de la révolution française. — Annales: Economies. Sociétés. Civilisations (далее — AESC), 1969, N 1, p. 1—23; Goubert P. L'Ancien Régime. Vol. 2. Les Pouvoirs. P., Collin, 1972; Doyle W. Was there an aristocratic reaction in prerevolutionary France? — Past & Present, 1972, N 57, p. 121; Lucas C. Nobles, bourgeois and the origins of the French Revolution. — Past & Present, 1972, N 60, p. 92—124; Furet F. Penser la Révolution française. P., Gallimard, 1978.
²⁶ Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle: De la Féodalité aux Lumières. P., Hachette, 1976.
²⁷ О «ревизионистской» историографии см.: Собуль А. Указ. соч.; Адо А. В. Указ. соч.
²⁸ См.: Токвиль А. Старый порядок и революция. Пг., 1918; Tocqueville A. Mélanges. Fragments historiques et notes sur l'ancien régime, la révolution et l'empire P., 1865 (это издание содержит главы незавершенного 2-го тома труда «Старый порядок и революция», не публиковавшиеся в русском переводе).

²⁹ См.: Герье В. И. Идея народовластия и Французская революция 1789 года. М., 1904.

³⁰ Sagnac Ph. La formation de la société française moderne. Vol. 1. P., 1945, p. 226—227.

³¹ Egret J. La révolution des Notables. P., Collin, 1950; Idem. La Révolution aristocratique en Franche-Comté et son échec. — Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine (далее — RHMC), 1954, t. 1, p. 245—271; Idem. La Pré-révolution française: 1787—1789. P., PUF, 1962.

³² Meyer J. La noblesse bretonne au XVIII siècle. Vol. 1—2. P., 1966

³³ Meyer J. Noblesses et Pouvoirs dans l'Europe d'Ancien Régime. P., Hachette, 1974, p. 89, 123.

³⁴ Mazaauric C. Sur la Révolution française. P., 1970; Casanova A., Mazaauric C., Robin R. La Révolution Française a-t-elle eu lieu? — La Nouvelle critique, 1972, N 52; Lemarchand G. Sur la société française en 1789. — RHMC, 1972, t. 19; Grenon M., Robin R. A propos de la polémique sur l'Ancien Régime et la Révolution: pour une problématique de la transition. — La Pensée, 1976, N 187; Собуль А. Указ. соч.

³⁵ Soboul A. Précis d'histoire de la Révolution française. P., Editions sociales, 1962; Idem. La France à la veille de la Révolution. Vol. 1—2. P., 1966; Idem. La société française dans la 2-de moitié du XVIII siècle. P., 1969; Idem. La civilisation et la Révolution française. Vol. 1—2. P., Arthaud, 1970; Idem. La Révolution française; L'abolition de la féodalité dans le monde occidental: Actes du colloque international sur l'abolition de la féodalité et les conditions de sa suppression dans le monde occidental. Vol. 1—2. P., 1971; Vovelle M. La chute de la monarchie. P., 1972; Bastier J. La féodalité au siècle des Lumières dans la région de Toulouse. P., 1975; Goujard Ph. «Féodalité» et Lumières au XVIII siècle. L'exemple de la noblesse. — AHRF, 1977, N 1; Lemarchand G. La féodalité dans les campagnes et la Révolution française: seigneurie et communauté paysanne de 1788 à 1799. — In: Die Französische Revolution — zufälliges oder notwendiges Ereignis? München—Wien, 1983, Teil 1.

³⁶ Soboul A. Précis d'histoire..., p. 25.

³⁷ Vovelle M. L'élite ou le mensonge des mots. — AESC, 1974, N 1.

³⁸ См.: Гордон Л. С. «Торгующее дворянство» аббата Куайе и его «Развитие». — Учен. зап. Башк. гос. ун-та, 1974, вып. 77, сер. ист. наук, № 16. Из истории Франции, вып. 5, с. 84—101; Иванова З. Н. Дискуссия о французском дворянстве в общественной мысли эпохи Просвещения. — В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1983, с. 109—116.

³⁹ Бальяжи и сенешальства — судебно-административные округа дореволюционной Франции, становившиеся в ходе выборов в Генеральные штаты избирательными округами.

⁴⁰ Hyslop B. A Guide to the General Cahiers of 1789, with the Texts of Unedited Cahiers. N. Y., 1936, p. 144, 151—152.

⁴¹ Hyslop B. Répertoire critique des cahiers de doléances pour les Etats généraux de 1789. P., 1933; Idea. A Guide to the General Cahiers of 1789...

⁴² Hyslop B. A Guide to the General Cahiers of 1789..., p. 203—207; Idea. Répertoire critique..., p. 140; Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises. Fondé par J. Madival et E. Laurent (далее — AP). Sér. 1, t. 1—7. P., 1879—1880. T. 2, p. 196—198, 366; t. 5, p. 627.

⁴³ Archives parlementaires de 1787 à 1860.

⁴⁴ Brette A. Recueil de documents relatifs à la convocation des Etats généraux de 1789. Vol. 1. P., 1894, p. XCIX—CII; Hyslop B. A Guide to the General Cahiers of 1789..., p. 158—159, 188—192, 365.

⁴⁵ См. список источников в конце книги.

⁴⁶ Hyslop B. A Guide to the General Cahiers of 1789..., p. 231—402.

⁴⁷ В музее хранится «Дело графа Ланжерона» (Д—684), которое содержит 68 документов, в том числе и интересующий нас наказ.

⁴⁸ Hyslop B. French Nationalism in 1789 according to the General Cahiers. N. Y., 1934.

⁴⁹ Dupront A. Cahiers de doléances et mentalités collectives. — In: Actes

du 89 Congrès national des Sociétés savantes. P., 1964; Idem. Livre et culture dans la société française du XVIII siècle: Réflexion sur une enquête. — In: Livre et société dans la France du XVIII siècle. Vol. 1, p. 218—220; Burguière A. Société et culture à Reims à la fin du XVIII siècle: La diffusion des «lumières» analysée à travers les cahiers de doléances. — AESC, 1967, N 2; Shapiro G., Dawson P. Social mobility and political radicalism: The Case of the French Revolution of 1789. — In: Aydelotte W. O., Bogue A. G., Fogel R. W. The dimensions of quantitative research in history. Princeton, 1972; Taylor J. Les cahiers de 1789: Aspects révolutionnaires et non-révolutionnaires. — AESC, 1973, N 6, p. 1495—1514.

⁵⁰ См., напр.: Flandrin M. La noblesse parisienne face à la convocation des Etats généraux de 1789. — Acta Poloniae Historica, 36, p. 95—100; Dupront A. Op. cit.; Burguière A. Op. cit.; Taylor J. Op. cit.

⁵¹ Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle..., ch. VII—VIII.

⁵² См.: Ону А. Выборы 1789 года во Франции и наказания третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны. Ч. I. Спб., 1908, с. 440—557; Sagnac Ph. Les cahiers de 1789 et leur valeur. — RHMC, 1907, N 5, p. 329—349; Hyslop B. A Guide to the General Cahiers of 1789..., p. 77—88.

⁵³ Vaissière P. Lettres d'«aristocrates». La Révolution racontée par des correspondances privées. P., 1907, p. 8—10, 44, 48—49.

⁵⁴ См.: Ону А. Указ. соч., с. 440—557.

⁵⁵ AP, t. 2, p. 80, 83; t. 3, p. 661.

⁵⁶ AP, t. 2, p. 384.

⁵⁷ Протокол собрания в Бордо не опубликован, но сохранился в архиве (см.: Hyslop B. A Guide to the General Cahiers of 1789..., p. 120).

⁵⁸ AP, t. 2, p. 297.

⁵⁹ AP, t. 6, p. 142.

⁶⁰ AP, t. 3, p. 665—666.

⁶¹ Ibid., p. 304—305.

⁶² Ibid., p. 661—666.

⁶³ Hyslop B. A Guide to the General Cahiers of 1789..., p. 85—88.

⁶⁴ AP, t. 2, p. 281—282.

⁶⁵ Ibid., p. 453—465.

⁶⁶ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Фр. FII, № 79, т. 1—2. О рукописи см.: Луизова Т. В. Собрание рукописей Дубровского в Государственной публичной библиотеке. — Вопросы истории, 1952, № 8, с. 150—154; Catalogue des manuscrits français de la bibliothèque de Saint-Petersbourg. Publ. par G. Bertrand. P., 1874, p. 72.

⁶⁷ Здесь и далее см. список источников в конце книги.

ДВОРЯНСКОЕ СОСЛОВИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ КОНЦА СТАРОВОГО ПОРЯДКА

1

Старый порядок (Ancien Régime) — термин, принятый среди историков. Он возник в эпоху Великой французской революции для обозначения дореволюционных государственных и общественных институтов и впоследствии, наполненный новым, научным содержанием, утвердился в историографии. Под старым порядком понимают период позднего феодализма. Социально-экономические отношения этого времени характеризуются нарастанием кризиса феодализма и вызреванием в его недрах капиталистического уклада. Иными словами, это период мануфактурной стадии развития капитализма. В истории Франции старый порядок охватывал XVI—XVIII вв. Десятилетия, предшествовавшие французской буржуазной революции, представляют собой, таким образом, конец старого порядка.

XVIII век, последний век старого порядка во Франции, был отмечен экономическим подъемом и интенсивным развитием капиталистического уклада. Это вызвало существенные изменения в социальной структуре, а также в общественном сознании. Особый интерес представляет 2-я половина XVIII в.: время нарастания кризиса старого порядка, социально-политических противоречий и конфликтов, которые в итоге закончились Великой буржуазной революцией.

Французское общество XVIII в. на всех его уровнях и во всех аспектах носило переходный характер. Далеко зашел процесс разложения феодальных и становления капиталистических отношений. С одной стороны, сохраняли свое значение такие феодальные структуры, как сеньериальное устройство в деревне и сословная организация общества. Каждое сословие обладало особым юридическим статусом. Дворянство в этом обществе принадлежало наряду с духовенством к числу высших сословий и пользовалось многочисленными привилегиями. Высоким был престиж дворянского имени, «благородного» происхождения. Дворян объединял ряд общих социальных характеристик.

Вместе с тем в переходном обществе конца старого порядка менялась социальная структура, нарастала напряженность. Общество, в котором переплетались классовые и сословные границы, через «хаос переходных форм»¹ эволюционировало в направлении буржуазного классового общества. Эти изменения и возникавшие на их почве конфликты коснулись всех слоев, они не могли не затронуть и дворянство. Каково же было место дворянства во французском обществе 2-й половины XVIII в. и как отразились на нем наступившие социальные перемены?

В сословной структуре дореволюционной Франции дворянство формально занимало второе место после духовенства. Дабы пред-

ставить себе, чем являлся в глазах современников носитель дворянского титула, достаточно обратиться к словарям и энциклопедиям той эпохи. Они близки друг к другу в раскрытии понятий «дворянин» и «дворянство». Дворянин — это тот, кто выше других, — такова суть всех определений. Вот некоторые из них: «Тот, кто по праву рождения или согласно Королевским Грамотам занимает положение выше третьего сословия Государства»²; «тот, кто обладает привилегией, которая возвышает его над простолюдинами (roturiers), или от рождения, или в связи с должностью, или по милости Государя»³; «положение и качество, которое дают рождение или Королевские грамоты и которое возвышает над простолюдинами тех, кто им облечен»⁴; «почетный титул, который отличается от большинства людей тех, кто им награжден, и позволяет им пользоваться некоторыми привилегиями»⁵.

Отличительным признаком дворянского сословия были его привилегии. В обществе, разделенном на сословия, привилегии (от латинского *privata lex* — частный закон) обеспечивали высокий социальный статус дворянина. Они представляли собой отличия, указывавшие, что их обладатель занимает более высокое положение в обществе по сравнению с теми, кто таких отличий лишен. Некоторые привилегии, помимо этого, еще и давали дворянам политические и экономические преимущества. Разветвленная система сословных привилегий была тесно связана с особенностями общественного и политического устройства, системы ценностей Франции старого порядка, поэтому эволюция общественных институтов и ценностей отражалась и на характере прерогатив дворянства, внося в них некоторые изменения. Мы рассмотрим их в том виде, в каком они существовали во 2-й половине XVIII в. Необходимо также иметь в виду, что в разных частях страны имелись особенности в пользовании дворянскими привилегиями, связанные с местными обычаями.

Дворяне имели право на отдельное представительство в Генеральных штатах. С этой точки зрения дворянство стало единой политической корпорацией именно в конце XVIII в. На выборах (в Генеральные штаты 1789) г. все дворяне независимо от происхождения и древности рода получили право участвовать в собраниях и быть депутатами своего сословия, тогда как в прежние времена «аноблированные», т. е. лица, недавно возведенные в дворянство, должны были заседать в собраниях третьего сословия. Постепенно за дворянами было закреплено исключительное право занимать ряд военных, церковных, административных и прочих должностей. Существовал целый ряд налоговых привилегий. Дворяне были освобождены от личной талии и сопутствующих ей налогов. Мотивировалось это тем, что талья представляла собой налог, предназначенный на содержание армии, а дворянство считалось военным сословием и платило «налог кровью». Дворяне были свободны и от личных повинностей типа баналитетов и корве (государственной дорожной барщины), от постоя войск, могли свободно владеть фьефами, тогда как недворяне обя-

заны были платить за это особый налог, порядок взимания которого в разных провинциях был неодинаков. Вопрос о значении налоговых привилегий дворянства принадлежит к числу дискуссионных⁶. Американская исследовательница Б. Беренс, работы которой получили широкую известность, считает несправедливым распространение и в XVIII в., и в новейшее время представление о том, что французское дворянство было свободно от налогов и вся их тяжесть падала на третье сословие. Во-первых, система податных привилегий была крайне широка и охватывала не только высшие сословия — дворянство и духовенство, — но и других жителей отдельных провинций и городов, должностных лиц и т. д. Во-вторых, дворяне не были освобождены от всех налогов и платили двадцатину, капитацию, реальную талью. Таким образом, заключает Б. Беренс, противопоставлять дворянство податному третьему сословию было бы несправедливо. Ее замечания верны, однако в них не учтены два существенных обстоятельства. Дворянство, после духовенства, обладало наиболее широким налоговым иммунитетом. И помимо этого освобождение дворян от ряда налогов не просто приносило определенную материальную выгоду, но и имело важное формально-юридическое значение как признак привилегированного социального статуса дворянина в ряду прочих подобных признаков. По обычаям ряда провинций, имущество дворян переходило по наследству на основании права майората, и такой порядок наследования принято было называть «дворянским разделом». Судебные привилегии дворян состояли в том, что их дела, минуя низшие инстанции, рассматривались непосредственно бальи и сенешалами — королевскими чиновниками, возглавлявшими судебно-административные округа. Уголовные дела дворян слушались в судебных палатах более высокого ранга, чем дела недворян. Наказания за преступления также носили сословный характер. Для дворян был сокращен срок обучения в университетах. Ряд учебных и благотворительных заведений (Королевская военная школа, школа для обучения малоимущих дворянских девушек в Сен-Сире и др.) были закрыты для лиц недворянского происхождения. К почетным привилегиям относились право на передаваемый по наследству титул барона, маркиза, графа, виконта или герцога, право носить шпагу, иметь герб, охотиться в королевских угодьях; дворяне не подвергались телесным наказаниям и считавшейся позорной смертной казни через повешение и т. д. По своей значимости почетные привилегии ничуть не уступали всем прочим, хотя, казалось бы, и не давали дворянам существенных преимуществ. В Энциклопедии Дидро и д'Аламбера при перечислении дворянских привилегий на первое место поставлено право на наследственность дворянского статуса. Вторым названо право на особое представительство в Генеральных штатах. Должностные привилегии занимают 4-е место, а налоговые — с 7-го по 9-е⁷. Почетные привилегии призваны были внешне проявлять и подчеркивать отличие дворянина от простолюдина. На этот счет во Франции сочинили анекдот, кото-

рый любили рассказывать мемуаристы. Якобы один простолюдин — то ли некий суконщик, то ли, в другом варианте, знаменитый парижский палач Сансон — имел привычку приговаривать: «Пусть меня повесят, если это неправда». Потом этот человек купил дающую дворянство, или, как тогда говорили, аноблирующую, должность королевского секретаря. На другой день в споре с кем-то он изрек: «Пусть меня обезглавят, если это неправда»⁸.

Система сословных привилегий, одна из наиболее развитых и завершенных в Европе, представляла собой важную особенность общественно-политического строя Франции. Она противопоставляла дворянство подавляющему большинству населения, третьему сословию, и обусловила то, что вопрос о привилегиях занял одно из центральных мест в общественно-политической борьбе во Франции и революция началась в форме конфликта между привилегированными и непривилегированными.

Помимо привилегий дворян объединяли общие черты образа жизни, составлявшие понятие «жить по-дворянски» (*vivre noblement*). Ряд занятий считались несовместимыми с принадлежностью к дворянскому сословию. Дворянин не мог заниматься мелкой торговлей, ремеслами, обрабатывать не принадлежащую ему землю, занимать низшие административные и судебские должности, например судебных исполнителей. Дворянство, сформировавшееся как военное сословие, призвано было служить. Достойной дворянина карьерой традиционно считались армия и флот. Абсолютизм прибавил к этому службу при дворе и государственный аппарат. Часть дворян (как правило, это были младшие сыновья) переходила в сословие духовенства. Дворяне могли вообще не состоять ни на военной, ни на гражданской службе и всю жизнь или большую ее часть прожить на своей земле. Но основная масса представителей сословия, которым позволяли средства, стремилась хотя бы непродолжительное время посвятить службе государю.

Существовало особое дворянское самосознание. Осознание дворянством себя как группы выражалось в эндогамности. Изучение брачных контрактов показало, что, например, в Париже в 1749 г. из 59 заключенных дворянами браков было 18 смешанных, но во всех случаях дворяне женились на дочерях буржуа, а не наоборот. Смешанные браки такого типа не влекли за собой утраты дворянского статуса и перехода в другую социальную группу⁹.

Численно дворянство было сравнительно невелико. Точных сведений нет. С конца XVII в. во Франции несколько раз предпринимались попытки составить «всеобщий каталог» дворян, но они так и не были осуществлены. В источниках XVIII в. и в исторической литературе встречаются самые разные цифры: от 80 тыс. до 600 тыс. Современные историки, специально изучавшие этот вопрос и сопоставлявшие источники разного рода, склоняются к тому, что дворян в стране было приблизительно 300—400 тыс. человек¹⁰, или 1—1,5% общего населения страны, насчитывавшего к кануну революции примерно 25—27 млн. человек. Дворянство

Франции было одним из самых малочисленных в Европе. В XVIII в. дворяне Польши составили свыше 10% населения, дворяне Испании и Венгрии — свыше 4%¹¹. Малочисленность наряду с широким кругом сословных привилегий придавала французскому дворянству особенно элитарный характер, противопоставляя его массе непривилегированного населения.

Дворянское достоинство и связанные с ним сословные привилегии передавались по отцовской линии детям, рожденным в законном браке. На востоке Франции, в провинции Франш-Конте и герцогстве Бар было зарегистрировано несколько случаев, когда, в соответствии с местными обычаями, дворянский статус передавался по материнской линии. Женщина-простолюдинка, выйдя замуж за дворянина, становилась дворянкой. Дворянка же в браке с простолюдином утрачивала принадлежность к привилегированному сословию, которая, впрочем, возвращалась ей после смерти мужа¹².

Дворянином можно было не только родиться, но и стать. Существовало несколько источников пополнения сословия извне. Так как дворянство, по традиции, считалось сословием воинов, то естественным было возведение во дворянство (аноблирование) в награду за военную службу. Такой способ получить дворянское достоинство выглядел в наибольшей степени соответствующим законам и обычаям королевства. В XVI—XVIII вв. государство неоднократно издавало указы о порядке аноблирований. Согласно долгое время оставшемуся в силе эдикту 1600 г. офицеры освобождались от талы по истечении определенного срока службы. Это являлось первым шагом к получению звания дворянина. В конце старого порядка аноблирования за воинскую службу регулировал эдикт 1750 г., в соответствии с которым недворянин, достигший генеральского звания, аноблировался сразу, а остальные офицеры-недворяне — по истечении определенного для каждого звания срока службы (чем выше звание, тем срок этот был короче) или в случае отставки по ранению. Но данный традиционный источник аноблирований не имел большого значения, так как подавляющее большинство офицеров происходило из дворянского сословия. Наиболее интенсивный приток новых людей давали на исходе старого порядка различные должности в центральной и провинциальной администрации и финансовом ведомстве. Должности канцлера, хранителя печатей, государственных секретарей, государственных советников, докладчиков в Государственном совете, многие должности в высших судебных палатах сразу обеспечивали своим обладателям полное наследственное дворянство. Более низкие должности в административном аппарате, судебных палатах и финансовом ведомстве могли давать права личного дворянства, дворянское звание по истечении определенного срока службы или аноблирование следующих поколений при условии, что сын унаследует должность отца. Количество аноблируемых должностей было непостоянно. Большая часть их продавалась и переходила по наследству, так что создание но-

вых аноблирующих должностей было одним из тех средств, с помощью которых государство старого порядка пыталось преодолеть финансовые трудности. В отличие от военного по происхождению «дворянства шпаги» («noblesse d'érée»), те кто получил звание дворянина вместе с должностью в государственном аппарате, назывались «дворянством мантии» («noblesse de robe»). Разновидностью должностного дворянства являлось «дворянство колокола» («noblesse de cloche») — лица, возведенные во дворянство по приобретении должности в городском муниципалитете (название «noblesse de cloche» происходит от колокола городской ратуши).¹³ Еще одним способом получения дворянства служили королевские жалованные грамоты. Подразумевалось, что их жалуют за заслуги, например, торговцам, промышленникам, врачам, архитекторам, художникам, музыкантам. Поскольку дворянские грамоты продавались, их распространение превратилось в источник пополнения государственной казны. Аноблирования путем продажи грамот неоднократно аннулировались и вновь возобновлялись, с тем чтобы заставить лишний раз раскошелиться жаждущих приобрести статус дворянина¹³.

Всего в течение XVIII в., по подсчетам Г. Шоссинан-Ногаре, было аноблировано примерно 6500 семей, из них 5510 — через систему продажи должностей¹⁴. По подсчетам Ж. Мейера, эти цифры еще выше: около 10—11 тыс. семей, аноблированных с 1710 по 1790 г., или приблизительно 50 тыс. человек (здесь с членами семей). Из этих семей 400 аноблированы в соответствии с эдиктом 1750 г. о «военном дворянстве», 800—1000 — согласно королевским жалованным грамотам, а все остальные — в результате приобретения различных должностей¹⁵. Т. е. пополнение дворянского сословия осуществлялось главным образом через систему продажи должностей. Если сравнить численность аноблированных с указанным выше общим числом дворян, то станет ясным, что состав дворянского сословия Франции в течение XVIII в. значительно обновился.

Преуспевшие буржуа стремились аноблироваться, чтобы официально закрепить свое возвышение приобщением к сословным привилегиям. Однако, несмотря на отмеченное выше обновление сословия, удовлетворить такое стремление дано было не всем. Во 2-й половине XVIII в. эта проблема особенно обострилась. Экономический подъем, обогащение и усиление буржуазии повышали спрос на дворянский титул, социальный престиж которого был исключительно велик. Без него богатый и уважаемый гражданин не имел юридического подтверждения своей принадлежности к высшим слоям общества, а это имело большое значение в разделенном на сословия обществе старого порядка. Звание дворянина повышало социальное положение индивида, его престиж и помогало обзавестись новыми нужными связями. Но свободно влиться в ряды привилегированного сословия не было возможности. Весь ход социально-экономических процессов во Франции, развитие капиталистических отношений вызывали изменения в со-

циальной структуре. В рамках феодальных сословий началось формирование классов буржуазного общества. Все это обусловило рост социальной мобильности. Однако политико-юридическая надстройка старого порядка стояла на страже интересов дворянства и поэтому реагировала на перемены очень специфическим образом. Характерной чертой социально-политического развития Франции в это время стало окостенение сословной структуры и сословных барьеров. В XV—XVI вв. произошло значительное персональное обновление дворянского сословия. Вследствие аноблированные в тот период семьи постепенно стали родовитыми, а приток новых людей из среды ротюрье (людей третьего сословия) замедлился. Этот процесс можно хорошо проследить на локальном примере области Бос. Здесь в 1500 г. родовитые дворяне (более четырех поколений или 100 лет дворянства) составляли 20% всех сеньеров, 7% приходилось на высшую знать, жившую за пределами области, а все остальные были аноблированными или буржуа (четкая граница между ними отсутствовала, так как в то время было достаточно владеть сеньерией для того, чтобы аноблироваться). В 1700 г. родовитые дворяне составляли уже 40% сеньеров области Бос, парижское дворянство — 25, ротюрье — 25 и аноблированные — менее 10%¹⁶.

Во 2-й половине XVI в. королевскими ордонансами было запрещено автоматическое аноблирование владельцев фьефов и военных. В результате начиная с XVII в. основным путем аноблирования стала продажа должностей и жалованных грамот. Однако многие аноблирующие должности были заняты самими дворянами, а возможности недворян получать их постепенно сужались. Во 2-й половине XVII в. было ограничено число аноблирующих муниципальных должностей. Эдикт 1715 г. аннулировал значительную часть аноблирований, имевших место после 1689 г. В 1-й половине XVIII в. принимались меры по ограничению числа аноблирующих должностей королевских секретарей. Со времени правления Людовика XIV и вплоть до кануна революции неоднократно предпринимались попытки вытеснить недворян из армии. В XVIII в. ряд парламентов (высших судебных палат) закрыли двери перед недворянами: в 1732 г. Реннский парламент издал подтвержденный правительством регламент, согласно которому новым его членом мог стать впредь только потомственный дворянин в четвертом поколении; во 2-й половине столетия аналогичные требования к пополнению стали предъявляться в парламентах Гренобля, Экса, Тулузы и Нанси¹⁷. В 1-й половине XVIII в. создание новых аноблирующих должностей прекратилось. Резко уменьшилось пополнение дворянского сословия в период проведения канцлером Р.-Н. де Мопу судебной реформы, предусматривавшей отмену продажи парламентских должностей. В 1771—1774 гг. они не продавались. Упало число аноблирований также в 1780 г. Дворянское звание тогда получили 124 человека. Это самый низкий показатель после восстановления продажи должностей и до

1786 г. включительно¹⁸. Таким образом, подъем буржуазии и демографический взрыв XVIII в. сопровождался усилением сословной замкнутости дворянства. Привилегированное сословие, хотя и непрестанно пополнявшееся извне, тем не менее не хотело свободно принимать в свои ряды поднимающиеся элементы из низших слоев. Дворянство стремилось поставить барьеры «выскачкам». Абсолютистское государство, поддерживая это стремление, принимало меры с целью «закрыть» привилегированное сословие. Это являлось серьезным фактором дестабилизации социально-политической системы Франции старого порядка. Официальная иерархия недостаточно гибко реагировала на меняющееся соотношение социальных сил. Преуспевшие буржуа, желавшие получить престижный титул, подчас отвечали на это, как тогда говорили, «узурпацией дворянства», т. е. самовольно присваивали себе дворянское звание. Однако получить широкое распространение подобная практика не могла. Хотя централизованного контроля за употреблением титулов и не было, он фактически осуществлялся самыми разными учреждениями. Документы, удостоверяющие права на дворянские привилегии, требовались, например, при составлении податных списков, при поступлении в военные школы и т. д.

Исключительное положение дворянства и его относительная замкнутость составляли слабость этого сословия и таили в себе угрозу его политическому могуществу, так как «чем больше способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство»¹⁹. Дворянское сословие становилось мишенью для недовольства со стороны поднимающейся буржуазии, социальные ожидания которой не находили удовлетворения в рамках социальной структуры старого порядка.

* * *

Мы видим, что в соответствии с официальной формально-юридической иерархией в социальной структуре Франции дворянство было привилегированным сословием, противостоящим непривилегированному третьему сословию, основной массе населения страны. Но в сложном, переходном социальном организме конца старого порядка сословные грани не совпадали с классовыми, имущественными и социопрофессиональными. Дворянство существовало в «хаосе переходных форм», и это обусловило как противоречивость его положения в обществе, так и внутренние противоречия в самом этом сословии.

С одной стороны, во Франции существовал значительный слой лиц непривилегированного сословия, которые вели истинно «дворянский образ жизни». Это были землевладельцы-сеньеры, которые жили главным образом на доходы от своих земель, исполняли административные и судебные должности, занимались свободными профессиями. В окрестностях Парижа, где позиции дворян-

сеньеров были очень сильны (так как в этих местах располагались сеньерии высшей знати), в сеньериальном владении дворян находилось 60% земель, но при этом все же 29% — в сеньериальном владении лиц третьего сословия²⁰. Землевладельцы-сеньеры были расколоты сословным барьером. Подобная нечеткость социальных граней порождала у верхушки третьего сословия рост социальных притязаний, которые далеко не всегда могли получить удовлетворение в силу нарастающей закрытости дворянского сословия.

С другой стороны, само дворянское сословие выглядело единым лишь извне, но не изнутри. Взгляд на дворянство извне — знаменитая брошюра аббата Э. Ж. Сийеса «Что такое третье сословие?». Третьему сословию и его лидерам, подобным Сийесу, дворянство казалось единым вражеским лагерем, своими сословными привилегиями противопоставленным всей нации²¹. Взгляд на дворянство изнутри — брошюра «Мария-Антуанетта Австрийская, королева Франции, или причины и картина Революции», изданная дворянином-эмигрантом из армии Конде. Одна из центральных тем брошюры — раскол французского дворянства, в котором автор усматривает важнейшую причину революции²².

Внутри дворянского сословия сложилась конфликтная ситуация. Объединенное и отделенное от других слоев общества сословными привилегиями и рядом общих черт образа жизни, оно было внутренне неоднородным, в результате чего отдельные его слои испытывали социальную фрустрацию. Внутрисословные различия и противоречия были многочисленны, потому что социальная структура предреволюционной Франции носила переходный характер. В рамках феодально-сословной иерархии развивался процесс буржуазного классового образования. В таких условиях внутри дворянства существовало множество барьеров, как старых, так и новых: экономических, социальных, политических, формально-юридических, идейно-культурных.

Сохраняли свое значение традиционные формально-сословные различия. Наиболее существенная с этой точки зрения грань пролегла между родовитыми дворянами и семьями, возведенными во дворянство, аnobлированными. Родовитыми считались семьи, насчитывавшие свыше четырех поколений дворянства. Разница между двумя категориями дворянства была столь значительна и общепризнанна, что закрепились терминологические Русское термины «дворянин» соответствуют французские «noble» — дворянин вообще и «gentilhomme» — родовитый дворянин. Смысл последнего термина остроумно обыгрывается в названии комедии Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве». По-французски оно звучит как «Bourgeois gentilhomme». Это соединение несочетаемых по сути своей понятий указывает на абсурдность притязаний господина Журдена. Если буржуа и был в состоянии аnobлироваться, то превратиться в родовитого дворянина ему уж никак не было дано. Последним можно было только родиться.

Все толковые словари и энциклопедии XVIII в., отмечающие различия внутри дворянского сословия, зафиксировали именно иерархию по принципу родovitости. Так, в «Словаре Французской академии» 1762 г. выделены 2 категории: родовитых дворян и возведенных во дворянство. Для того чтобы их различать, употреблены термины nobles и gentilshommes. Разницу между двумя терминами и обозначаемыми ими понятиями составители словаря проиллюстрировали труднопереводимой на русский язык пословницей, смысл которой в том, что всякий родовитый дворянин принадлежит к дворянскому сословию, но не всякий дворянин родовит («Tout Gentilhomme est noble, mais tout noble n'est pas Gentilhomme») ²³. Те же две категории указаны и во «Всеобщем словаре» А. Фюретьера 1727 г. ²⁴

В «Большом историческом словаре» Л. Морери 1740 г. дана более дробная классификация. Здесь названы 4 категории дворянства: принцы крови; высшее дворянство, к которому отнесены герцоги и пэры, приближенные короля, высшие офицеры, военные губернаторы, бальи и сеншалы и т. д.; обычное дворянство, подразделенное в свою очередь на дворянство расы (noblesse de race) — родовитые семьи, чья принадлежность к дворянскому сословию превысила 100 лет или четыре поколения, и урожденное дворянство (noblesse de naissance) — тех, чьи близкие предки были аноблированы; аноблированные ²⁵.

Известный дворянский идеолог конца XVII в. Г.-А. де Ла Рок в «Трактате о дворянстве» писал, что дворяне делятся на тех, кто принадлежит к этому сословию от рождения, и аноблированных. Среди первых он различал семьи, дворянское происхождение которых уходит в глубь веков, семьи, насчитывающие свыше четырех поколений дворянства, и семьи, чья принадлежность к дворянству не достигает четырех поколений ²⁶.

Другим существенным формально-сословным различием, помимо древности рода, был способ получения дворянского звания. С этой точки зрения широко известно деление второго сословия Франции на военное «дворянство шпаги» и должностное «дворянство мантии». Долгое время «дворянство шпаги» отказывалось признавать «дворянство мантии» равной себе частью дворянского сословия и видело в нем особо преуспевшую верхушку буржуазии. Но, как показали современные историки, специально изучавшие взаимоотношения этих групп дворянства на протяжении всего старого порядка, внутрисословный антагонизм «дворянства шпаги» и «дворянства мантии» в течение XVIII в. постепенно сглаживался и «мантия» заняла прочное положение в рядах привилегированного сословия ²⁷. Подчас происходило даже слияние двух ветвей дворянства в рамках одной семьи. Примером может служить Ш.-Л.-О. Фуке, герцог де Бель-Иль, внук знаменитого сюринтенданта Н. Фуке, избравший карьеру военного и дипломата. В 1741 г. он стал маршалом Франции, а в 1748 г. — герцогом и пэром. В XVIII в. парижская «аристократия мантии» постепенно вошла в состав придворного дворянства ²⁸. На высшие государ-

ственные должности канцлеров, хранителей печатей, генеральных контролеров, государственных секретарей назначались выходцы из семей как военного, так и должностного дворянства. Все эти королевские министры были представлены ко двору, между их семьями заключались смешанные браки ²⁹.

Высшей сословной почестью являлось право быть представленным ко двору. Те, на кого это право распространялось, занимали высшую ступень во внутрисословной иерархии. Согласно принятому в 1759 г. придворному регламенту представленными к королевскому двору могли быть те, чьи семьи являлись исконно дворянскими и никогда не были аноблированы. Чтобы считаться таковыми, требовалось доказать свое дворянское происхождение вплоть до 1400 г. Собранные доказательства изучались придворными генеалогистами. Если представленные в доказательство документы признавались достоверными, дворяне получали доступ к придворным почестям: они могли присутствовать на балах королевы, на королевских охотах, ужинах и т. д., садиться в карету короля. Но и «дворяне мантии», в том числе из аноблированных, не были отстранены от высших почестей королевского двора. Существовала целая категория лиц, которые могли быть представленными ко двору вне общего правила. Доказательств древности рода не требовали от семей высших королевских чиновников, министров, государственных секретарей, маршалов Франции, кавалеров ордена Святого Духа и послов. Они представлялись ко двору согласно королевскому приказу ³⁰.

При несомненном сближении «дворянства шпаги» и «дворянства мантии» различия между ними все же оставались. Эти группы тяготели к эндогамии. Особенно сильно она была выражена у высшей титулованной знати: герцогов и пэров. Они заключали 49% браков внутри своей группы, 37 — с семьями «дворянства шпаги» и 14% — с семьями «дворянства мантии». Остальная часть дворянства была в этом отношении более открытой. Однако смешанные браки заключались в основном между «дворянами шпаги» и дочерьми «дворян мантии», обратные случаи встречались реже ³¹. Несмотря на юридическое равенство, социальный статус магистратуры был ниже, нежели военной по происхождению аристократии. Баронесса д'Оберкирх, оставившая в своих воспоминаниях подробное описание всех условий и процедуры представления ко двору, замечает, что «дворяне мантии» имели право не на все придворные почести и не могли садиться в королевскую карету. Само по себе представление ко двору по приказу считалось не таким почетным, как представление на основании доказательств древности рода. Упомянутая баронесса д'Оберкирх была впервые представлена ко двору в 1782 г. согласно королевскому приказу, так как не успела составить доказательства. Впоследствии она продолжала настойчиво собирать нужные документы, чтобы доказать свое право на придворные почести независимо от монаршей милости ³². Различие между «дворянством шпаги» и «дворянством мантии» заключалось и в том, каким обра-

зом представлялись ко двору их жены. Жен «дворян шпаги» король обнимал, а жен «дворян мантии» просто приветствовал. Магистраты сочли это различие унижительным для себя и со времени правления Людовика XIV, т. е. с того времени, когда установился придворный этикет, стали предпочитать вообще не представлять своих жен ко двору³³. Крайне редко «дворяне мантии» получали высший дворянский титул герцога. Лишь в 1650 г. канцлер П. Сегье был пожалован титулом герцога де Вильмор, а в 1770 г. канцлер Л. Фелипо стал герцогом де Ла Врийер³⁴. Предметом раздоров между верхушкой «дворянства шпаги» и высшей магистратурой был порядок торжественных заседаний Парижского парламента в присутствии короля, в которых, помимо самих членов палат парламента, принимали участие приближенные короля из числа военной знати. В ходе таких заседаний первым слово предоставлялось герцогам и пэрам, а председатели парламента обязаны были снимать перед ними головной убор. Магистраты считали, что такой порядок ущемляет их политические права. Они многократно и безуспешно требовали себе право высказываться первыми и не снимать головного убора перед герцогами и пэрами³⁵.

Значение формальных различий внутри дворянского сословия бесспорно велико, так как определяющим признаком дворянина как такового служил его особый правовой статус. На исходе старого порядка формально-сословные различия сыграли важную роль, так как были ограничены политические привилегии аноблированных выходцев из третьего сословия. Эти годы отмечены так называемой «дворянской реакцией». В 1781 г. был издан уже упоминавшийся ордонанс военного министра маршала Сегюра. Подобный ордонанс появился и во флоте. Эти меры были направлены против недавно аноблированного богатого должностного дворянства и финансистов, чьи сыновья могли бы поступить на военную службу³⁶. До 1781 г. свыше 10% офицеров королевской армии составляли недавно аноблированные (менее четырех поколений дворянства). После принятия ордонанса Сегюра их число резко сократилось и уже не превышало 2%³⁷. Принадлежности к четвертому поколению дворянства стали требовать от своих членов парламента Ренна, Гренобля, Экса. В результате мер «дворянской реакции» семьи недавно аноблированных оказались в положении дворян «второго сорта». С одной стороны, они принадлежали к дворянству, но в то же время не могли в полной мере пользоваться всеми дворянскими привилегиями. И в такое положение попадали богатейшие люди Франции. Среди 223 крупнейших финансистов эпохи, генеральных откупщиков, 12% были по происхождению «дворянами мантии» и 1,4% — «дворянами шпаги». Генеральные откупщики в основном уже являлись дворянами. В 1786 г. 90% из них составляли дворяне, потомственные и аноблированные³⁸. Таким образом, большинство финансистов, принадлежа к дворянскому сословию, были недворянского происхождения.

Дворянство было неоднородно и в имущественном отношении. В целом оно экономически преобладало над прочими категориями населения. Дворяне были богаче, чем состоятельная верхушка третьего сословия, — к такому выводу пришли историки, изучавшие имущественное положение различных социальных групп Парижа, провинции Бретань, небольших провинциальных городов, таких, как Байе и Семюр-ан-Оксуа³⁹. В Тулузе в общей массе сохранившихся завещаний за 1791—1799 гг. дворянские составляют 11,89%, а сумма завещанного по ним имущества — 63,09% от общей суммы имущества, завещанного жителями Тулузы. По данным этих завещаний и брачных контрактов за те же годы, в Тулузе дворяне владели 36,15% недвижимого имущества в городе, 53,41% движимого имущества, 71,02% имущества в деревне, 92,08% акций⁴⁰. Дворяне занимали видное имущественное положение даже в быстро развивающемся передовом центре мануфактурного производства Лионе и крупном центре морской торговли Бордо, где капиталы буржуазии были особенно велики⁴¹. В общей массе сохранившихся брачных контрактов жителей Бордо за 1782—1784 гг. дворянские составляют 2%, а среди контрактов на сумму свыше 100 тыс. ливров — 30%; 3/4 дворянских брачных контрактов фиксируют имущество на сумму свыше 51 200 ливров каждый, тогда как среди брачных контрактов крупных негодантов из третьего сословия такие составляют 21%⁴².

В свете современных данных представляется убедительной позиция тех историков, которые склоняются к мысли, что ослабление экономических позиций дворянства по отношению к буржуазии существовало во Франции конца старого порядка как наметившаяся тенденция, но не как свершившийся факт⁴³. Франция переживала в XVIII в. бурный экономический подъем⁴⁴, в результате которого быстро росло богатство буржуазии. Доходы дворянства к концу века тоже значительно выросли, но темпы их роста были ниже.

Состав имущества и источники доходов дворянства были разнообразны. Основу богатства семей «дворянства шпаги» и «дворянства мантии» составляла земельная собственность. У финансистов преобладали поступления от откупа налогов. В имуществе «дворян мантии» тоже был велик удельный вес движимой собственности, а именно должностей. В середине XVIII в. в парижском аристократическом квартале Марэ 30% движимого имущества находилось в руках «дворянства шпаги» и 70% — в руках «дворянства мантии», при этом стоимость должностей составляла 30% всего имущества «дворянства мантии». Большую роль играли также государственные ренты и доходы от займов и акций. Структура недвижимого имущества этих двух категорий дворян выглядела следующим образом: у «дворянства шпаги» 72% его приходилось на сеньерии и 28% — на особняки и земельные участки в городе; у «дворянства мантии» городские владения составляли 57%, а земли в провинции — 43% недвижимости⁴⁵. У дворян-финансистов стоимость сеньерий в среднем составляла лишь 19%

всего имущества⁴⁶. Но если рассматривать сословие в целом, то основой его экономического могущества оставалась земельная собственность⁴⁷. Земля — одна из традиционных дворянских ценностей, с ней дворянин связывал происхождение своего рода, земельное владение давало ему титул. Обладание земельной собственностью было не только источником дохода, но и делом престижа. Это особенно ясно видно на примере дворян-финансистов. Доля находившейся в руках дворянства земельной площади в различных регионах была неодинакова. В Нижнем Эльзасе, округе Туль в Лимузене, в Верхней Оверни, Дофине, Керси и окрестностях Монпелье она составляла лишь 10—15%, в Артуа, вокруг Дьеппа в Нормандии, в Пикардии, в округе Лаон провинции Иль-де-Франс, в Бри, Бургундии, Нижнем Провансе достигала 30—40%, а в окрестностях Версаля — 68%⁴⁸. Региональные подсчеты свидетельствуют о том, что в течение века земельная собственность дворянства оставалась стабильной. В Парижском бассейне, Бретани, Нормандии сеньерии, продаваемые обедневшими дворянами, скупали, как правило, тоже дворяне из числа местной парламентской знати или из семей бывших буржуа, получивших дворянский титул⁴⁹. О получаемых дворянством от своей земли доходах обобщающих сведений нет. Из подсчетов, проведенных Ж. Мейером на бретонском материале, известно, что в этой провинции дворянство в целом получило 1/3 земельных доходов⁵⁰. В течение века земельные доходы дворянства должны были значительно возрасти ввиду того, что экономическая конъюнктура 2-й половины XVIII в. благоприятствовала крупным собственникам: шел процесс роста цен на сельскохозяйственные продукты и арендной платы⁵¹. В результате в Бретани, например, земельные доходы дворянства с 1730-х годов выросли по крайней мере вдвое⁵².

Но когда мы говорим о богатстве дворян, имеется в виду сословие в целом. Внутри него существовала сильная имущественная дифференциация. Развитие буржуазных отношений, растущая власть денег в обществе определили большое значение имущественной иерархии. Наиболее полное представление об имущественных различиях внутри дворянства и о связанной с ними разнице в социальном статусе дает составленный в 1695 г. тариф капитации (подушной подати). Этот документ делил все население Франции на 22 группы и для каждой устанавливал сумму подушного налога. Дворянство вошло в группы, начиная с 1-й, высшей, для которой был установлен налог 2000 ливров, и кончая 19-й, платившей 6 ливров налога⁵³. В 1-ю группу вошли дофин, другие принцы и принцессы крови, министры и генеральные откупщики. Таким образом, высший слой дворянства, согласно тарифу капитации, включил в себя 3 категории дворян разного происхождения: «дворянство шпаги», «дворянство мантии» и финансовое дворянство. Внимательное изучение тарифа капитации показывает, что проставленные в нем суммы не являлись в точности ни налогом на капитал, ни подоходным налогом. Они отражали социальный престиж той или иной группы. Иерархия выстро-

на с учетом их имущественного положения, а также знатности и политического влияния. Все это дало основание французскому исследователю Ф. Блюшу назвать тариф капитации «табелью о рангах»⁵⁴. Появление данного документа свидетельствует о том, что уже в конце XVII в. богатство стало таким же узаконенным критерием внутрисословной иерархии, как и древность рода.

Богатейшей верхушкой дворянства была парижская аристократия⁵⁵. Она включала в себя самые знатные семьи «старой аристократии шпаги» (принцев, герцогов и прочую титулованную знать, придворных), высшую «аристократию мантии» и финансистов. Последние не отличались родовитостью, но колоссальные богатства обеспечивали им общественный вес и политическое влияние. Являясь кредиторами государства, они оказывали давление на политику абсолютных монархов. В своей повседневной жизни финансисты еще теснее, чем «дворянство мантии», были связаны с «дворянством шпаги»⁵⁶. Они меценатствовали, держали ложи в опере, вращались в салонах титулованной знати и сами были хозяевами блистательных аристократических салонов. Так, салон откупщика Гримо де Ла Реньера пользовался славой, выходящей за пределы Франции. Его посещали королева Мария-Антуанетта и путешествовавший под именем графа Северного будущего русский император Павел I. Часто заключались смешанные браки между финансистами и старой родовитой знатью. Вот что писал об этом современник: «... в наши дни финансы породнились с дворянством, и это-то именно и составляет основу действительной силы. Приданое почти всех жен вельмож получено из касс откупщиков. Забавно видеть, как некий граф или виконт, у которого осталось только громкое имя, добывается руки богатой дочери какого-нибудь финансиста и как утопающий в роскоши финансист добывается благосклонности нищей девушки из знатной семьи. Разница только в том, что обычно такая девушка (которой грозит участь скоротать жизнь в монастыре) жалуется на судьбу, заставившую ее выйти замуж за человека, имеющего пятьсот тысяч ливров дохода в год, считает, что сделала ему неслыханную милость, и взывает к портретам предков, прося их закрыть глаза на этот мезальянс»⁵⁷. Действительно, смешанные браки в основном заключались между дочерьми финансистов и наследниками громких древних титулов. А женились финансисты чаще на дочерях буржуа. Только 8% генеральных откупщиков получали в жены девушки из семей родовитой знати, тогда как 50% из них отдавали своих дочерей замуж за представителей старой титулованной аристократии⁵⁸. Таким образом, социальные барьеры, исчезавшие в салонах, сохранялись еще в других сферах жизни. Но все же богатство зачастую компенсировало отсутствие знатного происхождения и древней славной фамилии.

Дворянство провинциальных городов по имущественному положению уступало парижской знати, но превосходило сельских дворян. Для провинциального дворянина было престижно жить в городе. Однако приличествующий дворянину образ жизни в го-

роде требовал больших расходов и был доступен главным образом наиболее состоятельной прослойке провинциального дворянства⁵⁹, состоявшей из «дворянства шпаги» и провинциальной магистратуры. Последняя в среднем была богаче остального провинциального дворянства. Она принимала в свои ряды верхушку третьего сословия, пополнявшую дворянство через систему продажи должностей⁶⁰. На юге Франции, в Лангедоке, существовала также влиятельная прослойка дворян-финансистов, так что в этой провинции можно выделить те же 3 группы дворянства, что и на столичном уровне⁶¹. Отношение провинциального дворянства к столичному было двойственным. Парижская знать служила для него образцом для подражания, законодательницей мод. Вместе с тем она являлась объектом зависти. Недовольство вызывали ее снобизм, влиятельность, колоссальные пенсии и пожалования. Обширные земельные владения парижских аристократов были разбросаны по всем провинциям, и подчас их интересы как сеньеров уже непосредственным образом сталкивались с интересами местной знати⁶².

Отношения внутри последней тоже складывались непросто. Здесь немало зависело от состава провинциальных парламентов. В Ренне, где в члены магистратуры принимали только родовитых дворян, произошло слияние «дворянства шпаги» и «дворянства мантии». Напротив, в Кольмаре, Перпиньяне, Метце, По, Дуэ, Бордо парламенты пополнялись за счет выходцев из третьего сословия и недавно аноблированных. В таких городах отчетливо противостояли друг другу обладавшие крупными состояниями и политическим влиянием новое парламентское дворянство и старая местная знать⁶³. В небольшом нормандском городе Байе богатейшие дворянские семьи образовали строго замкнутый круг, состоявший в основном из семей должностного дворянства. Путем смешанных браков и приобретения парламентских и административных должностей с ним слились и многие потомки родов «дворянства шпаги». Местом общения этих семей была узкоэлитарная масонская ложа⁶⁴.

Видное положение, которое заняло в провинциальном обществе «дворянство мантии», вызывало раздражение у части «дворянства шпаги». Борьба самолюбивой двух групп дворянства нашла отражение в письме дворянина из Дофине. В 1789 г. он писал о парламенте этой провинции: «Я не вменяю ему в вину ни денежные поборы, ни молодость его членов. Наши судьи в Гренобле весьма просвещенны и, как правило, не дороги. Но к ним обращаться невозможно: найдется ли такое сословие, такой человек, который не натерпелся бы от их притеснений? ... Какое высокомерие по отношению к Счетной палате и Бюро финансов! Какая надменность по отношению к дворянству и военным!»⁶⁵

Состоятельные сельские дворяне, так называемые «крепкие хозяева» («bons ménagers»), были в основной массе своей беднее городских. Относительная бедность удерживала их в деревне, а разбогатевшие, как правило, стремились купить дом в городе⁶⁶.

Сельскими сеньерами, владельцами фьефов и замков были потомки старых родов «дворянства шпаги» и младшие отпрыски должностного дворянства, тогда как старшие сыновья наследовали должность и жили в городе. Когда мы говорим о бедности сельских дворян, надо иметь в виду, что часто речь идет о бедности в специфически дворянском понимании. Уровень доходов не позволял этим людям получать образование в престижных коллежах и вести тот рассеянный и расточительный образ жизни, который почитался достойным дворянина и входил в понятие «vivre poblement». Однако это вовсе не было бедностью в понимании третьего сословия Франции. По замечанию известного французского историка, автора многих книг и статей о дворянстве XVIII в. Ж. Мейера, понятие «достаток» предполагает для дворянина доходы вчетверо, а то и вдесятеро большие, чем для простолюдина⁶⁷. Среди сельских дворян встречались и крупные землевладельцы, обладатели значительных состояний. Об одном таком богатом сеньере из области Бри, Жибере де Немутье, писал А. Юнг в «Путешествиях по Франции». По происхождению он принадлежал к недавно аноблированному должностному дворянству: его отец купил должность королевского секретаря. Но сам Жибер де Немутье постоянно жил в деревне и разбогател благодаря умелому ведению хозяйства⁶⁸. Как правило, сельское дворянство было зажиточным в районах производства зерна или вина на рынок в крупных масштабах, например в Парижском бассейне, вдоль Гаронны и залива Жиронда, на северо-востоке страны⁶⁹.

Наряду с богатейшими семьями Парижа и провинции к высшему сословию королевства принадлежали и пользовались всеми сословными привилегиями разорвавшиеся мелкие сельские дворяне. Это было по-настоящему бедное дворянство. В тарифе капитации оно отнесено к 19-й группе. Для характеристики его социального статуса достаточно сказать, что в ту же группу были записаны городские ремесленники, содержавшие лавку и нанимавшие подмастерьев⁷⁰. Бедное сельское дворянство проживало в основном в удаленных от крупных рек и морских портов провинциях, таких, как Овернь, Лимузен, внутренние районы Бретани. В 1725 г. финансовое ведомство собирало сведения о доходах дворянства. Выяснилось, что в Нижней Оверни около 30% дворянских семей получают менее 500 ливров годового дохода⁷¹. Такой уровень доходов уже не позволял вести приличествующий их сословию образ жизни. Земли разорвавшихся дворян скупало богатое местное дворянство и буржуа, а сами они начинали заниматься ремеслом, мелкой торговлей или наниматься на ферму, что считалось несовместимым с сохранением принадлежности к привилегированному сословию⁷². На другом полюсе в это время шел процесс усиления экономического могущества преуспевающего дворянства. Дифференциация по имущественному признаку противоречивым образом переплеталась с формально-сословной. С одной стороны, богатейшими людьми Франции — благодаря своим обширным земельным владениям — были представители самой ро-

довитой знати, такие, как граф д'Артуа, герцог Орлеанский, принц Конде, принц Конти, семья де Ноай и др. Но вместе с тем недавно аноблированные обычно были богатыми. Пополнение дворянского сословия осуществлялось преимущественно за счет богатой верхушки непривилегированных слоев через систему продажи должностей и жалованных грамот, а купить их мог только богатый человек. Небогатые родовитые дворяне испытывали неудовлетворенность. Двойственность их положения состояла в том, что по чисто сословным критериям они должны были принадлежать к сливкам общества. Но одной хорошей родословной было уже недостаточно. Расстояние между герцогом и финансистом стало меньше, чем пропасть, разделявшая двух родовитых дворян: богатого аристократа и бедного сельского помещика. Это порождало у последнего озлобление против парижской знати, а особенно против аноблированных «выскочек». Ведь сын или внук буржуа благодаря богатству и личным связям легко добивался высших должностей, а до принятия ордонанса Сегюра и военных должностей, в то время как поступавший на военную службу дворянин знатной, но оскудевшей фамилии долго не мог пробиться выше младшего офицера⁷³. Материально скудеющее родовитое дворянство являлось генератором настроений и идей «дворянской реакции» конца старого порядка, которая в социальном отношении была попыткой этой части дворян повернуть историю вспять и взять верх над дворянством, вбирающим в себя богатейшие элементы третьего сословия.

✓ Дворянство не представляло собой единого общественного класса, шел процесс его классового расслоения. В большинстве своем французские дворяне в XVIII в. оставались землевладельцами-сеньерами. В их земельных доходах существенную роль играли повинности крестьян и поступления от краткосрочной испольной аренды, которая преобладала на большей части страны. В районах с архаичной экономической структурой сеньериальный гнет сохранял свою силу. Здесь в доходах дворян-сеньеров удельный вес традиционных феодальных повинностей оставался очень значительным. В Бретани они давали 34,5% дохода в 25 сеньериях семьи Шатожирон и 57% в 6 сеньериях диоцеза Ренн⁷⁴. В 37 сеньериях Верхней Оверни доля дохода от повинностей достигала 34,31%; в округе Тюль в Лимузене — 33,21%⁷⁵. В Бургундии, в округе Семюр-ан-Оксуа, удельный вес дохода от повинностей колебался от 10 до 63% и в среднем был выше 30%⁷⁶. В трех сеньериях Франш-Конте повинности давали 60—100% дохода, в двух сеньериях Пуату — свыше 2/3⁷⁷.

Вместе с тем господствующий класс Франции не мог не быть затронут развитием капиталистического уклада. Богатство дворянства было отчасти уже богатством буржуазного происхождения и типа. В условиях происходивших в стране экономических перемен и феодальная сеньерия подверглась трансформации. В экономически развитых районах Парижского бассейна, севера и северо-востока Франции на первое место в сеньерии выдвину-

лись доходы от фермерской аренды и соответственно упала роль традиционных феодальных платежей. В житнице Парижского района области Бос уже в XVI—XVII вв. сбор феодальных повинностей играл важную роль только в сеньериях, принадлежавших высшей титулованной знати, тогда как из рассмотренных 67 хозяйств сельских дворян доходы от повинностей получали только 33, а остальные существовали исключительно за счет эксплуатации земель господского домена. Они преимущественно сдавались в испольную аренду, которая в то время являлась наиболее значительным источником доходов дворян области Бос. Распространилась также обработка земель домена с использованием наемной рабочей силы. Отмеченные явления можно было наблюдать начиная с XVI в. В XVIII в. область Бос, наряду с Камбрези, Пикардией, областью Бри и другими территориями Северной Франции, превратилась в классический район фермерства. По образному выражению Ж. Лефевра, «дворяне были королями Бос, но фермеры были ее вице-королями»⁷⁸. В 12 сеньериях юга Амьенуа в Пикардии феодальные повинности давали в XVIII веке в среднем около 25% дохода. От 17 до 41% дохода сеньеры получали от сдачи в аренду земель домена. Самыми значительными были поступления от хозяйственного использования лесов — от 40 до 75%⁷⁹. В двух сеньериях Нормандии на долю феодальных повинностей приходилось 12,52 и 17,5% дохода⁸⁰. Самый крупный земельный собственник Верхнего Мэна граф де Тессе получал с 12 сеньерий за счет повинностей в среднем только 10,8% дохода, правда, доход от принадлежащей ему же маленькой сеньерии Френэ почти на 50% состоял из феодальных платежей крестьян⁸¹. Доходы от владений принца Конде в Парижском районе образовывались из следующих поступлений: 58% — от сдачи в аренду земель домена, 19 — от мельниц, находившихся в непосредственном владении сеньера, 13 — от повинностей и 10% — от лугов и пастбищ⁸². В 37 общинах расположенного в Верхней Нормандии маркизата Гравилль крестьянские повинности давали сеньеру к концу старого порядка 23,5% его дохода⁸³.

Юг и юго-запад Франции, Прованс, Лангедок, Гийень и Гасконь, не принадлежали к числу районов с передовой структурой сельского хозяйства. Здесь была распространена не фермерская, как на севере, а испольная аренда, которая, как показал К. Маркс, является формой поземельных отношений, лишь переходной к капиталистической⁸⁴. Южные провинции роднила с Парижским бассейном невысокая доля сеньериальных платежей в доходах сеньеров. Это явление имело исторические корни, еще в средние века феодальный гнет на юге был слабее, чем в других районах⁸⁵. Целый ряд современных исследований, в частности работы американского историка Р. Форстера, показывают, что здесь в дворянском хозяйстве большую роль играли доходы полукапиталистического, а также капиталистического типа, в первую очередь от краткосрочной аренды и от торговли продуктами, произведенными в домене⁸⁶. У 48 сеньеров района Тулузы (из 226, фигури-

ровавших в списке плательщиков двадцатины 1750 г.) свободней доход от повинностей составлял 18,8%⁸⁷. Там же у 20 наиболее крупных сеньеров из числа парламентского дворянства (по данным того же налогового реестра 1750 г.) он достигал лишь 8%, тогда как 62% доходов поступали от срочной аренды и собственного зернового хозяйства, а 25% — от лесов, лугов и виноградников. Для обработки земли дворяне Тулузы в своем главном поместье предпочитали использовать рабочую силу двух видов: либо поденщиков, либо крестьянские семьи, нанятые на сезон возделывать участок земли. Инвентарь и рабочий скот во всех случаях предоставлял собственник. Эта разновидность погодной аренды была архаичной формой капиталистических отношений. Остальные обрабатываемые земли сдавались в аренду, по преимуществу исполную⁸⁸. В известном винодельческом районе Бордо, по данным списка плательщиков двадцатины 1755 г., у 68 богатых семей «дворянства мантии» (всего там жило около 400 дворянских семей) доход от феодальных повинностей составлял в среднем только 5%, причем 32 семьи повинностей не собирали вовсе. Из прочих доходов 11% поступало от аренды (преимущественно исполной), 11 — от лугов, лесов и собственного зернового хозяйства и самая значительная часть — 73% — от торговли вином⁸⁹. Для обработки виноградников дворяне Бордо применяли, как правило, наемную рабочую силу тех же видов, что и дворяне Тулузы. В исполную аренду виноградники сдавались редко, лишь в неурожайные годы.

В литературе последних лет высказывалось мнение, что именно дворянству принадлежала инициатива в организации крупных, капиталистических ферм, которые получили распространение в наиболее экономически развитых районах северной части Франции. А. Д. Люблинская отводит эту роль выходцам из третьего сословия, которые аноблировались в XVI—XVIII вв.⁹⁰ На активность дворянства в организации фермерских хозяйств указывают исследования, относящиеся к районам Шомона (на границе Нормандии и Бовези), Ванломуа, Тулузы и Бордо⁹¹. В Пикардии на юге Амьенуа, роль дворянства ограничивалась собиранием земель, т. е. расширением поместий. Инициатива же в создании капиталистических ферм принадлежала здесь крестьянам-фермерам, которые формировали хозяйства в 40—100 га путем аренды участков у нескольких землевладельцев⁹². В бальяжах Мо и Суассон, к северо-востоку от Парижа, дворянство также подготовило условия, облегчавшие возникновение фермерских хозяйств. С конца XV в. оно активно «округляло» свои земли путем скупки и захвата крестьянских держаний, воссоздавая таким образом крупную дворянскую земельную собственность. Но к концу XVII в. на авансцену выступила новая социальная сила: сельские капиталисты-фермеры. Как правило, их усилиями создавались здесь крупные фермерские хозяйства. По данным на 1771 г., все крупнейшие фермы на территории бальяжа Мо (41 ферма площадью свыше 200 га каждая) были составлены самими фермерами,

В бальяже Суассон имелось 37 ферм площадью более 200 га каждая, из них 11 были сформированы земельными собственниками, остальные 26 — фермерами⁹³.

Последние предреволюционные десятилетия были отмечены так называемой «сеньериальной реакцией», т. е. усилением сеньериального гнета, пересмотром земельных описей и восстановлением старых повинностей, захватом сеньерами общинных земель⁹⁴. В условиях усилившегося проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство в конце XVIII в. проявления феодальной реакции имели неоднозначные последствия. С одной стороны, они приводили к росту собственно феодального натиска на крестьян. Во то же время такие действия сеньеров, как экспроприации общинных земель, огораживания и т. п., выступали рычагами «первоначального накопления», активизировали развитие капиталистических тенденций в сельском хозяйстве. Какая сторона оказывалась ярче выраженной, зависело от структуры сеньериального хозяйства, от преобладания в нем того или иного типа доходов.

Вопрос о характере сеньериального хозяйства вызывает споры в современной литературе. Некоторые буржуазные историки, в частности Э. Леруа Ладюри и Ф. Фюре, сконструировали концепцию сеньерии как «матрицы капитализма»⁹⁵. Согласно этой концепции сеньерия, в которой к концу XVIII в. доходы от аренды, исполщины и обработки земли самим собственником «бесспорно имеют большее значение, чем доходы от сеньериальных прав»⁹⁶, становится проводником капиталистической трансформации аграрных отношений, а сеньер выступает главным инициатором создания капиталистических ферм. «Капитализм... скрыт внутри сеньерии; он противостоит парцеллярной... крестьянской экономике»⁹⁷. Отсюда следует вывод о консервативном, антибуржуазном характере борьбы крестьянских масс, направленной против сеньериального строя.

В методологическом плане данная концепция основана на одностороннем подходе к проблеме развития капитализма в деревне. Единственно возможным ее авторы представляют компромиссный «сеньериальный путь» при сохранении массы феодальных пережитков и совершенно сбрасывают со счетов возможность пути демократической революции, который в области аграрных отношений ведет, как отмечал В. И. Ленин, к полной ликвидации остатков феодальной системы и победе крестьянско-демократического варианта буржуазного аграрного развития⁹⁸. Вопрос о путях развития капитализма в деревне и о специфике того пути, по которому пошла Франция, активно обсуждается в современной марксистской литературе⁹⁹.

В плане конкретно-историческом вывод о сеньерии как «матрице капитализма» также является односторонним, не учитывает всей совокупности фактов. Мы уже убедились, что накануне революции феодальные права сеньеров сохраняли реальное значение, хотя и неравное в различных районах. Вместе с тем фран-

пазуское дворянство второй половины XVIII в. не было только паразитическим классом получателей феодальной ренты. Часть его, сохраняя свои сословные привилегии, втягивалась в процесс утверждения капиталистических отношений во французской деревне.

В XVIII в., как показали современные исследования, сложился сравнительно немногочисленный, но все же более весомый, чем предполагали раньше, слой «делового дворянства», занимавшего заметные позиции в некоторых отраслях промышленности, особенно в металлургии и горном деле (что было связано с положением дворян как крупных землевладельцев), а также в крупной морской торговле.

Старинная французская традиция отстранения дворянства от приносящих прибыль занятий под угрозой лишения сословных привилегий была постепенно формально отменена серией законодательных актов: с 1669 г. дворяне получили право заниматься морской торговлей, с 1681 г. — судостроением и оснащением кораблей, с 1701 г. — оптовой торговлей и с 1767 г. для них был открыт доступ к владению мануфактурами и банками¹⁰⁰. К концу XVIII в. дворянству Франции запрещено было заниматься только розничной торговлей, ремеслами и ручным трудом по найму.

На различные виды предпринимательства дворянство смотрело неодинаково. Торговлей занимались преимущественно прежние коммерсанты-буржуа, сравнительно недавно получившие дворянское звание¹⁰¹. Исключение составляла провинция Бретань, обычай которой издавна допускали участие дворян в морской торговле¹⁰².

В металлургии преобладала дворянская собственность. В среднем по стране дворянам принадлежало 50,4% металлургических предприятий, а в главном металлургическом районе Франции, генеральствах Шалон, Дижон и Безансон, — от 52 до 63%¹⁰³. Но хозяева этих предприятий не всегда являлись капиталистами-предпринимателями в точном смысле слова. В большинстве случаев сеньеры — собственники шахт, рудников и лесов — сдавали заводы в аренду капиталистам. Так поступали, например, самые крупные собственники металлургических заводов — король Франции и граф д'Артуа. Но были и дворяне-капиталисты, не только владевшие и руководившие своими заводами, но и арендовавшие предприятия у соседей. Среди них — эльзасские Дитрихи, лотарингские де Вандели — знаменитые основатели династий промышленников, граф д'Орсей — владелец крупнейших по тем временам металлургических заводов в генеральстве Безансон и др.

В главной отрасли промышленности того времени, текстильной, доминировали капиталы третьего сословия, но и здесь дворянство дало несколько заметных фигур. Например, на полотняной мануфактуре Оберкампа в Жуи (Парижский район) было занято 1500 рабочих, начали применяться паровые машины. На суконной мануфактуре семьи Ван Робэ в Аввиле применялось 100 ткацких станков, 1800 рабочих было занято в основной мастерской и 10 тыс.

работали на дому. На выпускавшей бархат мануфактуре Холкера в Руане применялось 200 ткацких станков, на расположенной там же хлопчатобумажной мануфактуре Эли-Лефевра — 300¹⁰⁴. Все эти известные семьи дворян-предпринимателей были недавними выходцами из третьего сословия. Вовлечение представителей древних родов в текстильную промышленность распространилось после 1815 г. Правда, и при старом порядке существовали крупные полотняные мануфактуры герцога Орлеанского в Орлеане и Монтаржи, но все же участие знатных дворян в этой отрасли предпринимательства в XVIII в. было исключением¹⁰⁵.

Некоторые дворяне интересовались возможностями модернизации производства. Герцог де Шуазель и герцог де Пантьевр разрабатывали проекты новых способов изготовления стали. Герцог Орлеанский покровительствовал внедрению новой техники в текстильное производство. В основанном в Париже в 1776 г. первом обществе поощрения новой техники из 68 членов 43 были дворяне¹⁰⁶.

Более широкий слой дворянства участвовал в предпринимательстве через акционерные общества. Дворянам принадлежала большая часть капиталов акционерных обществ Сен-Гобенских стекольных мануфактур, Анзенских копей, металлургических заводов Крезе, королевских литейных заводов Эндре, Рюэлля и Монсени, королевской сталелитейной мануфактуры в Амбуазе¹⁰⁷.

Часть дворянства занималась финансовыми операциями. Вразрез с представлениями о расточительном, разорявшемся в кутежах и карточных играх дворянстве часть сословия получала солидный доход от займов. В Тулузе наиболее крупными кредиторами были дворяне¹⁰⁸. К ним поступало 81,23% доходов всех жителей Тулузы от займов частным лицам и 85,78% доходов от государственных рент¹⁰⁹.

Таким образом, к концу XVIII в. внутри дворянского сословия сложилась прослойка дворян-предпринимателей. Она формировалась как за счет втягивания дворянства в новые для него сферы деятельности, так и благодаря пополнению привилегированного сословия преуспевшими торговцами, финансистами и промышленниками. Успех в предпринимательстве нередко был ступенькой к получению дворянского титула, что хорошо видно на примере с генеральными откупщиками.

Предпринимательское дворянство составляло явное меньшинство сословия. Наиболее компетентный современный исследователь этого вопроса Г. Ришар насчитал по известным в настоящее время документам 1019 семей дворян-предпринимателей, из них 282 семьи негоциантов и арматоров, занятых морской торговлей, 128 — крупных торговцев разного рода, 435 — собственников металлургических заводов, 87 — собственников угольных шахт и 87 — промышленников, владельцев текстильных и бумажных предприятий¹¹⁰. Хотя в подсчетах Г. Ришара и не учтены дворяне-финансисты, но даже принимая их во внимание, следует при-

знать, что доля предпринимательского дворянства в общей массе дворян была невелика.

Рассмотренные факты подводят нас к проблеме существования во Франции слоя «нового дворянства» типа английского джентри XVI—XVII вв. Впервые понятие «новое дворянство» применительно к Франции старого порядка ввела у нас А. Д. Люблинская, но при этом речь шла не о французском аналоге обуржуазившегося английского джентри. Имелось в виду дворянство, новое прежде всего по происхождению, ~~этот~~ новый слой, который аноблировался в XVI—XVII вв. Отчасти это дворянство было новым и с точки зрения своего социально-экономического облика, так как бывшие ротюрье, приобретавшие сеньерии и добывавшиеся получения дворянского звания, начинали вести хозяйство по-новому и сочетать получение феодальных повинностей с формированием значительного господского домена и сдачей его в краткосрочную аренду, а также с применением наемной рабочей силы при обработке земель домена. Это еще не означало перехода к сельскому хозяйству собственно капиталистического типа, и в целом процесс буржуазной трансформации дворянской собственности не зашел во Франции XVI—XVII вв. так далеко, как в тот же период в Англии. Тем не менее такое обновление феодального класса Франции позволяло ему приспособливаться к складыванию капиталистических отношений¹¹¹.

В течение XVIII в. во Франции, как показывают современные исследования, часть дворянства втягивалась в капиталистическое предпринимательство и в классовом отношении обуржуазивалась. По происхождению это «новое дворянство» было неоднородным. Предпринимателями были придворные, «дворяне мантии», дворяне-финансисты, богатые провинциалы. Наиболее динамичная группа «делового» дворянства — хозяева предприятий, промышленники и торговцы — состояла по преимуществу из аноблированных буржуа. Выводы о широких масштабах обновления сеньериального хозяйства отдельных районов базируются в основном на данных, касающихся провинциальной парламентской знати. Таким образом, французское «новое» в социально-классовом смысле дворянство по происхождению было как новым, так и старым.

* * *

Как мы убедились, французское дворянство противостояло третьему сословию, в том числе и его богатой верхушке, из-за своих сословных привилегий и относительной замкнутости. Но в социально-классовом отношении оно было неоднородным. Оставаясь в своем большинстве, как отмечалось выше, землевладельцами-сеньерами, дворяне, однако, не представляли собою единого общественного класса. Втягивание дворян в предпринимательство, обуржуазивание дворянской собственности в XVIII в. достигли таких размеров, что позволяют говорить не только о приобщении отдельных представителей привилегированного сословия к бур-

жуазным методам ведения хозяйства, но и о классовой неоднородности дворянства как одной из характерных черт социальной структуры предреволюционной Франции. Помимо классовых существенную роль в социальной стратификации играли следующие различия: между родовитыми и неродовитыми дворянами; между «дворянами шпаги», «дворянами мантии» и финансистами; между столичным и провинциальным дворянством, а в провинции — между городским и сельским; между титулованными и нетитулованными дворянами; имущественные различия. Основываясь на каждом из этих критериев, можно выделить особые группы дворянства.

Несмотря на то что французское дворянство в XVIII в. включало в себя очень разнородные слои, оно не растворилось как социальная реальность в «хаосе переходных форм». Дворяне в целом продолжали составлять особый социальный слой до тех пор, пока существовало гражданское неравенство, сословные привилегии, пока звание дворянина давало право на политические и иные преимущества и пока противопоставление «дворянин — ротюрье» оставалось общественно значимым.

Дворянство ослабляли внутренние противоречия и конфликты, что являлось одним из важных факторов кризиса старого порядка. С одной стороны, в состав дворянства вошла часть верхушки третьего сословия, преуспевшие торговцы и финансисты. Аноблированные финансисты занимали блистательное положение внутри привилегированного сословия, сближались со старой родовитой знатью. Этот слой дворянства отличала нетрадиционность структуры собственности: преобладание движимого имущества над сеньериями. Часть самого родовитого дворянства включилась в предпринимательство и в классовом отношении обуржуазивалась. Таким образом, начавшийся во Франции старого порядка процесс буржуазного классовобразования привел к формированию социального гибрида: люди, юридически принадлежавшие к дворянскому сословию и пользовавшиеся всеми сословными привилегиями, нередко владевшие также и сеньерией, в то же время включались — в той или иной мере и той или иной форме — в буржуазное предпринимательство и отчасти входили в состав складывавшегося класса буржуазии.

С другой стороны, внутри дворянства существовали консервативные группы. Происходившие в стране социально-экономические и политические процессы, развитие буржуазных отношений шли вразрез с интересами этих групп, стремившихся укрепить свое пошатнувшееся господство. Консервативной с социально-экономической точки зрения стала та часть дворянства, доходы которой поступали в значительной степени от сбора феодальных повинностей. С точки зрения своего общественного положения и соответствующих ему социально-политических устремлений консервативной силой был беднеющая часть родовитого дворянства. Ее соперничество с богатыми аноблированными, борьба за укрепление традиционной сословной иерархии в противовес имущественной на

исходе старого порядка нашли выражение в политике «дворянской реакции»: в принятии ордонанса Сегюра, в «закрытии» парламентов для ротюрье и аноблированных и т. д. В XVIII в. консервативной силой стало и «дворянство мантии». В социальном отношении ее потеснили аноблированные финансисты и торговцы, в политическом — королевская власть. Упомянутый выше процесс «закрытия» парламентов являлся реакцией «аристократии мантии» на рост социального статуса аноблированных. А оппозиция парламентов неограниченной королевской власти на протяжении XVIII в. оставалась стержнем политической жизни Франции. Взаимоотношения между дворянством и абсолютизмом в пору его упадка переросли накануне революции в острейшую общественно-политическую проблему. Именно оппозиция абсолютизму со стороны представителей дворянства развязала в 1787—1788 гг. острейший политический кризис, переросший затем в революционную ситуацию. Эти вопросы рассматриваются в следующей главе.

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 484.
- ² Dictionnaire de l'Académie française. T. 2. P., 1762, p. 190.
- ³ Furetière A. Dictionnaire universel. T. 3. La Haye, 1727.
- ⁴ Lacombe de Prezel H. Dictionnaire du citoyen. T. 2. P., 1761, p. 133.
- ⁵ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 23. Genève, 1779, p. 9.
- ⁶ Behrens B. The Ancien Régime. L., 1967, p. 46—62; Idea. Nobles, Privileges and Taxes in France at the end of the Ancien Régime. — Economic History Review, 1963, N 3, p. 451—475; Cavanaugh G. J. Nobles, Privileges and Taxes in France. A Revision Reviewed. — French Historical Studies, 1974, N 4, p. 681—692; Casanova A., Mazauric C., Robin R. La Révolution Française a-t-elle eu lieu? — Nouvelle critique, 1972, N 52, p. 33—35.
- ⁷ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné..., t. 11. Genève, 1779, p. 383—385.
- ⁸ Мерсье Л.-С. Картины Парижа, т. 2. М.—Л., 1936, с. 374; Sénac de Meilhan. Le gouvernement, les moeurs et les conditions en France avant la Révolution. P., 1862, p. 502.
- ⁹ Furet F., Daumard A. Structures et relations sociales à Paris au milieu du XVIII siècle. P., 1961, p. 74—75, 81—82.
- ¹⁰ Meyer J. La noblesse française au XVIII siècle: aperçu des problèmes. — Acta Poloniae Historica, t. 36, 1977, p. 18—22; Dauvergne R. Le problème du nombre des nobles en France au XVIII siècle. — In: Sur la population française au XVIII et au XIX siècles. P., 1973, p. 181—192.
- ¹¹ Meyer J. Noblesses et Pouvoirs dans l'Europe d'Ancien Régime. P., 1974, p. 28—29.
- ¹² Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné..., t. 11, p. 383—385.
- ¹³ Ibid., t. 23, p. 12; Moréri L. Le grand dictionnaire historique, t. 6. Amsterdam, 1740, p. 104.
- ¹⁴ Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle. De la Féodalité aux Lumières. P., 1976, ch. II.
- ¹⁵ Meyer J. La noblesse française..., p. 8—18.
- ¹⁶ Constant J.-M. Nobles et paysans en Beauce aux XVI et XVII siècles. Lille, 1981, p. 28—73, 533—534.
- ¹⁷ Lemarchand G. Le féodalisme dans la France rurale des temps modernes. — Annales Historiques de la Révolution Française (далее — AHRF), 1969, N 195, p. 104—107; Meyer J. Noblesse des bocages. — In: Noblesse française. Noblesse hongroise. XVI—XIX siècles. Budapest—Paris, 1981, p. 54—55;

- ¹⁸ Corvisier A. Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. P., 1976, p. 112—117; Carré H. La fin des parlements. P., 1912, p. 15; Egret J. L'aristocratie parlementaire française à la fin de l'Ancien Régime. — Revue Historique, 1952, N 1, p. 1—14.
- ¹⁹ AN, H 1448, pièce N 16.
- ²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 150.
- ²¹ См.: Лучицкий И. В. Аграрные отношения в окрестностях Парижа. — Журнал Министерства народного просвещения, 1915, ч. 57.
- ²² См.: Сийес Э. Ж. Что такое третье сословие? Спб., 1906.
- ²³ Bouloiseau M. Noblesse et lutte de classes. — AHRF, 1958, N 1, p. 66—67.
- ²⁴ Dictionnaire de l'Académie française, t. 2, p. 212.
- ²⁵ Furetière A. Dictionnaire universel, t. 3. La Maye, 1727.
- ²⁶ Moréri L. Le grand dictionnaire historique, t. 6, p. 103—104.
- ²⁷ La Roque G. A. de. Traité de la noblesse. — In: Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des élites: 1700—1848. P., 1975, p. 35—43.
- ²⁸ Ford F. L. Robe and sword. Cambridge—Mass. — Harv., 1953; Bluche F. Les magistrats du Parlement de Paris au XVIII siècle (1715—1771). Besançon, 1960; Bérenger J. Noblesse et absolutisme de François I à Louis XIV. — In: Noblesse française. Noblesse hongroise, p. 11—34.
- ²⁹ Bluche F. Les magistrats du Parlement de Paris, p. 303—307.
- ³⁰ Bluche F. L'origine sociale du personnel ministériel français au XVIII siècle. — Bulletin de la Société d'histoire moderne, 1957, sér. 12, N 1, p. 10—12.
- ³¹ Bonnefon P. La société française du XVIII siècle: Lectures extraites des Mémoires et des Correspondances. P., 1905, p. 325—330.
- ³² Labatut J.-P. Les noblesses européennes du fin du XV siècle à la fin du XVIII siècle. P., 1978, p. 54—55, 71—84.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ Sénac de Meilhan. Le gouvernement, les moeurs et les conditions en France avant la Révolution, p. 125—126.
- ³⁵ Labatut J.-P. Les noblesses européennes de la fin du XV siècle à la fin du XVIII siècle, p. 55.
- ³⁶ Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. P., 1974, p. 166.
- ³⁷ Léonard E. G. La question sociale dans l'armée française au XVIII siècle. — AESC, 1948, N 2, p. 135; Bien D. D. La réaction aristocratique avant 1789: l'exemple de l'armée. — AESC, 1974, N 1, p. 43; N 2, p. 516.
- ³⁸ Bien D. D. Op. cit. — AESC, 1974, N 2, p. 516.
- ³⁹ Sentou J. Рец. на: Durand Y. Les fermiers généraux au XVIII siècle. P., 1971. — AHRF, 1972, p. 120; Durand Y. Finance et mécénat. P., 1976, p. 130—133.
- ⁴⁰ Furet F., Daumard A. Structures et relations sociales à Paris au milieu du XVIII siècle, p. 18—19, 37—38; Roche D. Recherches sur la noblesse parisienne au milieu du XVIII siècle. — Actes du 86 Congrès national des Sociétés savantes, 1961, p. 552—570; Meyer J. La noblesse bretonne au XVIII siècle. P., 1966, p. 640—650, 1249; Hufton O. H. Bayeux in the later XVIIIth century. A social study. Oxford, 1967, p. 42—45; Robin R. La société française en 1789: Semur-en-Auxois. P., 1970, p. 197—204, 206—208.
- ⁴¹ Sentou J. Fortunes et groupes sociaux à Toulouse sous la Révolution. Toulouse, 1969, p. 79—82.
- ⁴² Garden M. Lyon et les lyonnais au XVIII siècle. P., 1970, p. 355—363, 390—391.
- ⁴³ Bordeaux au XVIII siècle. Bordeaux, 1968, p. 353—354.
- ⁴⁴ Lemarchand G. Le féodalisme dans la France rurale des temps modernes, p. 98—100; Meyer J. La noblesse française..., p. 41—44.
- ⁴⁵ Crouzet F. Angleterre et France au XVIII siècle. — AESC, 1966, N 2, p. 254—291.
- ⁴⁶ Roche D. Op. cit., p. 522—560; Bluche F. Les magistrats du Parlement de Paris, p. 133—138.
- ⁴⁷ Labatut J.-P. Les noblesses européennes..., p. 135; Chaussinand-Nogaret G. Gens de finance au XVIII siècle. P., 1972, p. 122.

- 47 Soboul A. La France à la veille de la Révolution, vol. 1. P., 1966, p. 48—49; Meyer J. La noblesse bretonne, p. 477—480, 1249—1251; Forster R. The nobility of Toulouse in the XVIIIth century. Baltimor, 1960, p. 36; Sentou J. Fortunes et groupes sociaux à Toulouse..., p. 103—106, 116, 120—121, 136—137.
- 48 Meyer J. La noblesse française..., p. 38—40.
- 49 Ibid., p. 41; Lemarchand G. Le féodalisme dans la France rurale des temps modernes, p. 98—99.
- 50 Meyer J. La noblesse bretonne..., p. 641.
- 51 Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime. P., 1944, p. XI—XXXV
- 52 Meyer J. La noblesse française..., p. 42—43.
- 53 Bluche F. Les enseignements sociaux du tarif de capitation de 1695.— In: Noblesse française. Noblesse hongroise, p. 57—64; Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue, p. 136.
- 54 Bluche F. Les enseignements sociaux du tarif de capitation, p. 61—64.
- 55 Roche D. Recherches sur la noblesse parisienne au milieu du XVIII siècle, p. 560.
- 56 Chaussinand-Nogaret G. Gens de finance au XVIII siècle, p. 117—143; Durand Y. Finance et mécénat; Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue, p. 172—177.
- 57 Мерсье Л.-С. Картины Парижа, т. I. М.—Л., 1935, с. 396—397.
- 58 Mousnier R. Op. cit., p. 173.
- 59 Ibid., p. 135; Goubert P. L'Ancien Régime. Vol. 2. P., 1972, p. 165—167.
- 60 Meyer J. Noblesse des bocages, p. 40; Idem. La noblesse bretonne..., p. 1246—1249; Emmanuelli F.-X. Pouvoir royal et la vie régionale en Provence au déclin de la monarchie. Lille, 1974, p. 275; Sentou J. Fortunes et groupes sociaux à Toulouse sous la Révolution, p. 82—83; Hufton O. H. Bayeux in the later XVIIIth century, p. 45.
- 61 Chaussinand-Nogaret G. Les financiers de Languedoc au XVIII siècle. P., 1970.
- 62 Mousnier R. Op. cit., p. 162—169; Meyer J. La noblesse bretonne..., p. 1245—1251.
- 63 Egret J. L'aristocratie parlementaire française, p. 8—14.
- 64 Hufton O. H. Bayeux in the later XVIIIth century, p. 44—45.
- 65 Egret J. Le payement de Dauphiné et les affaires publiques dans la 2-ème moitié du XVIII siècle. Vol. 2. Grenoble—Paris, 1942, p. 110.
- 66 Bluche F. La vie quotidienne de la noblesse française au XVIII siècle. P., 1973, p. 218; Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle, p. 88; Goubert P. L'Ancien Régime, vol. 2, p. 170.
- 67 Meyer J. Relativité de la pauvreté de la noblesse. — In: Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des élites, p. 75—92.
- 68 Young A. Voyages en France. Vol. 1. P., 1793, p. 384.
- 69 Mousnier R. Op. cit., p. 135.
- 70 Ibid., p. 136.
- 71 Poitrineau A. La vie rurale en Basse Auvergne au XVIII siècle. Vol. 1. P., 1965, p. 632.
- 72 Ibid., p. 632—634, 733; Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des élites, ch. II.
- 73 Léonard E. G. La question sociale dans l'armée française au XVIII siècle; Idem. L'armée et ses problèmes au XVIII siècle. P., 1958, p. 181—190; Corvisier A. Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789, p. 115, 117, 177—178; Tuetey L. Les officiers sous l'Ancien Régime. P., 1908, p. 138—163, 175, 180—181, 320—325.
- 74 Meyer J. La noblesse bretonne..., p. 652—657.
- 75 Leymarie M. Les redevances foncières seigneuriales en Haute Auvergne. — AHRF, 1968, N 192, p. 373, 376; Idem. Rentes seigneuriales et produit des seigneuries dans l'élection de Tulle en Limousin. — AHRF, 1970, N 202, p. 596—597.
- 76 Robin R. La société française en 1789, p. 134—143.
- 77 Lemarchand G. Le féodalisme dans la France rurale des temps modernes, p. 84.
- 78 Lefebvre G. Etudes orléanaises. Vol. 1. Contribution à l'étude des structures sociales à la fin du XVIII siècle. P., 1962, p. 25; Constant J.-M. Nobles et paysans en Beauce, p. 114—127.
- 79 Gauthier F. La voie paysanne dans la Révolution française: l'exemple picard. P., 1977, p. 78—79.
- 80 Goujard Ph. «Féodalité» et Lumières au XVIII siècle: l'exemple de la noblesse. — AHRF, 1977, N 1, p. 108.
- 81 Bois P. Paysans de l'Ouest. Le Mans, 1960, p. 397—398.
- 82 Roche D. Aperçus sur la fortune et les revenus des princes de Condé à l'aube du XVIII siècle. — RHMC, 1967, N 3, p. 236.
- 83 Lemarchand G. Le féodalisme dans la France rurale des temps modernes, p. 83; Idem. La féodalité dans les campagnes et la Révolution française: seigneurie et communauté paysanne de 1788 à 1799. — In: Die Französische Revolution — zufälliges oder notwendiges Ereignis? München-Wien, 1983, Teil 1, p. 7—27.
- 84 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 367.
- 85 Lemarchand G. Le féodalisme dans la France rurale des temps modernes, p. 86—87.
- 86 Forster R. The nobility of Toulouse in the XVIIIth century; Idem. The noble wine produces of the Bordelais in the XVIIIth century. — Economic History Review, 1961, N 1; Idem. The provincial Noble: A reappraisal. — American Historical Review, 1963, vol. 68, N 3.
- 87 Bastier J. La féodalité au siècle des Lumières dans la région de Toulouse. P., 1975, p. 259—261.
- 88 Forster R. The nobility of Toulouse, p. 38.
- 89 Forster R. The noble wine produces of the Bordelais, p. 23.
- 90 См.: Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. Л., 1978, с. 149—162.
- 91 Ikni G. R. La terre de Lierville de 1715 à la Restauration. — In: Contributions à l'histoire paysanne de la Révolution française. P., 1977, p. 264, 272—273; Viaud D. Sur un domaine rural du Vendômois. — AHRF, 1978, N 231, p. 20—33; Forster R. The nobility of Toulouse, p. 47—65; Idem. The noble wine produces of the Bordelais; Idem. The provincial noble.
- 92 Gauthier F. La voie paysanne dans la Révolution française, p. 78—82, 125.
- 93 Brunet P. Structures agraires et économie rurale des plateaux tertiaires entre la Seine et l'Oise. Caen, 1960, p. 277—279, 469—470.
- 94 Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime, p. XLV; Soboul A. La France à la veille de la Révolution, vol. 1, p. 85—86, 179—182; Forster R. The noble wine produces of the Bordelais, p. 28—33.
- 95 Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978, p. 129—130; Histoire de la France rurale. Vol. 2. P., 1975, p. 431, 583, 591.
- 96 Furet F. Penser la Révolution française, p. 128.
- 97 Histoire de la France rurale, vol. 2, p. 591.
- 98 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 43—47; т. 15, с. 65.
- 99 См.: Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в. М., 1971; Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. Л., 1978; Contributions à l'histoire paysanne de la Révolution française; Gauthier F. La voie paysanne dans la Révolution française: l'exemple picard; La France contemporaine: identité et mutations. P., 1982.
- 100 Richard G. Noblesse d'affaires au XVIII siècle. P., 1974, p. 18.
- 101 Ibid., ch. 3—4.
- 102 Meyer J. La noblesse bretonne..., p. 145—146, 1249.
- 103 Richard G. Noblesse d'affaires..., ch. 5.
- 104 Richard G. Un essai d'adaptation sociale à une nouvelle structure économique: la noblesse de France et les sociétés par action à la fin de XVIII siècle. — Revue d'Histoire Economique et Sociale, 1962, N 4, p. 514—516.

¹⁰⁵ Richard G. Noblesse d'affaires..., ch. 8; Idem. Un essai d'adaptation sociale à une nouvelle structure économique, p. 514—516.

¹⁰⁶ Richard G. Noblesse d'affaires..., ch. 7—8.

¹⁰⁷ Ibid., ch. 9; Richard G. Un essai d'adaptation sociale à une nouvelle structure économique, p. 514—516.

¹⁰⁸ Forster R. The nobility of Toulouse, p. 106—109.

¹⁰⁹ Sentou J. Fortunes et groupes sociaux à Toulouse, p. 81—82.

¹¹⁰ Richard G. Noblesse d'affaires..., p. 267.

¹¹¹ См.: Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века. Л., 1959, с. 56—62; Ее же. К вопросу о классовой природе французского абсолютизма.— Новая и новейшая история, 1979, № 4, с. 55—70; Ее же. Франция при Ришелье. Л., 1982, с. 217—243; Constant J.—M. Nobles et paysans en Beauce aux XVI et XVII siècles, p. 114—127.

Французский абсолютизм был дворянской монархией: его политика защищала интересы дворянства, и сам государственный аппарат в своих высших и частично средних звеньях был дворянским по составу. Вместе с тем известно, что отличительной чертой абсолютизма как типа государственности является относительная независимость государственной власти от различных общественных классов, сословий и групп, в том числе и от политически господствовавшего дворянства. Вследствие этого политика королевской власти подчас шла вразрез с некоторыми интересами дворянского сословия или с интересами части дворянского сословия, что служило почвой для формирования антиабсолютистских настроений и открытых оппозиционных выступлений французского дворянства на протяжении всего старого порядка. Конкретно-исторические причины возникновения дворянской оппозиции в тот или иной отрезок времени на протяжении XVI—XVIII вв. были различны.

Во второй половине XVIII в. положение дворянства в общественно-политической системе абсолютизма и его взаимоотношения с королевской властью имели свою специфику. Она определялась тем, что в это время старый порядок находился в стадии упадка, заметно ускорилось развитие буржуазных отношений. В таких условиях абсолютистский режим предпринимал попытки реформ государственного аппарата, налоговой системы и некоторых других общественно-политических институтов и норм с целью их модернизации и приспособления к условиям буржуазного развития. Проведение в жизнь этих реформ всякий раз наталкивалось на сопротивление со стороны представителей дворянства, не желавших идти на серьезные уступки. Дворянская оппозиция нарастала и ширилась, что вело к ослаблению позиций абсолютизма в среде второго сословия — основной его социальной базы. Этот кризис французского абсолютизма явился важной составной частью кризиса всей общественно-политической системы старого порядка.

Рассмотрим теперь более детально положение дворянства в абсолютистском государстве и его политические позиции по отношению к абсолютизму накануне Великой Французской революции. Как было отмечено выше, дворянство в это время политически господствовало во Франции. Королевская власть охраняла сословные привилегии дворян, в частности их исключительное право занимать государственные должности, следила за порядком аноблирования. Верхушка государственного аппарата по составу была дворянской, а в XVIII в. приобрела аристократический характер. Если Людовик XIV выдвигал на высшие государ-

ственные должности людей незнатного происхождения, то в дальнейшем эта практика не была продолжена. Центральные органы государственного управления в XVIII в. находились в руках потомственных дворян¹. В 1718—1789 гг. из 75 высших королевских сановников (канцлеров, хранителей печатей, генеральных контролеров финансов и государственных секретарей) лишь трое — Г. Дюбуа, Г. Сартин и Ж. Неккер — не имели дворянского происхождения, тогда как более 25% принадлежали к древнейшим аристократическим родам, таким, как Брולי, Сен-Жермен, Сегюр, насчитывавшим по 10 и более поколений дворянства. В 1789 г. из 7 министров недворянином был только генеральный директор финансов Неккер. Из 118 государственных советников и докладчиков в Государственном совете в 1777 г. 95 человек принадлежали к дворянам и 23 — к ротюрье².

Следует упомянуть и придворную аристократию. Хотя формально эта прослойка не являлась составной частью политического механизма Франции старого порядка, тем не менее придворная камарилья была реальной политической силой, осуществлявшей свое политическое влияние через систему личных и родственных связей. Придворная аристократия частично сливалась с высшим должностным дворянством, так как должности высших королевских чиновников и министров занимали придворные.

Потомственное дворянство господствовало и в парламентах — высших судебных палатах Франции, обладавших рядом законодательных функций. В Парижском парламенте доля лиц недворянского происхождения хотя и несколько возросла в течение XVIII в., но оставалась небольшой. В 1715—1790 гг. она увеличилась с 9,3 до 11,25%³. Однако Парижский парламент считался по составу одним из наиболее «открытых». В ряд провинциальных парламентов в XVIII в. доступ недворянам был закрыт вообще.

Местные органы государственного управления также находились в руках потомственного дворянства. В 1774—1789 гг. из 68 королевских интендантов ни один по происхождению не принадлежал к третьему сословию. Это были потомственные дворяне, причем в большинстве своем — дворяне старых родов, насчитывавших свыше четырех поколений дворянства⁴. Все 40 военных губернаторов провинций в 1789 г. также принадлежали к дворянскому сословию⁵. Как показывают региональные исследования, дворяне занимали ключевые посты и в тех органах местной администрации, которые не подчинялись королевским уполномоченным-интендантам и комплектовались через систему продажи и наследования должностей. В Нормандии, например, все важные административные посты занимали потомственные дворяне. Эшевенами (высшая должность в городском муниципалитете) становились только богатые дворяне старых родов⁶.

Дворянским по составу был и офицерский корпус. К 1789 г. из примерно 10 тыс. офицеров в армии недворяне составляли менее

10%, причем имели звания младших офицеров. Французский генералитет, насчитывавший в 1787 г. 779 человек, состоял на 76% из титулованных, на 16% из нетитулованных дворян и лишь на 8% из людей, чье дворянство было сомнительным, и не исключена возможность, что они вообще не были дворянами. Среди тех высших офицеров, принадлежность которых к дворянству не вызвала сомнений, 43,6% происходили из древнейших знатных родов (их предки-дворяне были известны еще в XIII в.), 25 — из семей, аноблированных в XIV—XV вв., 26,8 — из семей, аноблированных в XVI—XVII вв., 7,9 — из неродовитых семей, насчитывавших менее четырех поколений дворянства, и 4,8% — были дворянами в первом или втором поколении⁷. Важные последствия имел принятый в 1781 г. ордонанс военного министра, маршала Сегюра, согласно которому для занятия офицерской должности в армии требовалось быть дворянином в четвертом поколении. После этого путь к продвижению открывался только дворянам старых родов.

Из 39 членов дипломатического корпуса в 1789 г. 35 принадлежали к титулованному дворянству, 4 не имели титула, но тоже скорее всего были дворянами⁸.

Высшее духовенство было дворянского происхождения. В 1789 г. из 130 епископов 126 определенно происходили из дворянских семей, причем около 90% — из родовитых семей, насчитывавших свыше четырех поколений дворянства. Определенно недворянского происхождения был только один епископ⁹.

В связи с тем что при старом порядке сформировалось сильное абсолютистское государство, участие определенных слоев дворянства в осуществлении политической власти, их связь с государственным аппаратом стали одним из важных факторов внутрисословного размежевания. Социальная неоднородность дворянства проявлялась и в различии тех позиций, которые занимали отдельные его фракции в политической системе абсолютной монархии. «Марксистский подход к понятию господствующего класса включает также понимание того, что такой класс не социальный монолит, а сложно структурированная группа. Поэтому доминирующие позиции распределены в нем неравномерно как по типу, так и по степени и силе влияния»¹⁰. Хотя политически господствовавшая элита Франции старого порядка была дворянской, не все дворянское сословие принадлежало к политически господствовавшей элите. Абсолютизм в значительной степени отстранил дворянство от непосредственного осуществления политической власти. Те дворяне, что держали в своих руках различные государственные должности, были не всемогущими и полноправными средневековыми феодалами, а правительственными чиновниками, хотя и относительно независимыми от монаршей власти, благодаря системе продажи и наследования должностей. Кроме того, часть дворянства вообще была отстранена от политической власти. С этой точки зрения сильно различались между собой городское и сельское дворянство. Основные рычаги государственной

власти удерживала высшая столичная аристократия: влиятельные придворные, маршалы Франции, министры, государственные советники, председатели, генеральные прокуроры и адвокаты Парижского парламента. К числу обладателей государственных должностей в столице относились также дворяне — чиновники финансового ведомства: советники Счетной палаты, Палаты косвенных налогов и т. п. Городское провинциальное дворянство занимало на местах парламентские, административные и военные должности. Верхушку провинциальной знати составляли живущие в крупных провинциальных центрах королевские интенданты. Сельское же дворянство в основном было отстранено от государственной власти. Ему оставалась сенъериальная юстиция — последний пережиток былой власти местных феодалов. Они съезжались только на провинциальные штаты, сохранившиеся в ряде провинций¹¹. Этот институт местного управления был, пожалуй, единственным каналом приобщения сельского дворянства к отправлению политической власти.

Хотя французский абсолютизм и был монархией дворянской как с точки зрения социальной сущности своей политики, так и по составу органов государственной власти и управления, тем не менее постоянным фактором внутренней жизни Франции с самого времени формирования абсолютной монархии являлась дворянская оппозиция абсолютизму. Изначально присущая последнему тенденция к неограниченной королевской власти вступала в противоречие с дворянскими политическими прерогативами. Старая знать теряла былое могущество. Возрастала роль бюрократического аппарата и чиновников. В провинциях проводимая абсолютизмом политика централизации сталкивалась с местным партикуляризмом и вызывала недовольство местной знати. На большей части территории страны перестали созываться провинциальные штаты. Протест со стороны старой знати вызывал и приток в ряды привилегированного сословия связанных с абсолютизмом новых людей в результате создания аноблирующих должностей и продажи аноблирующих грамот. Незнатные новоиспеченные дворяне, получившие привилегии из рук монарха, становились орудием монаршей воли. Родовитое дворянство ощутило угрозу своему исключительно высокому социальному положению и политическому господству. Эта угроза послужила истоком возникновения дворянской оппозиции абсолютизму, которая затем прошла через все этапы развития абсолютистского государства. Из поколения в поколение передавались притязания на политическую власть, которая, по мнению дворян, не принадлежала им в должной мере. За более чем двести лет дворянская оппозиция абсолютизму неоднократно видоизменялась с точки зрения своего содержания, форм борьбы и состава участников.

В период становления и укрепления французского абсолютизма его главной социальной базой внутри господствующего дворянского сословия было чиновное дворянство¹². На него абсолютизм опирался в борьбе с политическими притязаниями старой

знати. «Дворянство мантии» еще не стало тогда органической частью дворянского сословия. Оно занимало промежуточное положение между верхами третьего сословия и дворянством. Эта неопределенность социального положения ставила «дворянство мантии» в зависимость от абсолютизма, который давал ему должности, а вместе с ними дворянские привилегии и политическое влияние. Но шло время, сменялись поколения, и потомки прежних аноблированных чиновников, унаследовавшие должности своих предков, стали к XVIII в. уже родовитыми дворянами. В течение XVIII в. произошло сближение «дворянства шпаги» и «дворянства мантии»¹³. Тем самым упрочился привилегированный социальный статус «дворянства мантии» и уменьшилась его зависимость от абсолютизма.

По мере упрочения социального положения парламентского дворянства росли его политические амбиции. Хотя парламенты и были созданы королевской властью, но существующая система передачи должностей по наследству и превращение магистратов в крупных землевладельцев и сенъеров обусловили аристократизацию парламентов и их самостоятельность по отношению к королевской власти. Опираясь на свои полномочия регистрировать законопроекты и высказывать по ним замечания, парламенты стали претендовать на ограничение в свою пользу законодательной власти монарха. Политические притязания парламентской аристократии противоречили присущей абсолютизму тенденции ко все большей концентрации государственной власти в руках монарха и централизации государственного механизма. Между правительством и парламентами началась упорная борьба вокруг полномочий парламентов. Первым актом ее стала парламентская Фронда. В дальнейшем на протяжении второй половины XVII—XVIII вв. абсолютизм неоднократно предпринимал попытки лишить парламенты присвоенных ими законодательных полномочий. Эти попытки вызывали ответную реакцию со стороны парламентов — оппозицию абсолютизму, со стороны которого они видели угрозу своим политическим прерогативам.

Ко второй половине XVIII в. в парламенты, которые к тому времени уже приобрели аристократический характер, переместился центр дворянской оппозиции¹⁴. «Дворянство мантии» превратилось в такого противника абсолютизма, каким прежде была старая военная знать. Последняя же к концу XVIII в. либо утратила свое политическое влияние, либо — в лице придворной знати — переродилась в верную союзницу абсолютистского режима. Деятельность парламентов, их постановления, замечания по законопроектам стали главной формой выражения антиабсолютистской оппозиции в политической сфере. Падение роли военного дворянства и усиление чиновного привели к изменению форм выражения антиабсолютистской дворянской оппозиции. На смену прежним вооруженным выступлениям XVI—XVII вв. пришла борьба собственными политическими средствами (в рамках парламентов). Парламенты превратились в фактор нестабильности в политиче-

ской системе абсолютной монархии Их выступления против «министерского деспотизма» подрывали авторитет власти, содействовали формированию антиабсолютистских позиций французского дворянства

На исходе старого порядка недовольство политическим режимом абсолютной монархии стало общим для дворянского сословия. Основная масса дворян перестала видеть в абсолютизме надежного защитника своих интересов. Питательной средой для усиления дворянской оппозиционности послужила распространенная в среде дворянства атмосфера неудовлетворенности. Целые группы внутри дворянского сословия, как мы уже видели, оказались в состоянии социальной фрустрации. Реакцией на него стало разочарование в существующем политическом строе, недоверие к правительству и предпринимаемым им действиям. Недовольство различных категорий дворянства порождалось разными причинами, так что и дворянская оппозиция не была однородной. Сам абсолютизм также дискредитировал себя. Авторитет власти, подорванный в годы Регентства, а затем в период царствования Людовика XV, так и не был восстановлен. Его постоянно подтачивали безуспешная борьба с парламентами, неудачные попытки реформ, финансовые неурядицы и аферы. В области внешней политики в XVIII в. Францию постигла целая серия крупных неудач и провалов. Они начались с конца царствования Людовика XIV, с неудачных для Франции результатов войны за испанское наследство, и продолжались непрерывно на протяжении всех последних десятилетий старого порядка. Ни в одной из европейских войн участие Франции не было успешным. Особенно остро падение военного престижа Франции должно было переживаться именно дворянством — традиционным военным сословием, призванным служить (в его понимании) делу чести и величия отчины. Важную роль играло то обстоятельство, что победоносным соперником Франции оказалась Англия. Франция постоянно терпела поражения от державы, в которой революция свергла абсолютизм и установила режим конституционной монархии. Рост могущества и внешнеполитического престижа Англии стимулировал распространение англomanии, одним из проявлений которой явился интерес к английской конституционно-монархической системе правления¹⁵⁾

Падение престижа французского абсолютизма в глазах дворянства довершилось финансовым крахом последних лет старого порядка. Банкротство вынудило королевскую власть посягнуть на налоговые привилегии, вызвав тем самым недовольство дворянского сословия. Абсолютизм и раньше предпринимал попытки наступления на них и всякий раз встречал яростную оппозицию дворянства. Так, в 1776 г. Парижский парламент, отвергая попытку налоговой реформы Тюрго, высказался в защиту незыблемости налоговых привилегий дворянства: «Служба дворян благородна, как и они сами; дворянин не обязан ни тальей, ни презренной корве¹⁶⁾, но лишь военной и прочей благородной службой. Эти

законные системы создавал не случай, и время бессильно их изменить»¹⁷⁾. Бюджет Франции страдал хроническим дефицитом в течение всего столетия. Несмотря на увеличение налогов, реальные поступления от них не росли. Субсидии и займы восставшим североамериканским колониям резко увеличили размеры государственного долга. Развал финансов и попытки его преодоления путем налоговой реформы послужили развязыванию острого конфликта дворянства с абсолютизмом

Ход событий с середины 1786 г. до крайности обострил все существовавшие противоречия и привел к складыванию во Франции революционной ситуации. Одним из главных факторов этого процесса стал финансовый кризис. Государство обанкротилось, выплаты государственных долгов были прекращены. Финансовый отчет 1788 г. предусматривал расходы в 629 млн ливров, а доходы — только в 503 млн. Таким образом, дефицит в казне достигал 126 млн. ливров, причем половина расходов предназначалась на погашение займов и выплату процентов по долгам¹⁸⁾. Финансовый кризис привел к политическому кризису правящих «верхов». Они не могли больше управлять по-старому, так как французский абсолютизм утратил опору среди дворянства. Показателем этого явились выступления представителей дворянства против политики абсолютизма, а также против самого абсолютизма как такового с требованием возродить Генеральные штаты.

Обстоятельства складывались следующим образом. Чтобы поправить финансовое положение, генеральный контролер финансов Ш.А. де Калонн в августе 1786 г. предложил распродать земли королевского домена и ввести «территориальную подать», которую платили бы земельные собственники всех сословий. Введение «территориальной подати» было ядром «Плана оздоровления финансов», представленного Калонном королю 20 августа 1786 г. Этой податью облагалась бы без всяких привилегий любая земельная собственность, принадлежавшая представителям всех сословий. Размер налога зависел бы от качества земли. Для обложения движимой собственности Калонн считал необходимым сохранить двадцатины. Кроме того, с целью восполнить дефицит и погасить государственный долг он задумал распространить на всю территорию Франции табачную монополию, гербовый сбор и налог на колониальные товары. В план реформ входило уменьшение таких налогов, как талья и габель.

Калонн предложил также ряд административных и финансовых реформ: уничтожения препятствовавших развитию торговли внутренних таможен, созыва на местах консультативных провинциальных собраний из представителей земельных собственников без различия их сословной принадлежности¹⁹⁾. План реформ Калонна оказался завершающим в целой серии более или менее смелых реформаторских попыток французского абсолютизма,

предпринимавшихся с середины XVIII в. Речь шла о модернизации государственного аппарата, в первую очередь об ограничении политических привилегий парламентов, о реформе налогообложения и отмене или сокращении налоговых привилегий, о создании благоприятных условий для развития предпринимательства. В середине и второй половине века была предпринята серия так называемых физиократических реформ, содержание которых составляли попытки ввести свободу торговли и сократить количество внутренних таможен, поощрение расчистки пустошей и т. д. Целый ряд различных как по целям, так и по масштабу реформ в разные годы пытались осуществить видные государственные деятели Франции Ж.-Б. де Машо д'Арнувиль, Р.-Н. де Мопу, А.-Р.-Ж. Тюрго, Ж. Неккер. Неудавшаяся, как и прочие попытки проведения наиболее существенных реформ, отвечавших потребностям буржуазного развития Франции, связана с именем известного физиократа Тюрго. В 1774—1776 гг. Тюрго занимал пост генерального контролера финансов и, следовательно, руководил внутренней политикой французского государства. Некоторые историки с основанием считают эти годы кратким периодом просвещенного абсолютизма во Франции. Идеи и политика Тюрго оказали сильное влияние на Калонна и отразились в предложенной им программе преобразований. Калонн попытался использовать заимствованные у Тюрго некоторые общие идеи и конкретные внутривластные меры для преодоления финансового и политического кризиса, для укрепления французского абсолютизма. В условиях падения авторитета правительства и уже начавшегося в стране политического брожения Калонн обратился к высшим слоям общества, в первую очередь к высшему дворянству, с целью заручиться поддержкой в осуществлении предложенного плана. Для утверждения реформ было создано собрание назначенных королем «нотаблей» всех трех сословий. В собрании участвовали принцы крови, герцоги и пэры, маршалы, председатели парламентов, прелаты, государственные советники, депутаты провинциальных штатов, мэры и эшеваны крупных городов.

Проекты реформ Калонна нотабли отклонили, что было вполне закономерно, так как эти реформы ущемляли налоговые и политические привилегии высших сословий. Собрание потребовало созвать Генеральные штаты для решения назревших проблем. В мае 1787 г. нотабли были распущены. Единственным непосредственным итогом их деятельности явилась отставка Калонна. Занявший его место архиепископ Тулузский Э.-Ш. Ломени де Бриенн попытался продолжать политику своего предшественника и передал указы о реформах на регистрацию в парламенты, однако и здесь предложенные нововведения встретили решительный отпор²⁰. Парижский парламент отказался зарегистрировать эдикт о налоговой реформе. В провинциальных парламентах Ломени де Бриенн также столкнулся с оппозицией. Парламенты Безансона, Бордо и Дуэ отклонили эдикт о предоставлении граж-

данских прав протестантам. Вслед за нотаблями парламенты потребовали созыва Генеральных штатов как единственного органа, полномочного устанавливать новые налоги.

С целью уничтожить политическое влияние парламентов хранитель печатей К.-Ф. Ламуаньон разработал проект их реформы. Парламенты должны были превратиться в чисто судебные органы, а их законодательные функции, и в первую очередь право регистрации законов, перешли бы к Общей палате (Cour plénière), представлявшей собой постоянно заседающее собрание нотаблей. Принудительная регистрация эдиктов Ламуаньона Парижским парламентом состоялась на королевском заседании 8 мая 1788 г.* В последующие дни прошла их принудительная регистрация в провинциальных парламентах в присутствии представителей королевской администрации, после чего многие парламенты были распущены.

Попытка правительства сломить политическое влияние парламентов лишь обострила обстановку в стране, положив начало так называемому «дворянскому бунту». Распущенные парламенты продолжали собираться и объявляли принудительную регистрацию эдиктов недействительной. «Дворянский бунт» явился реакцией «дворянства мантии», ощутившего угрозу своему социально-политическому влиянию со стороны как возвысившихся дворян-финансистов, так и реформаторов, действовавших от имени абсолютистского государства. Консервативная «аристократия мантии» выступила в защиту сословных привилегий дворянства в целом и собственно парламентских политических привилегий. Но с точки зрения своей политической направленности «дворянский бунт» был явлением неоднозначным. Большинство его участников, как было сказано, составляла консервативная парламентская аристократия, отвергавшая реформы ради защиты сословных привилегий. Вместе с тем внутри дворянской оппозиции существовало либеральное меньшинство. Оно заявило о себе еще на собраниях нотаблей, в деятельности которого принимал участие один из лидеров либерального дворянства маркиз Лафайет. Либералы осознавали необходимость социально-политических преобразований и готовы были пойти на компромисс с третьим сословием. В частности, они призывали дворян добровольно отказаться от налоговых привилегий. Осуществление своих надежд как консерваторы, так и либералы связывали с Генеральными штатами.

Выступления парламентов с требованиями отмены эдиктов Ламуаньона и созыва Генеральных штатов пробуждали политическую активность широких слоев третьего сословия и в некоторых городах (Ренне, По, Дижоне, Тулузе) перерастали в на-

* Королевское заседание Парижского парламента, или «ложе правосудия» (lit de justice), — заседание парламента в присутствии короля. В таких случаях регистрация эдиктов парламентом становилась обязательной. Король лично являлся в парламент, если в нем возникла оппозиция указам правительства.

стоящие восстания. Наибольший размах приобрели события в провинции Дофине, в которых активно участвовало третье сословие, в том числе городские низы Парламент Гренобля, столицы Дофине, воспротивился регистрации майских эдиктов, что послужило причиной недовольства со стороны правительства. Непокорные магистраты получили приказ отправиться в ссылку. Выполнение приказа было намечено на 7 июня 1788 г. Этот знаменательный день вошел в историю предреволюционных лет как «день черепиц». Волнения начались с самого утра, лишь только по городу разнеслась весть о предстоящей ссылке парламента. Возбужденная толпа хлынула к городским воротам и закрыла их, чтобы помешать выполнить приказ. На призывный звук набата жители окрестных деревень стекались на помощь горожанам. Попытки властей усмирить население Гренобля с помощью местного гарнизона были безуспешны и только усилили возмущение. В солдат летели вывороченные из мостовых камни, черепица. Город был захвачен мятежной толпой. Провинциальные власти капитулировали, и члены парламента с триумфом прошествовали во Дворец правосудия.

Вскоре после этих событий, 21 июля, в замке Визиль вблизи Гренобля открылось собрание представителей трех сословий провинции Дофине, решения которого получили широкую известность. Самое активное участие в выработке этих решений принял будущий видный деятель начала революции Ж.-Ж. Мунье. Собрание потребовало созвать Генеральные штаты и восстановить провинциальные штаты Дофине, но с двойным представительством третьего сословия. Оно заявило о своем стремлении к национальному единству и провозгласило, что три сословия Дофине отказываются от привилегии устанавливать налоги для своей провинции и признают впредь это право только за Генеральными штатами королевства. Политическая борьба в Дофине летом — осенью 1788 г., деятельность собрания в Визиле, а затем провинциальных штатов представляют собой уникальный во всей истории предреволюционного кризиса во Франции образец дворянско-буржуазного компромисса, осуществившегося на основе программы третьего сословия.

Перед лицом оппозиции дворянства и третьего сословия правительство отступило: 5 июля 1788 г. вышло постановление Государственного совета с обещанием созвать Генеральные штаты²¹; 8 августа другое постановление Государственного совета определило дату открытия Генеральных штатов — 1 мая 1789 г. — и распустило упорно бойкотировавшуюся аристократией Общую палату²², 23 сентября королевская декларация восстановила прежние полномочия парламентской магистратуры²³. Правительство, таким образом, капитулировало перед дворянской оппозицией, поддёржанной на том этапе третьим сословием, и согласилось удовлетворить ее главное требование о созыве Генеральных штатов. Попытки реформ прекратились. Эти события свидетельствовали о неспособности «верхов» управлять прежними методами.

Кризис «верхов» развился на фоне ухудшения положения народных масс Франции вследствие экономического спада 1778—1787 гг. Доходы крестьянства за эти годы сократились, что в свою очередь привело к стагнации и сокращению промышленного производства и внутренней торговли. Пагубно отразился на состоянии французской промышленности и торговли заключенный в 1786 г. фритредерский торговый договор с Англией. Во Францию хлынули более конкурентоспособные английские товары. В 1787—1789 гг. в стране разразился тяжелый экономический кризис. Положение особенно обострило неурожай 1788 г. В деревнях вспыхивали крестьянские восстания, в городах — голодные бунты²⁴. Антиабсолютистская оппозиция, в том числе и дворянская, явилась сильнейшим фактором повышения политической активности народных масс. В некоторых политических выступлениях, связанных с «дворянским бунтом», принимала участие городская беднота (например, в знаменитом «дне черепиц» в Гренобле). Перечисленные выше явления в совокупности свидетельствуют о том, что осенью 1788 г. во Франции складывалась революционная ситуация. С лета 1788 г. в стране фактически установилась свобода печати. Издавалось доселе невиданное количество политических памфлетов и брошюр. Уже упоминавшееся постановление Государственного совета от 5 июля содержало обращение «ко всем ученым и образованным людям королевства» с предложением направлять хранителю печатей имевшиеся в их распоряжении материалы, а также делиться своими размышлениями относительно проведения выборов и организации работы предстоящих Генеральных штатов. Предложение было адресовано королевским чиновникам, которые могли бы в местных архивах и библиотеках найти интересные документы о прошлых Генеральных штатах, а также провинциальным штатам, университетам, ученым обществам и частным лицам. Формально постановление от 5 июля не отменяло цензуры, однако оно не запрещало печатать собранные материалы и соображения о Генеральных штатах и не требовало для их публикации никакого предварительного разрешения. Францию захлестнула волна публицистики. Вплоть до начала революции в стране выходило приблизительно по 100 политических памфлетов в месяц.

В центр политической борьбы в это время выдвинулся вопрос о форме созыва предстоящих Генеральных штатов. Впервые он был поставлен на заседании Парижского парламента 25 сентября 1788 г. Парламент в этот день собрался, чтобы зарегистрировать королевскую декларацию от 23 сентября. Принятое постановление содержит требование созвать Генеральные штаты по форме 1614 г., т. е. по сословиям, каждое из которых располагает одним голосом²⁵. Дворяне держались за сословную структуру Генеральных штатов и посословную подачу голосов как за одну из важнейших своих привилегий, как за средство, обеспечивающее политическую власть дворянства. Требование сохранить посословную форму голосования вошло также в постанов-

ление Парижского парламента от 5 декабря²⁶. С целью определить форму созыва Генеральных штатов, их состав и способ подачи голосов генеральный директор финансов Неккер созвал второе собрание нотаблей (6 ноября — 12 декабря 1788 г.). Большинство его участников решительно высказались за созыв Генеральных штатов по форме 1614 г.²⁷ По окончании работы собрания нотаблей 12 декабря королю был представлен получивший сразу же широкую огласку «Мемуар принцев». Под ним стояли подписи ярых защитников дворянских привилегий и будущих вождей контрреволюции: графа д'Артуа, принца Конде, герцога Бурбонского, герцога Энгиенского и принца Конти. Ж. Лефевр оценивает этот документ как манифест консервативной аристократии²⁸. В нем провозглашалась неизбежность сословного строя и всех феодальных повинностей. В первую очередь принцы требовали «сохранить единственно конституционную форму созыва Генеральных штатов, форму, освященную законами и обычаями, различие сословий, право раздельного голосования, равенства голосов — эти неизменные основы французской монархии»²⁹.

Первоначально, до осени 1788 г., дворянская оппозиция в целом, независимо от устремлений различных групп ее участников, находила поддержку у третьего сословия. Нотабли и парламента осуждали произвол самодержавной власти, и это привлекало общественное мнение на их сторону. После того, как правительство потерпело поражение в борьбе с парламентами, ситуация изменилась. Если раньше центральное место в политических дебатах занимали протесты против абсолютизма, то теперь на первый план выдвигается проблема гражданского равенства и сословных привилегий. Известный деятель начала революции публицист Малле дю Пан в это время писал: «Общественная борьба преобразилась. Король, деспотизм и конституция уже отошли на второй план: это война между третьим сословием и двумя другими»³⁰. Наблюдения Малле дю Пана подтверждает анализ политических памфлетов 1788—1789 гг.³¹ В разгоревшихся спорах о сословных привилегиях и форме созыва Генеральных штатов Парижский парламент официально занял сословно-охранительную позицию: с сентября 1788 по март 1789 г. он неоднократно принимал постановления об уничтожении целого ряда брошюр и памфлетов, исходивших от третьего сословия и отстаивавших идею гражданского равенства³².

Дворянство уже в силу своего исключительного социального положения, основанного на наследственных привилегиях, вызывало неприязнь третьего сословия. Проявленная сословно-охранительная тенденция в решении спорных вопросов обостряла эту неприязнь. В период предреволюционного политического кризиса во Франции выходило колоссальное количество политических памфлетов и брошюр, способствовавших формированию антидворянского общественного мнения. Авторы памфлетов ожесточенно нападали на налоговые привилегии, а также на равное пред-

ставительство от сословий и посословный способ голосования в Генеральных штатах, рассматривая последние как политическую привилегию дворянства³³. Письмо дворянина, посланное из Парижа в начале мая 1789 г., передает тревогу по поводу антидворянских настроений в столице: «Видны ужасные плакаты против духовенства и дворянства»³⁴. Маркиз де Сийери, рассказывая о бунте против фабриканта Ревельона в Сент-Антуанском предместье, обращает внимание на то, что народ кричал: «Да здравствует третье сословие! Долой дворянство и духовенство!»³⁵

В обстановке революционной ситуации дворянство было напугано подъемом народного движения и резким возрастанием политической активности третьего сословия. Это отразилось на его публичных декларациях, на официальных парламентских документах. Произошел вынужденный крутой поворот в вопросе о налоговых привилегиях. Если раньше защита их послужила толчком к нарастанию дворянской оппозиции, то теперь тот же Парижский парламент заявил о готовности дворян пожертвовать налоговым иммунитетом. В постановлении от 5 декабря 1788 г. он попросил короля провести «ликвидацию налогов, уплачиваемых одним сословием, и замену их общими субсидиями»³⁶, а 22 декабря специально указал, что это постановление «не должно оставить у граждан никакого сомнения»³⁷. Готовность отказаться от налоговых привилегий выразили и участники второго собрания нотаблей. «Мемуар принцев» гласил, что дворяне «из великодушных чувств смогут отказаться от прерогатив, суть которых связана с денежным интересом, и согласятся нести бремя общественных налогов на основах совершенного равенства»³⁸.

Аристократия сочла допустимым пойти на уступки и в вопросе о составе Генеральных штатов. Третье сословие требовало для себя двойного представительства по сравнению с привилегированными, что вкупе с поименным голосованием должно было обеспечить ему большинство. Парижский парламент 5 декабря одобрил двойное представительство третьего сословия. Однако он призвал сохранить посословную форму голосования. Тем самым удвоение числа депутатов третьего сословия было лишено смысла. Правда, не все дворяне смирились даже с такой формальной уступкой. В январе — марте 1789 г. привилегированные сословия Прованса, Беарна, Бургундии, Артуа и Франш-Конте при поддержке местных парламентов устраивали манифестации против новой формы представительства³⁹.

Либеральное течение дворянской позиции абсолютизму тоже активно участвовало в политической борьбе накануне революции. Либералы поддерживали требования третьего сословия об отмене сословных привилегий и введении поименного голосования в Генеральных штатах. Они вели пропаганду в салонах, кафе и клубах, издавали брошюры политического характера. Руководящим центром либералов было «Общество тридцати», занимавшееся составлением образцов наказов и имевшее своих представителей в провинции. Общество возглавлял советник Парижского парла-

мента Адриен Дюпор. Его членами были маркиз Лафайет, граф Мирабо, виконт де Ноай, герцог Ларошфуко, аббат Сийес, епископ Талейран⁴⁰.

В сложной обстановке острой общественно-политической борьбы правительство должно было принять решение о форме созыва предстоящих Генеральных штатов, поэтому 27 декабря появился документ под названием «Результат Королевского государственного совета». Основные его положения следующие: 1) общее число депутатов должно быть не меньше 1000 человек; 2) число депутатов каждого бальяжа будет зависеть от численности населения и размера уплачиваемого бальяжем налога; 3) эти решения послужат основанием для составления пригласительных писем (lettres de convocation), рассылаемых в провинции; 5) вслед за «Результатом Королевского государственного совета» будет опубликован доклад Неккера («Результат», по сути, представляет собой резолюцию по его докладу)⁴¹. Правительственный документ, определивший форму созыва Генеральных штатов, содержал только видимость уступки требованиям третьего сословия, так как давал последнему двойное представительство, но не содержал никаких указаний относительно способа подачи голосов. Правительство лишний раз расписалось в собственном бессилии, оставив открытым центральный вопрос общественно-политической борьбы того времени и переложив его решение на плечи Генеральных штатов.

Королевским письмом от 24 января 1789 г во Франции была официально открыта предвыборная кампания. Вслед за этим во все провинции королевства были направлены адресованные бальи и сенешалам* пригласительные письма, на основании которых открывалась избирательная кампания в округах⁴². В центры избирательных округов — бальяжей и сенешальств — съезжались местные дворяне для того, чтобы выбрать депутатов в Генеральные штаты и составить наказ. Затем депутаты должны были отстаивать требования врученного им наказа в Генеральных штатах. Подавляющее большинство избирательных округов Франции следовало процедуре выборов, установленной королевским регламентом от 24 января. ~~Предвыборные собрания~~, составлявшие ~~наказы~~, проходили в них с конца февраля по апрель 1789 г. Однако в некоторых округах в соответствии с местными привилегиями или другими соображениями эта процедура отклонялась от общего типа.

На востоке и юго-востоке Франции (в генеральствах Экса, Метца и Нанси) дворяне составляли наказания от каждого мелкого бальяжа в отдельности, а потом съезжались в центры более крупных бальяжей для выборов. Во всех других местах собрания сразу открывались в центрах крупных бальяжей, куда приезжали дворяне из более мелких (регламент от 24 января предусматривал подразделение бальяжей на первичные, в центрах которых проводились собрания, и вторичные — мелкие бальяжи, жители

* Королевские чиновники, возглавлявшие бальяжи и сенешальства.

которых съезжались на выборы в центры первичных бальяжей). Результатом такой особенности проведения выборов стало большее число наказов от восточных и юго-восточных округов по сравнению с остальными районами Франции.

В пограничных провинциях Дофине, Беарн и Наварра, где сильны были местные традиции и привилегии, выборы проводили местные провинциальные штаты. В ходе таких выборов в соответствии с традицией требования каждого сословия сводились в один общий наказ от трех сословий провинции.

Право на особое представительство в Генеральных штатах получили отдельные привилегированные города. Дворянство посылало депутатов от Парижа и Арля. В столице, где проживало особенно много дворян, для них, по аналогии с третьим сословием, были установлены двухстепенные выборы. Город разделили на 20 департаментов. На первичном собрании в каждом департаменте дворяне составляли наказания и назначали выборщиков, а затем уже выборщики избирали депутатов и составляли сводный наказ дворянства Парижа⁴³.

Положение Бретани и Корсики в административно-территориальной системе Франции было особым. Бретань, сохранявшая ряд местных привилегий, в том числе традиционное самоуправление в виде провинциальных штатов, королевским регламентом была подчинена процедуре выборов, мало отличавшейся от общей. Дворянство и духовенство Бретани отказались участвовать в выборах, требуя, чтобы депутатов в соответствии с бретонскими привилегиями выбирали провинциальные штаты⁴⁴. Поэтому дворянского наказа от Бретани не было. Наказ дворянства Корсики составлялся не на общей ассамблее, а на немногочисленном (16 человек) собрании представителей дворянства этого острова. В оригинале наказ написан на итальянском языке.

Основная масса наказов была составлена в период избирательной кампании с конца февраля по апрель 1789 г. Выборы и принятие наказа в Дофине имели место в начале января и затем были официально признаны королем. Случаев более позднего, чем положено, проведения выборов несколько. Так, в Париже, Парижском округе, Беарне, провинции Кузеран они проходили в мае, в небольшой юго-западной провинции Суль и на Корсике — в июне, т. е. через месяц после начала заседаний Генеральных штатов в Версале.

Выборы в каждом округе открывались общим собранием трех сословий под председательством бальи или сенешала. Затем ~~собрания~~ расходились для составления наказа и выборов ~~депутатов~~. На собрании дворянства председательствовал бальи или сенешал. В случае его отсутствия председатель избирался из числа присутствовавших дворян. Для составления текста наказа собрания назначало нескольких уполномоченных, именованных комиссарами (commissaires). Они должны были подготовить предварительный текст наказа, который после обсуждения принимался общим собранием дворянства бальяжа.

Как правило, составление наказов и выборы проходили отдельно по сословиям. Однако в том случае, если сословия проявлялись единодушие и каждое в отдельности проголосует за проведение совместного собрания, королевский регламент допускал составление общего наказа трех или двух сословий и выборы общих депутатов⁴⁵.

Появление совместных наказов вызывалось разными причинами. В большинстве случаев оно было связано с местными традициями. Почти все такие наказания произошли из *paus d'états*, областей, сохранивших традиционный орган местного самоуправления — провинциальные штаты*. Совместный наказ составлялся либо непосредственно провинциальными штатами, как в Беарне или Наварре, либо (там, где выборы проводились по общему регламенту) сословиями, решившими собраться вместе по типу провинциальных штатов. Однако составление совместного наказа от трех сословий бальяжа Монфор-л'Амори, расположенного недалеко от Парижа, и совместного наказа дворянства и третьего сословия бальяжа Перонн в Пикардии не было связано с местной традицией. Очевидно, причиной объединения сословий здесь была готовность большинства представителей привилегированных пойти на компромисс с третьим сословием и принять ряд его программных требований. Подобное стремление могло иметь место и там, где составление совместного наказа опиралось на местные традиции. Самый яркий пример — Дофине, где еще летом 1788 года на собрании в Визиле сложился блок буржуазии и дворянства на базе либеральной программы, впоследствии нашедшей выражение в наказе⁴⁶.

Условия, в которых проходила избирательная кампания, и способ ее проведения повлияли на составление наказов. Наказы же дают нам возможность составить наиболее полное представление об идейно-политической платформе дворянства Франции накануне Великой французской революции. В них подведен итог многолетней истории конфликтов между дворянством и абсолютизмом, проявились характерные черты социально-политического мышления дворянства.

⁴⁵ Antoine M. *Le Conseil du Roi sous le règne de Louis XV*. P., 1970.
⁴⁶ Bluche F. *L'origine sociale du personnel ministériel français au XVIII siècle*. — *Bulletin de la Société d'histoire moderne*, 1957, N 1, p. 9—11; Edelstein M. *La noblesse et le monopole des fonctions publiques en 1789*. — *Annales Historiques de la Révolution Française*, 1982, N 249, p. 440—443.
⁴⁷ Bluche F. *Les magistrats du Parlement de Paris au XVIII siècle*. Besançon, 1960, p. 81—85.

* Во Франции старого порядка различались две разновидности территории: *paus d'élection* — центральная часть страны, где королевская власть ликвидировала местную автономию, и *paus d'états* — пограничные провинции, позднее присоединенные к королевскому домену, сохранявшие некоторые местные привилегии и провинциальные штаты. В компетенцию последних входило распределение налогов и защита привилегий провинций.

⁴⁸ См.: Ардашев П. *Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка*. Т. 2. Киев, 1906, с. 40—71.
⁴⁹ Edelstein M. *Op. cit.*, p. 441.
⁵⁰ Hufton O. H. *Bayeux in the later XVIIIth century*. Oxford, 1967, p. 46.
⁵¹ Corvisier A. *Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789*. P., 1976, p. 128, 178—183.
⁵² Edelstein M. *Op. cit.*
⁵³ Péronnet M. C. *Les évêques de l'ancienne France*. Vol. 1. Lille, 1977, p. 367—368, Ravitch N. *Sword and Mitre*. The Hague—Paris, 1966, p. 53—89.
⁵⁴ Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. *Современный Левиафан*. М., 1985, с. 118
⁵⁵ Meyer J. *Noblesse des bocages*. — In: *Noblesse française. Noblesse hongroise: XVI—XIX siècles*. Budapest—P., 1981, p. 44—45.
⁵⁶ См.: Люблинская А. Д. К вопросу о классовой природе французского абсолютизма. — *Новая и новейшая история*, 1979, № 4; Ее же. *Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630—1642 гг.* Л., 1982, с. 217—243.
⁵⁷ Ford F. L. *Robe and Sword The regrouping of the French aristocracy after Louis XIV*. Cambridge, 1953; Bluche F. *Les magistrats du Parlement de Paris au XVIII siècle*; Bérenger J. *Noblesse et absolutisme de François I à Louis XIV*. — In: *Noblesse française. Noblesse hongroise*.
⁵⁸ Egret J. *Louis XV et l'opposition parlementaire*. P., 1970; Ford F. L. *Op. cit.*, Book 3.
⁵⁹ Mandrou R. *L'Europe «absolutiste»: Raison et raison d'Etat. 1649—1775*. P., 1977, p. 109—114.
⁶⁰ Государственная дорожная барщина и заменившая ее денежная подать. Цит. по: Hincker F. *Les Français devant l'impôt sous l'Ancien Régime*. P., 1971, p. 96.
⁶¹ См.: Жорес Ж. *Социалистическая история французской революции*. Т. 1, кн. 1. М., 1976, с. 204.
⁶² Подробное изложение событий предреволюционного политического кризиса см.: Шере Э. *Падение старого режима*. Т. 1—2. СПб., 1907—1908; Egret J. *La Pré-révolution française*. P., 1962; Лебедева Е. И. К истории политического кризиса накануне Великой французской революции (план реформ Ш.-А. де Калонна). — В кн.: *Проблемы новой и новейшей истории*. М., 1983, с. 3—19.
⁶³ О парламентской оппозиции на данном этапе и течениях внутри нее см.: Лебедева Е. И. *Парижский парламент и абсолютизм накануне Великой французской буржуазной революции*. — В кн.: *Проблемы новой и новейшей истории*. М., 1982, с. 49—63.
⁶⁴ Brette A. *Recueil de documents relatifs à la convocation des Etats généraux de 1789*. Vol. 1. P., 1894, p. 19—22.
⁶⁵ Ibid., p. 23—25.
⁶⁶ Ibid., p. 25—28.
⁶⁷ См.: Потемкин Ф. В. *Промышленная революция во Франции*. Т. 1. М., 1971, гл. 10; Чеканцева З. А. *Народные движения во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века*. — *Новая и новейшая история*, 1981, № 5.
⁶⁸ Brette A. *Op. cit.*, vol. 1, p. 28.
⁶⁹ Ibid., p. 33.
⁷⁰ Egret J. *La pré-révolution française*, p. 343—345.
⁷¹ Lefebvre G. *La Révolution française*. P., 1968, p. 122.
⁷² Цит. по: Decouflé A. *L'aristocratie française devant l'opinion publique à la veille de la Révolution*. — In: *Etudes d'histoire économique et sociale du XVIII siècle*. P., 1966, p. 23.
⁷³ Lefebvre G. *Op. cit.*, p. 120.
⁷⁴ Decouflé A. *Op. cit.*, p. 1—52.
⁷⁵ Brette A. *Op. cit.*, vol. 1, p. 31, 34, 41—43, 44.
⁷⁶ Decouflé A. *Op. cit.*, p. 11—20.
⁷⁷ Vaissière P. *Lettres d'«aristocrates». La révolution racontée par des correspondances privées*. P., 1907, p. 8.

ИДЕОЛОГИЯ И УМОНАСТРОЕНИЯ ДВОРЯН В ВЕК

Дворянское мировоззрение имело свою давнюю идеологическую традицию. Само по себе оно возникло, когда сложилось дворянское сословие, т. е. еще в раннее средневековье. Высокий социальный статус дворянина переходил по наследству и отчетливо противопоставлял своего носителя всем простолюдинам, поэтому дворяне воспринимали себя как людей высшей расы, уже самим фактом своего рождения предопределенных к исключительному положению в обществе. Так формировалось специфическое дворянское мировоззрение, которое К. Маркс назвал «зоологическим»: «В этой системе телесное достоинство человека, или достоинство человеческого тела (в более развернутом виде это можно было бы выразить так: достоинство физического, природного элемента государства), выступает в такой форме, что определенные, а именно высшие социальные звания являются званиями определенных, предопределенных рождением, тел. Вот почему дворянин так гордится своей кровью, своим происхождением, словом — историей своего тела. Это и есть, конечно, то зоологическое мировоззрение, для которого соответствующей наукой является геральдика»¹.

В XVI—XVII вв. дворянское мировоззрение перешло на более высокий, теоретический уровень и оформилось как идеология. В это время появилась обширная литература, посвященная обожнованию дворянской исключительности. Данное явление было обусловлено причинами как гносеологического, так и социального порядка. С гносеологической точки зрения оно связано с процессом дифференциации религиозно-синкретического средневекового мировоззрения и выделением политической идеологии в самостоятельную форму общественного сознания. С социальной точки зрения это явление предопределялось тем, что с двух сторон начали ущемляться сословные интересы дворянства. Во-первых, его теснили поднимающаяся буржуазия и «люди мантии», в то время занимавшие промежуточное положение между дворянством и буржуазией. Дворянство не только уступало им в богатстве, но и теряло административные, военные и судейские посты, переходившие в их руки в условиях становления абсолютизма. Во-вторых, тенденция к неограниченной королевской власти, присущая складывавшемуся абсолютизму, вступала в противоречие с принципом неизыблемости сословных привилегий. Посягательство на дворянскую исключительность находило выражение в относительном отстранении дворян от ключевых государственных постов, в существенном ограничении дворянских прерогатив политической власти на местах, в широко распространенной при абсолютизме практике произвольных аноблирований. Ситуа-

³⁵ Ibid., p. 48—49.

³⁶ Brette A. Op. cit., vol. 1, p. 33.

³⁷ Ibid., p. 37.

³⁸ Decouflé A. Op. cit., p. 23.

³⁹ См.: Матъез А. Французская революция. Т. I. Л.—М., 1925, с. 49.

⁴⁰ Sagnac Ph. La fin de l'Ancien Régime et la Révolution américaine. P., 1947, p. 477—480; Broglie G. de. L'orléanisme: La ressource libérale de la France. P., 1981, p. 137.

⁴¹ Brette A. Op. cit., vol. 1, p. 37.

⁴² Règlement royal pour l'exécution des lettres de convocation du 24 janvier 1789. — In Brette A. Op. cit., vol. 1, p. 66—87.

⁴³ Процедуру выборов в Париже определили королевские регламенты от 28 марта и 13 апреля 1789 г. См.: Brette A. Op. cit., vol. 1, p. 110—114.

⁴⁴ Déclaration et protestation de la noblesse de Bretagne. — Archives parlementaires de 1787 à 1799, 1 série, t. 5. P., 1880, p. 627—629.

⁴⁵ Brette A. Op. cit., vol. 1, p. 83—84.

⁴⁶ О событиях в Дофине см.: Egret J. La Révolution des Notables. Mounier et les Monarchiens. P., 1950.

ция, в которой дворяне начали ощущать угрозу своему исключительному социальному положению, стимулировала рост дворянского самосознания и переход его на теоретический уровень.

Появилась обширная литература дворянских идеологов XVI—XVII вв. В произведениях Бартеlemi де Шассене, Ле Лабурера, де Ла Рока, Ле Менетье и других содержалось обоснование сословной структуры общества и деления людей на привилегированных и непривилегированных. Дворянская система ценностей нашла в их работах теоретическое выражение. Основоположающими дворянскими ценностями были *военная служба* и *происхождение, род*. Первая из них определяла особое положение дворянства в обществе как сословия, выполняющего исключительно важную и почетную социальную функцию. Вторая придавала этой функции наследственный характер, закрепляла ее за людьми дворянского происхождения. Выпячивание ценности знатного происхождения и древности рода носило у дворянских идеологов XVI—XVII вв. столь сильный характер, что представляемое ими течение общественной мысли получило в исторической литературе наименование «дворянского расизма». Важное место в системе дворянских ценностей занимали также *владение землей* и *политическая власть*. Уже не являясь специфически дворянскими, они призваны были служить для дворян внешним проявлением высокого социального положения их сословия. В произведениях дворянских идеологов XVI—XVII вв. находило выражение стремление дворянства к политическому могуществу, желание навеки утвердить систему наследственных сословных привилегий².

Имелось в дворянском идейном наследии XVI—XVII вв. и иное направление. Оно было представлено в XVI в. оппозиционными политическими теоретиками и публицистами, так называемыми монархوماхами, в XVII в. — идеологами парламентской Фронды. Как и приверженцы «дворянского расизма», они в конечном счете исходили из того же средневекового принципа верховенства «права» и «справедливости» по отношению к монарху. «Право» и «справедливость» фактически означали традицию. В данном случае в интерпретации принципа верховенства традиции над монархом акцент был сделан не на сословно-охранительный, а на государственно-правовой его аспект. Монархوماхи, а впоследствии идеологи парламентской Фронды отрицали абсолютную власть монарха и в противовес ей отстаивали политические прерогативы привилегированных сословий, однако их защита велась не в открытую. Они пропагандировали идею ограничения власти монарха сословным органом, выполняющим функцию хранителя «основополагающих законов» королевства. Для монархوماхов таким органом были Генеральные штаты, для парламентских идеологов — парламенты. В своих сочинениях они применяли достижения зарождавшейся политической науки нового времени: пользовались понятием общественного договора, апеллировали к принципам естественного права и народного суверенитета, понимая под «народом» привилегированные сословия. Антидеспоти-

ческие идеи монархوماхов и парламентских идеологов XVII в. будут восприняты и переосмыслены в XVIII столетии французскими просветителями и в русле Просвещения завладеют умами многих дворян Франции³.

Если мы обратимся теперь к дворянским наказам XVII в., это позволит нам проследить, какими социально-политическими категориями мыслили тогда более широкие слои французского дворянства. Эти наказания дают представление о традиционной дворянской политической культуре. В особенностях структуры и фразеологии наказов отразились взгляды дворян на общество, власть и политику. Из текстов наказов видно, как относились дворяне к традициям и социально-политическим реформам, что думали о взаимоотношениях короля и подданных, как мыслили себе место и роль своего сословия в обществе.

В наказах XVII в. (1614 г. и 1649—1652 гг.) отчетливо выразилось представление о сословном членении общества. Каждому сословию был посвящен особый раздел, и порядок их расположения определялся местом сословий в обществе. На первом месте стоял раздел о религии, церкви и духовенстве, т. е. о первом сословии королевства, следом за ним — раздел о втором сословии, дворянстве, и о военной службе как особом занятии дворян, затем шло изложение тех вопросов, которые в представлении людей XVII в. были связаны с третьим сословием: правосудие, финансы, полиция и т. д. В наказах авторы эмоционально рисовали конкретные, живые образы гордых своим происхождением от завоевателей-франков дворян, алчных откупщиков, страдающего под гнетом налогов несчастного народа. В изображении наказов XVII в. разбогатевшие ненасытные финансисты — причина всех бедствий и разорения дворянства, а с вассалами-крестьянами дворяне связаны узами патриархального покровительства⁴.

Авторы наказов XVII в. критиковали современную им действительность с позиций традиционализма. Общественный идеал они искали в прошлом, когда еще живы были «великолепие и блеск дворянства», «великолепие и могущество», «блеск дворянства», «чистота религии»⁵. Выдвигая требования, они стремились «вернуть когда-нибудь былое могущество королевства»⁶.

Отношения с властью мыслились как межличностные отношения дворян-вассалов с королем-сувереном. Требования излагались в форме просьб, адресованных королю, и ожидаемые перемены должны были предстать в форме благодеяний монарха.

Наказ обычно начинался торжественным обращением к королю-суверену с заверениями в вассальной верности. «Ваше Величество, первейшее желание дворянства Вашей провинции Нормандия в Генеральных штатах состоит в том, чтобы преподнести Вашему Величеству покорнейшие заверения в своей преданности, коей мы Вам обязаны от рождения и по призванию...» — открывался наказ дворянства Нормандии 1614 г.⁷ «Ваше Величество, дворяне Вашего бальяжа Труа имеют честь покорнейше возносить хвалы Богу, чьей милостью Вы соизволили даровать Вашим

народам Генеральных штатов вслед за Вашим совершенством», — это начало наказа 1651 г. дворян бальяжа Труа⁸. В первых строках наказа области Бри 1614 г. говорилось: «Король — единственный глава дворянского сословия... дворяне — его покорнейшие подданные и вассалы. Король получает королевство только от Бога и своей шпаги и не подчинен никакой высшей светской власти»⁹.

Статьи наказов XVII в., посвященные дворянству, рисовали облик привилегированного военного сословия, главной опоры короля. Авторы пространно и красноречиво утверждали исключительное положение дворянства в обществе, незабываемость его сословных привилегий: «Дворянство — главная опора короны. Упадок Дворянства означает ослабление Государства. Дворянство должно быть утверждено в своих привилегиях и вольностях...»¹⁰; «Дворянство есть главная сила и опора короны...»¹¹; «Дворянство Шампани и Бри всегда было правой рукой и опорой Государства...»¹²; «Дворянство есть правая рука Франции...»¹³; «Король не может быть могущественным там, где Дворянство слабое...»¹⁴; «Дворянство — главная опора Государства... должно быть сохранено в своих привилегиях...»¹⁵; «...в награду за беззаветную службу монархии со времени ее основания и королям, Вашим предшественникам, дворянство получило вольности, прерогативы, привилегии и свободы, столь же древние как сама корона...»¹⁶; «Ваше Величество... только наше сословие из всех трех имеет честь считать Вас своим вождем...»¹⁷ и т. д. Составители наказов требовали себе преимуществ и пожалований, стараясь при этом отделить неразрывную связь своих интересов с народными нуждами, представить дворян защитниками «бедного сельского люда». Они считали, что привилегированное социальное положение дворянства должно быть подчеркнуто сословным костюмом, и предлагали «запретить всем лицам недворянского происхождения носить чулки из шелка, под угрозой штрафа в 300 ливров... запретить всем женам буржуа и прочих недворян носить прически, приличествующие благородным дамам, под угрозой штрафа в 1500 ливров» (наказ Нормандии 1614 г.)¹⁸, «запретить всем, кроме принцев и принцесс крови и родовитых дворян, употреблять в своей одежде золото и серебро» (наказ Труа 1651 г.)¹⁹. Дворянское сословие в идеальных представлениях авторов выглядело строго наследственной, замкнутой кастой. Возведенные в дворянство за заслуги, говорилось в наказах, не должны пользоваться сословными привилегиями в полной мере, в отличие от представителей древних родов. Показательны термины, примененные для обозначения понятия «дворянин». Наряду с общими «nobles», «noblesse» («дворяне», «дворянство») употреблялись слова более узкие по значению: «gentilshommes» («родовитые дворяне») и «anoblis» («возведенные во дворянство»). В наказах XVII в. дворяне именовались, как правило, «gentilshommes». Тем самым подчеркивалось, что полноправными членами сословия следует признавать лишь представителей старых родов.

Таким образом, наказы XVII в. воспроизводили в классическом виде традиционную дворянскую систему ценностей. Основные ее компоненты: род, знатность, происхождение; военная служба; власть, привилегии.

Наследие дворянской идеологии прошлых веков и традиционной дворянской системы ценностей продолжало жить и в XVIII в. Дворянская «расистская» теория получила в первой четверти XVIII в. свое завершение в трудах графа А. де Буленвилле. Большая часть их распространилась после смерти автора, наступившей в 1722 г. Важнейшими его произведениями являются «Записка дворянству Франции против герцогов и пэров», 14 «Исторических писем о парламентах и Генеральных штатах», «Очерки о французском дворянстве», «Краткое изложение истории Франции» и др. Буленвилле рассматривал дворян как прямых потомков франков — покорителей Галлии. Дворянское сословие представляло в его изображении как высшая раса победителей, вследствие чего звание дворянина могло передаваться только по наследству потомкам воинов-франков. Он не признавал за королями права аноблировать и мыслил себе дворянство замкнутым военным сословием, унаследовавшим от своих предков высокий социальный статус и сословные привилегии, право властвовать над третьим сословием (потомками покоренных галлов) и владеть землей. Все эти права, считал он, «принадлежат франкам от рождения как завоевателям и не обязаны своим происхождением щедрости или милости государей»²⁰. К богатству, буржуазной ценности, Буленвилле относился с презрением и считал его чуждым истинному, т. е. военному, дворянству, «Роскошь при Франциске I, — писал он, — погубила дворянство, сделала его придворным»²¹. Вместе с тем мысль «дворянского расиста» Буленвилле испытала на себе влияние доктрины естественного права. Но при этом понятия «естественное право» и «естественный закон» получили у этого автора специфически дворянскую трактовку. Все традиционное он понимал как соответствующее естественному праву и с этих позиций доказывал справедливость сословного неравенства: «Конечно, с точки зрения публичного права, все люди равны. Насилие установило различия между *Свободой и Рабством*, между *Дворянством и Третьим сословием*: но, несмотря на это, обычай утвердил неравенство в мире столь давно, что оно обрело силу естественного закона»²².

Другой видный проповедник «дворянского расизма» XVIII в. — герцог Сен-Симон. Его идейно-политическое кредо изложено в «Мемуарах», написанных в 1740-е годы. Сен-Симона возмущали практиковавшиеся королевской властью аноблирование чиновников и судейских, возвышение новой, невоенной знати. «Высочайшая милость, — писал он, — всегда превосходит самые безумные новшества, которые низость света создает и присваивает»²³. Магистраты, аноблированные при абсолютизме, в глазах Сен-Симона так и остались не дворянами, а потомками буржуа, «неизвестными новичками из города», обязанными помнить, «чем были

они и чем были другие»²⁴. «Короли,— указывал он,— аноблируют, но не создают дворян»²⁵. В отличие от Буленвилье Сен-Симон не считал, что общее для всех родовитых дворян благородство происхождения делает их равными между собой. Герцог был сторонником строгой внутрисословной иерархии, верхнюю ступеньку в которой должны занимать герцоги и пэры, возвышающиеся над остальной массой дворянства. Герцоги и пэры — потомки славных родов старой феодальной военной знати. К XVIII в., по мнению Сен-Симона, эта знать в значительной мере утратила по праву принадлежавшую ей политическую власть, вытесненная с государственных постов людьми низкого происхождения. В «Мемуарах» Сен-Симона нашла отражение выступившая на политической сцене Франции в конце XVII — начале XVIII в. оппозиция герцогов и пэров, претендовавших на роль советников короля и лидеров дворянства²⁶.

В творчестве другого известного дворянского идеолога XVIII в., внука Людовика XIV шевалье д'Арка (он был внебрачным сыном графа Тулузского, а тот в свою очередь — внебрачным сыном Людовика XIV и мадам де Монтеспан), сочетается влияние трех традиций: дворянской, парламентской и оформившейся в XVII в. официальной доктрины французского абсолютизма с присущей ей идеей божественного происхождения не ограниченной никакими земными установлениями власти монарха. Д'Арк был весьма плодовитым публицистом. Наибольшую популярность получили следующие его произведения: «Военное дворянство или французский патриот» (написано в 1756 г., неоднократно переиздавалось и было переведено на немецкий язык), «Очерки администрации» (1786 г.) и «О созыве Генеральных штатов и о необходимости создать четвертое сословие Государства» (нач. 1789 г.). Он вставал против возвышения неродовитых людей, против произвольных аноблирований. Его общественный идеал — строгая сословная иерархия, в основе которой должен лежать принцип чести. Призвание дворянства как высшего сословия королевства, считал он,— военная служба. Король имеет право аноблировать только за военные заслуги. «Обязанности дворянства вообще, а во Франции и в других воинственных государствах в особенности,— писал д'Арк,— состоят в том, чтобы утверждать славу и интересы государя и нации, проливать кровь до последней капли в защиту тех, чей повседневный труд обеспечивает ему существование и достаток, а также вершить правосудие над гражданами в соответствии с законами, которые дворянство должно сохранять. В этом состоит доля суверенной власти, которую монарх препоручает дворянству»²⁷. Будучи идеологом военного дворянства, д'Арк свысока смотрел на «дворянство мантии». Его отношение к магистратуре выразилось в таких словах: «Итак, дворянское звание им дала профессия самая возвышенная, самая значительная для суверенной власти. И все же это дворянство всегда было отличимо от заслуженного на полях сражений, и военный, подчиняющийся суду только в храме правосудия, сохра-

нил во всех прочих местах свое превосходство. Эти два рода дворянства протекали вместе, как две реки в одном русле, воды которых не смешиваются»²⁸.

Д'Арк призывал дворян к аскетизму и строгости нравов, осуждал придворную роскошь. Рост власти денег и стремления к богатству в обществе страшил его и заставлял вспомнить историю гибели Карфагена. Богатство он считал несовместимым с принципом чести и презирал: «В былые времена почиталось за бесчестье выбирать между скромностью и богатством»²⁹; «Оскорбительное великолепие свидетельствует против чести»³⁰. Буржуазной ценности, богатству д'Арк противопоставлял традиционные дворянские ценности: военную службу и воинскую доблесть: «Война очищает Государства от праздных людей, которые всегда опасны, и в то же время она, так сказать, поддерживает и питает мужество и дисциплину. Она предотвращает последствия роскоши, восстанавливает, по меньшей мере на время, простоту нравов и пробуждает естественные чувства»³¹.

Большое значение д'Арк придавал парламентам и характеризовал их как органы, представляющие нацию. Реализуя свое право регистрации королевских эдиктов, деклараций и постановлений, полагал он, парламенты выражают согласие всей нации с волей короля. Однако д'Арк отнюдь не считал, что назначение парламентов — ограничивать власть монарха. Его политический идеал — абсолютная монархия, при которой король — отец для своих поданных — держит ответ лишь перед богом и ни перед кем на земле. В 1789 г. д'Арк высказался против созыва Генеральных штатов, так как видел в них угрозу существующему политическому режиму³².

В дворянской предреволюционной (1787—1789) памфлетной литературе консервативного толка, полемически заостренной как против устремленного к гражданскому равенству третьего сословия, так и против реформаторских попыток абсолютизма, заметно влияние традиционных дворянских доктрин. Дворянство изображалось хранителем «истинных добродетелей», таких, как честь и верность. Привилегированный социальный статус дворянства обосновывался знатным происхождением, заслугами предков и прирожденным призванием к военной службе. В ряде памфлетов остро отвергалась принадлежность дворянства и третьего сословия к одной нации³³.

Парламентские лидеры XVIII в. для обоснования своих политических претензий опирались на парламентскую традицию, на принцип политического верховенства «основополагающих законов» французской монархии, хранителем которых выступал парламент. Вместе с тем официальная парламентская доктрина XVIII в. испытала на себе влияние идей конституционализма. В постановлениях и других официальных документах Парижского парламента, в сочинениях парламентских идеологов парламента изображались хранителями «конституции», «прав нации», т. е. традиционных установлений и привилегий, которые королевская власть не

имела права нарушать. Например, адвокат Парижского парламента Ле Пез опубликовал в 1753—1754 гг. «Исторические письма о существенных обязанностях Парламентов, о праве пэров и об основополагающих законах королевства», где он доказывал происхождение парламентов от высшего органа власти древних германцев, их общего собрания, которое он называл «общим парламентом». Ссылаясь на политические прерогативы и вольности своих предков-франков, Ле Пез утверждал принцип «народного суверенитета», который в его трактовке означал суверенитет парламентской аристократии³⁴.

Предвыборные указы дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г. позволяют проследить на уровне массового сознания сохранение традиционной дворянской системы ценностей. Интерес представляет изучение самого построения текстов указа. К 1789 г. у дворян имелась за плечами давняя традиция составления документов подобного рода, поэтому выработались клише оформления преамбул, основного текста и заключений, очередности и формы изложения требований. С другой стороны, построение и оформление документа, предлагающего реформы государственных и общественных институтов, отражают представления о государстве и обществе, свойственные людям данной эпохи, и вследствие этого со временем они должны меняться. Внешняя характеристика такого источника, как дворянские указы 1789 г., дает ценную информацию об особенностях социально-политического мышления французского дворянства того времени.

Указы очень разнообразны по структуре. Однако в них можно выделить большие группы текстов, имеющие одинаковую степень традиционности. Подчас построение документов верно следует традиции. Вот несколько образцов. Указ Булонне содержит следующие разделы: в части I — «Религия и духовенство», «Благотворительность», «Общее законодательство», «Налоги», «Lettres de cachet», «Свобода негров», «Свобода печати», «Голосование в Генеральных штатах»; в части II — «Провинциальные штаты», «Провинциальное законодательство», «Налоги в Булонне», «Сенъериальные права в Булонне», «Общинные земли»; в части III — «Нищенство», «Общинные сервитуты», «Благотворительность», «Войска Булонне», «Местные требования»³⁵. С указами XVII столетия его сближало то, что на первом месте стояли статьи, посвященные религии и духовенству, и большое внимание уделялось партикуляристским интересам дворянства данного округа (II и III части указа были посвящены главным образом местным требованиям). Структура указа округа Шатель-сюр-Мозель: «Сохранение прав, привилегий и прерогатив дворянства Лотарингии», «Установление периодичности заседаний Генеральных штатов», «Восстановление провинциальных штатов», «Согласие выплачивать часть установленного налога», «Упразднение метризов»³⁶, «Упразднение должностей судебных исполнителей», «Отмена lettres de cachet», «Упразднение городских муниципалитетов», «Свободная продажа соли», «Подтверждение отчуждения

земель королевского домена в Лотарингии»³⁷. И в данном случае на первом месте стояли сословные, а следом за ними — провинциальные требования. Другая характерная черта: как и в предыдущем наказе, здесь авторы не делали различия между принципиальными и частными вопросами. Выделены в особые разделы и снабжены заголовками как статьи о порядке работы Генеральных штатов, так и статьи об упразднении метризов, посвященные частному вопросу об управлении королевскими лесами в Лотарингии. Наказ Вилле-Коттре начинался с изложения узкосословных дворянских требований, а за ними уже следовали статьи о конституционных принципах³⁸. В наказе Сарлуи сперва шли местные провинциальные требования, затем требования, касающиеся Генеральных штатов и налогов³⁹. Наказ Доля открывался перечислением местных провинциальных требований, которые предшествовали изложению конституционных принципов⁴⁰.

В целом из 165 указов 1789 г. 3 начинались с раздела, посвященного религии, церкви и духовенству, 6 — с изложения требований, касавшихся дворянского сословия. Есть еще ряд указов, в которых требования, посвященные сословиям, хотя и не соблюдали традиционной очередности, но были объединены в особые разделы и занимали значительное место. В общей сложности 20 указов составлено в наибольшем соответствии с традиционной моделью.

В указах 1789 г. мы неоднократно встречаемся со ссылками на традицию, с призывами восстановить «нацию» в ее прежних утраченных правах. В некоторых текстах эта тенденция была выражена настолько сильно, что их авторы, подобно составителям указов XVII в., искали свой общественный идеал в прошлом. Так, составители указа Алансона прославляли «древнее славное существование» и призывали не нарушать «древние и конституционные формы», освященные обычаями⁴¹. Дворяне Бурмона надеялись, что «Его Величество и Генеральные штаты не помышляют нарушить древнюю конституцию королевства»⁴². В указе дворян Нерака был включен длительный экскурс в славное прошлое французского дворянства, начиная с времен Карла Великого⁴³. Дворяне Перигора в преамбуле указа призывали восстановить франкские вольности⁴⁴. Ярыми традиционалистами выглядели авторы указа Бюже и Вальроме: «...у Франции есть конституция... напрасно отчаянные новаторы разглагольствуют в предосудительных сочинениях и желают уверить, что Государство, с блеском существующее уже тысячу триста лет, никогда не имело конституции; ...это заблуждение, пущенное мятежниками и распространенное невеждами, изображает французский народ подлым стадом рабов, а любимых и почитаемых монархов династией ненавистных деспотов; ...одно из главнейших доказательств того, что во Франции есть конституция, состоит в том, что существуют сословия, корпорации и личности, обладающие правами и прерогативами; ...не уважать законных и установлен-

ных прав означает вести к анархии, то есть к деспотизму всех, после которого деспотизм одного покажется счастьем; ...надо не создавать или менять конституцию, а искоренять злоупотребления, которые незаметно ее подрывают; не подстрекать к опасным новшествам, устанавливая новые принципы, а уважать те, что установлены в древности и проверены опытом, те, которым Государство обязано своим блеском и процветанием с самого своего основания»⁴⁵. В общей сложности свой идеал в прошлом искали авторы 15 наказов 1789 г.

Преимственность с дворянскими наказами XVII в. обнаруживалась и в вопросе о взаимоотношениях короля и подданных. В 37 документах имелись упоминания о божественном происхождении королевской власти и священном характере особы короля. Авторы 51 наказа говорили о короле как верховном суверене и о верности ему подданных. Встречались традиционные преамбулы в виде клятв в вассальной верности королю. Примером может служить преамбула наказа Шалона-сюр-Сон: «Сир, с исполненной почтения признательностью дворянство Вашего бальяжа Шалон-сюр-Сон приносит к Вашим ногам оммаж, продиктованный сердцем, и чаяния, кои Вы позволили высказать ради счастья французской империи. Соблаговолите, Сир, принять и то и другое с добротой, за которую Вас любят, и справедливостью, характеризующей блистательный момент Вашего царствования... может ли время не запечатлеть в памяти наших потомков воспоминание о Ваших благодеяниях! Таковы, Сир, пылкие чаяния Вашего дворянства; нет такой жертвы, которой оно бы не принесло ради процветания Государства, и оно ни за чем не постоит, дабы доказать свое усердие ради счастья империи и любви к своему королю»⁴⁶. За исключением типичных для века Просвещения фраз о «счастье империи» и «процветании Государства», приведенный отрывок наследовал стиль преамбул дворянских наказов XVII в.

Адресация королю наказа в целом в 1789 г. встречалась редко. Как правило, просьбы к монарху появлялись в тех случаях, когда речь непосредственно заходила о его личных интересах. Например, предлагалось зафиксировать размеры расходов королевской семьи. Обращения к королю встречаются в общей сложности в 84 наказах; 15 наказов адресованы ему целиком.

Из наказов 1789 г. видно, что осознание дворянством себя как группы, обладающей наследственным привилегированным статусом и предназначенной преимущественно для военной службы, сохранилось. Влияние традиционных дворянских ценностей — древности рода, военной службы и сословных прерогатив политической власти — можно проследить в наказах на трех уровнях: лексики; рассуждений о сущности и предназначении дворянского сословия; конкретных требований, касающихся непосредственно дворянства.

На уровне лексики сохранились остатки прежнего деления дворянства на родовитых и аноблированных. В большинстве слу-

чаев, правда, дворянство именовалось общим термином «noblesse». Но в 49 наказах встречался термин «gentilshommes».

В преамбулах и посвященных дворянству статьях наказов имелись традиционные апелляции к славному прошлому старого дворянства. В 42 наказах в статьях о дворянстве подчеркивалась его родовитость. Обосновывая законность привилегированного статуса своего сословия, авторы ссылались на заслуги предков, древние основополагающие законы французской монархии. Вот некоторые формулировки из наказов (в скобках указаны названия тех бальяжей или сенешальств, откуда происходит цитируемый наказ): «Сословие, предназначенное хранить и передавать древний национальный дух» (Монпелье)⁴⁷; «Французские дворяне представляют сословие, в ряды которого Карл Великий посвящал своих детей, давая им короны. Сословие, членов которого Филипп Святой называл опорой королевской власти и коронью». «„Шпага моего доброго и великодушного дворянства вернула мне корону“, — говорил Генрих IV. „Трон королей Франции, — говорил он, — в сердце каждого истинного дворянина“. Людовик XIV провозгласил, что дворянское сословие было самой надежной опорой его короны. Не окажемся ли мы недостойны этих прославленных предков и блестящих титулов..?» (Нерак)⁴⁸; «...французское дворянство... изначально основано на неизменном праве рождения...» (Шато-Тьерри)⁴⁹; «...привилегии, которыми пользуется дворянство, вовсе не являются узурпацией: они являются, с одной стороны, остатком древних вольностей, которыми обычно пользовались наши предки-франки, и с другой стороны, наградой за службу и кровь, пролитую поколениями наших предков...» (Понтье)⁵⁰. Эти заявления и другие, им подобные, представляли собой отголоски «дворянского расизма». Дворянство выглядело в них происходящей от франков наследственной кастой.

В статьях наказов встречались определения дворянства как военного сословия, призванного служить своему королю и родине. О военной службе как единственном занятии, достойном дворянина, говорилось в 23 наказах; еще 21 наказ называл дворян защитниками родины, готовыми отдать жизнь за нее и короля: «Самая обычная профессия дворянина — военная... дворянство... во все времена жертвовало кровью и имуществом ради своего короля и сейчас с энтузиазмом и признательностью вновь приносит клятву почтительнейшей верности своему августейшему монарху... отличительной чертой французского дворянства всегда были патриотизм и честь» (Риом)⁵¹; «...они жаждут быть полезными родине и жертвовать кровью и имуществом, защищая ее и государя» (Ла Рошель)⁵²; «...сословие Государства, основная профессия которого состоит в том, чтобы жертвовать кровью и имуществом на службе родине» (Артуа)⁵³; титул, открывающий вход в «храм чести и славы» (Ниверне)⁵⁴; «Военная служба... единственное ремесло, приличествующее их рождению и наклонностям...» (Клермон-ан-Бовези)⁵⁵; «Военная служба — единственное занятие, достойное дворянства...» (Оксер)⁵⁶; «Так как

дворянство предназначено для защиты Государства, обычай за- претил ему все доходные профессии, которые могли бы отвратить его от этой почетной обязанности» (Бюже и Вальроме)⁵⁷ и т. д. Подобные высказывания выражали традиционные представления дворян о своем сословии, унаследованном воинственный дух и доблесть предков-франков, и о дворянине, в силу своего рождения предназначенном к военной службе.

Авторы некоторых наказов писали о дворянстве как о сословии, обладающем прерогативами политической власти: «...первая и главная опора законов и монархии ...самая прочная опора трона...» (Анноне)⁵⁸; «Король... первый среди дворян...» (Гартас)⁵⁹; «...вернуть былой блеск дворянства, сословия законодателей...» (Нижняя Марш)⁶⁰; «Влияние, которое должно иметь дворянское сословие в общественных делах...» (Форез)⁶¹; «С основания монархии все сословие дворянства имело право содействовать изданию законов королевства» (Блуа)⁶². Отдельные формулировки, например о дворянстве как главной опоре монархии, о короле как первом из дворян, текстуально восходили к наказаниям XVII в. Новая черта, отличавшая наказания 1789 г., заключалась в том, что прежде авторы, рассуждая о политической роли дворянского сословия, имели в виду лишь его военную силу. Теперь же — и в этом отразилось изменение социального облика дворянства и всей системы общественных ценностей — дворянство стало изображаться не только военным сословием, но и сословием законодателей, призванным быть опорой монархии и на поле брани, и в законодательном органе.

Конкретные требования, касающиеся дворянского сословия, будут подробно рассмотрены в гл. IV. Здесь же мы ограничимся общим анализом того, как отразилась в них система дворянских ценностей. Традиционное значение древности рода прослеживается в требованиях создать геральдический трибунал, предотвращать случаи самовольного присвоения дворянского титула, сохранить всенный ордонанс 1781 г., затруднявший аноблированным и их потомкам доступ к офицерским должностям. Эти требования продолжали традиции «дворянского расизма».

Представление о дворянстве как о сословии воинов нашло отражение в требовании исключительного права дворян на офицерские должности. Кроме того, многие авторы выдвигали в качестве неперемennого условия аноблирования военные доблести. В 18 наказах говорилось о том, что званием дворянина надо награждать за отличия на военной службе⁶³, 3 наказа требовали аноблировать за «мужество» («courage»)⁶⁴, 19 — за «доблесть» («vertu»)⁶⁵.

Претензии дворянского сословия на прерогативы политической власти выразились в требованиях сохранить сословные привилегии, имевшие непосредственное отношение к рычагам политической власти: привилегию занимать административные и судебные должности и привилегию образовывать в Генеральных штабах особую палату, обладающую одним голосом из трех.

При сохранении влияния дворянских идеологических традиций и традиционной дворянской системы ценностей изменения в объективном положении этого сословия привели к сдвигам в его ценностных ориентациях. Далеко зашедшее персональное обновление сословия обусловило то, что, хотя по-прежнему социальный престиж происхождения и древности рода был исключительно высок и дух «дворянского расизма» в XVIII в. сохранялся, отношение к аноблированным все же менялось. Их стали воспринимать уже не как выскочек-буржуа, а как дворян. Показательно различие между текстами изданий «Всеобщего словаря» Фюретьера, относящихся к XVII и XVIII вв. Статьи «Дворянин» в различных изданиях текстуально почти совпадают, но есть одно небольшое и красноречивое расхождение. В издании 1690 г. говорится: «Истинные Дворяне — это Дворяне расы, Дворяне по крови, по происхождению»⁶⁶. Определение понятия «дворянин» в издании 1727 г. отличается меньшей жесткостью: «Дворянам расы, Дворянам по крови, по происхождению отдается предпочтение перед прочими»⁶⁷. Знаменателен тот факт, что на выборах 1789 г. впервые в собраниях дворянского сословия получили право принимать участие все дворяне, проживавшие в балляже, независимо от древности рода⁶⁸. На предыдущих выборах 1614 г. аноблированные включались в списки избирателей третьего сословия. Характерно не только само это новшество, но и то, как оно было принято. Если прочие отступления от формы выборов 1614 г. порождали острые дискуссии — вспомним споры о числе депутатов от каждого сословия, о процедуре голосования, — то это изменение прошло незамеченным, как бы само собой разумеющимся.

Преодоление антагонизма «дворянства шпаги» и «дворянства мантии», выдвигание чиновного дворянства на почетное место в рядах своего сословия вели к постепенному усвоению всем дворянством «парламентской культуры», к тому, что наряду с сохранением значимости военных ценностей в глазах дворянства, рос престиж гражданской службы и связанной с ней образованности, учености. В XVII в. единственным истинным дворянским занятием почиталась служба в армии. Гражданская служба не считалась соответствующей достоинству дворянина. Должности, в том числе и самые высшие, в государственном аппарате, финансовом ведомстве, университете, дипломатическая, судебная, карьера были уделом аноблированных. Бедный отпрыск знатного рода готов был стать пажом сеньера или простым солдатом, но не секретарем посольства. Пока дворянство оставалось сословием военных, образованность была для него делом второстепенным. Ценились не ученость, а мужество и доблесть. Молодым дворянам, получавшим образование, преподавали верховую езду, фехтование и танцы⁶⁹. В XVIII в. многие гражданские должности — административные, судебные, муниципальные — занимали родовитые дворяне. Существенным образом изменился

характер образования дворянской молодежи. Прежние дисциплины сохранились, но их значительно потеснили занятия интеллектуального характера. Большое внимание уделялось освоению классической культуры: изучению латинского и греческого языков, риторике, античной истории. После изгнания из Франции в 1762 г. иезуитов в коллежах усилилась ориентация на изучение живых языков, французской истории, географии, естественной истории, математики⁷⁰. Шатобриан, короткого отца готовил к карьере морского офицера, обучался в коллежах в Доле, а затем в Ренне и прошел курс математики, рисунка, владения оружием и английского языка, а также тайком, под влиянием матери, желавшей видеть его священником, изучил латынь и греческий⁷¹. Граф Монлозье, тоже выросший в провинции и получивший, по его собственному утверждению, обычное для своего времени образование, изучал химию, анатомию, право и теологию⁷². Молодые парижские аристократы из семей военной, чиновной знати и финансистов вместе учились в привилегированных коллежах Жюйи, Луи-ле-Гран, д'Аркур, а затем многие из них — в Королевских военных академиях, например в Эколь де Марс. Общий тип образования объединял дворян разного происхождения. Изменившаяся система образования расширила круг интересов и профессиональных ориентаций дворянского сословия. Она способствовала еще большему сближению «дворянства шпаги» и «дворянства мантии». У дворян воспитывалась привычка к интеллектуальным занятиям. Новые веяния хорошо видны на примере созданной при Ришелье, в 1634 г., Французской академии. Первоначально в ней состояли лишь люди низкого происхождения. Характерно, что сам Ришелье членом академии не был. А в XVIII в. дворяне уже считали высокой честью для себя попасть туда⁷³. Они теперь получали исходный идейно-культурный багаж, необходимый для овладения достижениями научной и общественной мысли XVIII в. Изучение права и истории стимулировало интерес к политике и общественной жизни.

Но при определенной общности культуры «дворянства шпаги» и «дворянства мантии» между ними существовали различия в этой области. Французский историк Ф. Блюш, изучив состав частных библиотек парижских магистратов, пришел к выводу, что культура «дворянства мантии», в отличие от культуры военной аристократии и финансистов, была более специализированной и серьезной. В библиотеках магистратов большее место занимали научные труды по истории и юриспруденции⁷⁴. Различия в культуре и образе жизни двух групп аристократии отражены в романе Шодерло де Лакло «Опасные связи», где с легкомысленным и развращенным гедонистом виконтом де Вальмоном, принадлежащим к «дворянству шпаги», сталкивается добродетельная, глубокая натура — президентша (жена председателя парламента) де Турвель.

Часть парижской придворной аристократии, как мы уже видели, рассматривала магистратов в качестве дворян второго

сорта. В особенности это относилось к провинциальной магистратуре. Последняя остро и болезненно ощущала пренебрежение со стороны тех, кто служил для нее авторитетом и образцом для подражания. Любопытные рассуждения о присущих провинциальной знати комплексах находим мы у министра Людовика XVI Мальзерб. В одном из писем он заводит речь о Ш.-Л. Монтескье, принадлежавшем, как известно, к одной из знатных семей провинциального «дворянства мантии»: «Президент Монтескье был человеком знатного происхождения, известным в качестве такового в своей провинции, но очень мало при Дворе и в Париже, где должность председателя парламента неблагоприятным образом свидетельствует о происхождении... Поскольку президент Монтескье был преисполнен этим чувством, он не упускал случая защищать дело дворянства в качестве заинтересованного человека: это было не столь грубо, чтоб быть замеченным непосвященными, но если читать его книги с этим ключом, то обо всем легко догадаться»⁷⁵.

Характеризуя дворянское сословие с социально-классовой точки зрения, мы отмечали его частичное обуржуазивание. Кроме того, дворяне постоянно вступали в контакты с людьми из третьего сословия как в процессе своей хозяйственной деятельности, так и в общественной и культурной жизни, формы которой в XVIII в. способствовали межсословному общению, например в рамках провинциальных академий*. Заключались межсословные браки. С этой точки зрения существенно различалась повседневная жизнь городского и сельского дворянства. Условия существования сельского дворянства культивировали в его среде сознание дворянской исключительности, так как в большинстве случаев оно вступало с третьим сословием в отношения господства и подчинения. Человеком непривилегированного сословия, с которым обычно общался сельский дворянин, был зависимый от сеньера крестьянин. Дворяне, жившие в городах, оказывались в самых разнообразных социальных отношениях с буржуа. Для дворянина-горожанина человеком третьего сословия, с которым он вступал в личный контакт, был образованный и богатый домовладелец, живущий на соседней улице. Их могли объединять исполнение судебных и муниципальных должностей, экономические связи, круг общения, духовные интересы⁷⁶. Это были отношения равноправного партнерства, которые влекли за собой постепенное преодоление у части дворянства духа сословной исключительности.

Наметился сдвиг в системе дворянских ценностей. Наряду с традиционной воинской честью в среде дворянства рос престиж буржуазных ценностей: богатства, преуспевания. Он повышался

* Провинциальные академии представляли собой научно-литературные общества, предназначенные направлять и поощрять развитие науки и искусства, распространение новой техники и агрономических знаний. Первая провинциальная академия была учреждена в 1674 г. в Суассоне. В конце XVIII в. их было примерно полтора десятка в различных провинциальных городах Франции.

благодаря участию дворян в хозяйственной деятельности и в свою очередь подогрел их интерес к сельскому хозяйству, торговле, финансам, мореплаванию, промышленности. В 1756 г. появился вызвавший бурные споры трактат аббата Куайе «Торгующее дворянство». Он был написан по заказу правительства с целью привлечь дворян к службе в торговом флоте. Аббат Куайе обличал как предрассудок самоустранение большинства дворян от торговли и промышленности и доказывал, что приносить доход себе и отечеству — не менее почетное дело, чем военная служба. Правда, благожелательной реакции общественного мнения, на которую рассчитывало правительство, трактат сразу не вызвал. Не последнюю роль здесь сыграло безжалостное остроумие Вольтера, который представил идеи Куайе в нелепом и смешном виде, сбывив, что тот хочет поставить за прилавок герцогов Монморанси. Но среди части дворян сочинение Куайе встретило одобрение. Маркиз д'Аржансон писал, что «очарован» этим трактатом. Некоторые дворяне являли собой живое воплощение того, к чему призывал Куайе. Известностью среди современников пользовался маркиз де Тюрбийи, занимавшийся внедрением новых методов ведения сельского хозяйства в провинции Анжу и добившийся значительного повышения урожаев. Опубликованный им в 1760 г. «Мемуар о расчистках» был переведен на несколько языков⁷⁷.

Отмеченные выше тенденции обыденного сознания подготавливали дворянство к восприятию новых принципов научной и общественной мысли XVIII в.

* * *

Для идейно-культурной среды Франции второй половины XVIII в. была характерна гегемония просветительского рационализма. Как этап развития европейской культуры и идеологии Просвещение в конечном счете было связано с подъемом буржуазии. Основополагающие для просветительского мышления понятия единой и неизменной природы человека, естественного права служили исходными посылками для выводов о гражданском равенстве, о несправедливости сословной иерархии с точки зрения естественных законов. С осуждением социального устройства, основанного на наследственных формальных привилегиях, выступали виднейшие представители самых разных течений просветительской общественной мысли: Вольтер, физиократы, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Руссо⁷⁸. Руссо называл наследственную аристократию «худшим из всех правлений»⁷⁹. Издеваясь над традиционными дворянскими представлениями о предназначении дворянского сословия служить королю, он писал: «...но что представляет собой дворянство как сословие, как не собрание лакеев. Дворянство создано в основном для того, чтобы служить, оно существует только этим и только для этого. Услужение всегда одинаково, различен только господин»⁸⁰. Ожесточенным нападкам

были подвергнуты сословные привилегии в многочисленных памфлетах периода предреволюционного кризиса⁸¹. Автор самого знаменитого из них, аббат Сийес, иронизируя над «дворянским расизмом» и «теорией завоевания», восклицал: «Почему бы, в самом деле, не препроводить обратно во Франконские леса все те семьи, которые сохраняют безумные притязания на права первоначальных завоевателей Франции?»⁸² Ему вторил другой памфлетист, Бергасс: «Мы, между прочим, живем в слишком просвещенный век, и дворянству нелегко убедить нас в том, что его якобы от рождения унаследованное право занимать всегда первые места предполагает также обладание доблестями, знаниями, талантами, которых эти места требуют»⁸³.

Просвещение отражало уровень знаний и представлений об обществе, достигнутый научной мыслью своего времени. Обосновывать сословную иерархию и сословные привилегии ссылаясь на традиции, заслуги предков, врожденное благородство и чувство чести было недостаточно в век господства рационалистического метода мышления, когда «мыслящий» рассудок стал единственным мерилем всего существующего⁸⁴. В условиях гегемонии просветительского рационализма дворянская идеология должна была защищать интересы своего сословия, доказывать их разумность, целесообразность и соответствие общему благу.

Наибольшей популярностью у дворян пользовались произведения Ш.-Л. Монтескье, который в русле Просвещения продолжал линию парламентских идеологов прошлого. Он обосновывал существование наследственной аристократии с помощью просветительских политико-юридических категорий. Принимая идею природного равенства людей, Монтескье доказывал целесообразность с точки зрения общего блага существования во Франции привилегированной категории граждан внутри нации. Наследственной знати, по его мысли, должна была принадлежать «промежуточная власть» (*pouvoir intermédiaire*), социальная функция которой — создавать и удерживать равновесие между монархом и народом. Дворяне, от рождения обладающие привилегированным статусом, считал он, являются естественными поборниками свободы и врагами деспотизма, который посягает на их привилегии. Наследственная знать с помощью своего политического органа, парламентов, защищает народ от произвола королевской власти и предохраняет монархию от возможного вырождения в деспотию. В главе «О законах в их отношении к природе монархического правления» трактата «О духе законов» Монтескье писал: «Промежуточные власти, подчиненные (и зависимые), составляют природу монархического правления, то есть такого, где одно лицо правит посредством основополагающих законов. ...Эти основополагающие законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть: ибо, если в Государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно, и никакого основополагающего закона.

Самая естественная промежуточная (подчиненная) власть есть власть дворянства. Она некоторым образом содержится в сущности монархии, основополагающее правило которой таково: нет монарха — нет и дворянства, нет дворянства — нет и монарха. Но есть деспот.

...Уничтожьте в монархии прерогативы сеньеров, духовенства, дворянства и городов — вы скоро получите Государство либо народное, либо деспотическое»⁸⁵.

Идеи Монтескье нашли горячий отклик у части французского дворянства, охотно принявшей на свой счет концепцию «промежуточных властей» Монтескье оказал большое влияние на взгляды одного из авторов и руководителей «Энциклопедии» Дидро шевалье де Жокура. Де Жокур осуществлял общее руководство изданием ряда томов «Энциклопедии» и написал для нее большое число статей по разным отраслям знаний: политике, праву, медицине, физике, математике и т. д.⁸⁶ Ему принадлежала статья «Дворянство». Де Жокур критиковал в ней «теорию завоевания» Буленвилье и писал, что французская нация произошла из смешения галлов, римлян и франков и дворянское сословие выдвинулось вне зависимости от национального происхождения, так что претензии «дворянских расистов» на принадлежность дворянства к высшей расе беспочвенны. «Природа создала всех людей равными, она не установила между ними никакого различия, кроме прирастающего из кровных уз, кроме власти отцов и матерей над своими детьми»⁸⁷. Но существование дворянского сословия как общественного института, считал де Жокур, тем не менее необходимо, так как без него монархия выродилась бы в тиранию «Таким образом, нужно, чтобы в монархии законы способствовали поддержанию наследственного дворянства, которое призвано служить не барьером, а связующим звеном между силой государя и слабостью народа. Прерогативы дворянства в монархии принадлежат только ему и ни в коей мере не переходят к народу, в противном случае будет задет сам принцип монархического правления, будет принижено как дворянство, так и народ»⁸⁸.

Аналогичные рассуждения находим мы в записках другого «просвещенного» дворянина, видного сановника Сенака де Мельяна: «Направляемый светочем философии и свободный от всех предрассудков, я не скажу, что существование в стране дворянства и его отличий справедливо; но человеческой природе свойственно создавать дворян и отличать их»⁸⁹. Далее следует навеянное Монтескье рассуждение о том, что существование наследственной знати необходимо для больших государств. Так есть и было во всех монархиях и даже в греческих демократиях.

В предреволюционной памфлетной литературе авторы, выступавшие в защиту привилегий дворянства, чаще всего заимствовали аргументы у Монтескье. Памфлетисты сравнительно редко просто защищали привилегии как неотъемлемый и освященный традицией признак особого статуса. Для обоснования особого положения дворянства внутри нации они использовали теорию

«промежуточных властей». Упоминалась и военная роль дворянства как категории граждан, призванной оберегать родину от внешней угрозы⁹⁰.

Таким образом, в том течении дворянской идеологии, которое развивалось в русле Просвещения, идея естественного равенства всех людей сочеталась с идеей необходимости сословной иерархии. Теоретическим основанием такого механического сочетания служило присущее просветительской мысли разграничение понятий «естественное право» и «позитивное право»: естественное право вытекает непосредственно из абстрактной природы человека; позитивное право возникает в человеческом обществе, создается самими людьми для защиты своих интересов. Разные течения просветительской мысли расходились в отношении к позитивному праву. В серии статей под общим заголовком «Право», написанных Дидро для своей «Энциклопедии», позитивное право противопоставлено естественному, подчеркнуты его произвольность и несоответствие человеческой природе⁹¹. Дворянское течение в Просвещении подходило к позитивному праву по-иному, делая акцент на его целесообразности, способности разумно регулировать сложные взаимоотношения между различными силами внутри человеческого общества.

Идеи и сам образ мышления французских просветителей распространились и нашли своеобразное преломление в дворянской среде в целом ряде европейских стран⁹². Во Франции произведения просветителей разных течений находили отклик и в среде столичной придворной аристократии, и в кругах оппозиционно настроенного «дворянства мантии», и у дворянства провинциальных городов, и, в меньшей степени, в сельских усадьбах⁹³. Просветительская манера мышления определяла интеллектуальную атмосферу Франции второй половины XVIII в. Граф Луи-Филипп де Сегюр вспоминал об этом времени: «Что касается до нас, до молодых представителей французского дворянства, то мы не сожалели о прошедшем, не беспокоились за будущее и весело шли вперед по ковру из цветов, скрывавшему от наших взоров находившуюся перед нами бездну... Свобода, каков бы ни был ее язык, нравилась нам своим мужеством, равенство — своим удобством. Человек любит снисходительно спускаться до ниже его стоящих, пока он уверен, что он может снова подняться на свое место, как только захочет; поэтому и мы, не предвидя ничего дурного, старались пользоваться и выгодами патрициата и прелестями плебейской философии. ...Мы совсем не предвидели грядущих несчастий, увлечений, крайностей, преступлений, ниспровержения тронов и принципов; напротив того, мы видели в будущем лишь все те блага, которые могут быть обеспечены человечеству царством разума»⁹⁴. Магистраты Парижского парламента подчас пополняли свои частные библиотеки запрещенными просветительскими книгами, которые ими же самими были приговорены к сожжению⁹⁵.

Граф Монлозье, ставший впоследствии единственным последо-

ательные продолжателем традиции «дворянского расизма» в общественной мысли периода Реставрации⁹⁶, в молодости увлеклся произведениями Вольтера, Руссо, Дидро. Он писал о своих взглядах того времени: «Я рассматривал независимость как первое право природы, равенство как естественное право общества. Всякое подчинение казалось мне рабством, всякое действие, направленное против свободы,— тиранией. Феодализм был для меня разбоем, рыцарство — нелепостью, наследственные привилегии — предрассудком. Я кончил тем, что полностью отверг религию и доказательства бытия Бога»⁹⁷. Монлозье вырос в Оверни. Несколько раз ненадолго ездил в Париж. Там он ходил встречать вернувшегося во Францию Вольтера, наносил визиты д'Аламберу и Франклину. Одно время собирался уехать воевать за независимость Америки. Удержала его, по собственным его словам, лишь стесненность в средствах, потому что, будучи младшим сыном, он не мог свободно распорядиться своей долей наследства⁹⁸. Потом Монлозье женился, занялся хозяйством и стал жить в деревне. Он был депутатом Генеральных штатов и Учредительного собрания, где защищал привилегии дворянства, и, наконец, одним из первых эмигрантов.

Жозеф де Местр, знаменитый идеолог ультрароялистов в годы Реставрации, в молодости критиковал старый порядок с умеренно-просветительских позиций, поначалу приветствовал революцию, клятву в зале для игры в мяч 20 июня, отмену феодального порядка в ночь на 4 августа. Его поворот к контрреволюции совершился после принятия «Декларации прав человека и гражданина»⁹⁹.

Общий тип и уровень образования, принадлежность к изысканной культуре XVIII в. характеризовали блестящее великосветское общество Парижа. Его салоны и масонские ложи стали очагами распространения всевропейской моды на французское Просвещение. Моды и вкусы парижской аристократии служили образцом для дворянства провинциальных городов. По образованию провинциальная знать не отличалась от придворной аристократии. Некоторые дворяне из провинции отдавали детей в парижские коллежи и военные школы, но и в ряде провинциальных коллежей дети дворян получали такое образование, которому могли позавидовать парижане. Очагами распространения культуры Просвещения в провинции служили масонские ложи и провинциальные академии. Дворянская культура и образ жизни в провинциальном городе формировались под определяющим влиянием парламентского дворянства. Помимо новейшей просветительской культуры в провинции по-прежнему сильно было влияние классической культуры XVII в. В библиотеках провинциальных магистратов большое место занимали произведения античной литературы, французских классиков XVII в., теологические сочинения¹⁰⁰.

Что же касается сельского дворянства, то его культура и нравы в общих чертах оставались архаичными. Проникновение

Просвещения в эту среду было поверхностным и эпизодическим. Круг интересов сельского дворянина ограничивался повседневными хозяйственными заботами и отношениями с крестьянской общиной. Сохранялся духовный авторитет католицизма. Разумеется, были и деревенские сеньеры, разделявшие духовные искания своего времени, выписывавшие в свои библиотеки новинки философской, политической и художественной литературы. Примером может служить уже упоминавшийся граф Монлозье, сельский дворянин из глухой Оверни. Но это являлось скорее исключением. В целом же сельское дворянство духовно было ближе к поколению своих отцов, чем к современному ему городскому дворянству¹⁰¹.

Категории, свойственные просветительскому политическому мышлению, просветительская терминология широко использовались в официальных документах того времени. Во время предреволюционного политического кризиса представители враждебных лагерей, отстаивая свои позиции, апеллировали к одним и тем же принципам. Так, на первом заседании нотаблей в феврале 1787 г. Калонн обратился к собравшимся со следующими словами: «Пусть другие вспомнят правило нашей монархии: «Как хочет король, так хочет закон», но правило Его Величества гласит: «Что нужно для счастья народа, того хочет король»¹⁰². Свой план реформ генеральный контролер аргументировал, ссылаясь на «общее благо нации». Преемник Калонна Ломенн де Бриенн в своем выступлении на церемонии закрытия собрания нотаблей, говоря о необходимости налоговой реформы, взывал к идее «гражданской свободы»¹⁰³. В эдикте о даровании некоторых гражданских прав протестантам указывалось, что все перечисленные в нем меры вытекают из «естественного права»¹⁰⁴. «Ордонанс об отправлении правосудия» 8 мая 1788 г., ограничивший судебные права парламентов и компетенцию сеньериальных судов, делал оговорку, что сеньериальную юстицию необходимо сохранить, и мотивировал это ссылкой на право собственности¹⁰⁵. В обнародованном 5 июля 1788 г. «Решении совета относительно созыва Генеральных штатов королевства» Генеральные штаты были названы «национальным собранием»¹⁰⁶. Для исходивших от правительства документов того времени было характерно употребление термина «граждане» как синонима термина «подданные». С другой стороны, постановления оппозиционного Парижского парламента осени 1788 г. содержали требования гарантировать «личную свободу граждан» и «законную свободу печати», «обеспечить нации счастье, которого она достойна, посредством безграничной свободы»¹⁰⁷.

Просветительская фразеология и представления, присущие социально-политическому мышлению Просвещения, проникли в сознание дворянства. Это проникновение отчетливо демонстрируют тексты дворянских наказов 1789 г., в частности, особенности их структуры и фразеологии. В наказах воплотился рационалистский образ мышления, появилось понятие принципов разумного обще-

• ственного и государственного устройства. С изложения конституционных принципов начиналось большинство наказов. Последующие разделы содержали проекты реформ государственного управления и различных сфер общественной жизни в соответствии с провозглашенными общими идеями.

Просветительно-рационалистское мышление отразилось в наказах в неравной мере. Выше уже шла речь о текстах, структура которых была максимально приближена к традиционной. Кроме того, характерные черты традиционного построения сохранялись еще в 31 наказе, хотя изложение требований начато в них с общих, принципиальных вопросов государственного и общественного устройства. В наказе Беарна на первом месте стоял раздел о финансах, на втором — раздел о законодательстве, т. е. наказ открывали вопросы, представлявшие общегосударственный и общенациональный интерес, но следом за ними, третьим, шел раздел о сословии духовенства¹⁰⁸. Разделы наказа бальяжа Труа расположены так: «Конституция», «Генеральные штаты», «Провинциальные штаты», «Духовенство», «Дворянство», «Правосудие и полиция», «Финансы», «Торговля», «Сельское хозяйство и общее благо», «Местные требования». В этом наказе также соединились традиционные и просветительно-рационалистские принципы построения. Его открывали разделы о конституции и органах государственной власти. Но сразу следом за ними шли разделы, посвященные двум привилегированным сословиям. Они предшествовали разделам о правосудии, финансах, торговле и сельском хозяйстве, которые по традиции ассоциировались с третьим сословием и потому были помещены в конце наказа¹⁰⁹. Ряд наказов построен аналогично наказу Немура, который содержал следующие разделы: «Конституция», «Провинция», «Местные требования», «Дворянство», «Духовенство»¹¹⁰. Многие указы начинались статьями об устройстве органов власти, а дальше следовал бессистемный перечень требований. Традиционное оформление текста, видимо, не удовлетворяло авторов, а выработать иные принципы построения они не сумели. Характерные примеры — указы бальяжей Бар-сюр-Сен и Брие¹¹¹.

Большинство наказов 1789 г. построено в соответствии с просветительно-рационалистскими принципами. Вот два образца их структуры. Наказ Манта: «Собрание», «Декларация прав», «Конституция», «Законодательство», «Финансы», «Полномочия», «Дворянство»¹¹². Наказ Парижа: «Конституция», «Налоги», «Администрация», «Правосудие», «Сельское хозяйство и торговля», «Армия», «Местные требования»¹¹³. В таких наказах статьи, посвященные сословиям, или стояли после разделов о реформах, представлявших общенациональный интерес, или вообще не стояли особняком, а входили в состав одного из более общих разделов, например «Законодательство» или «Администрация». К данной группе относилось 114 наказов.

В наказах 1789 г. изменилась сравнительно с наказами XVII в. не только структура, но и характер изложения требований. В них

речь шла не столько об отдельных группах людей, их интересах и действиях, сколько об общественно-политических принципах. Авторам наказов 1789 г. было присуще осознание политики особой сферой человеческой деятельности, что нашло выражение в усложнившемся по сравнению с наказами XVII в. представлении о строении и функционировании государства и общества. Авторы рассуждали о законодательной, исполнительной и судебной властях, о правах, свободах и обязанностях граждан. Такой образ мыслей сформировался у французского дворянства в значительной мере под воздействием просветительской литературы. Она повлияла также на фразеологию наказов и способы аргументации требований. Авторы постоянно использовали такие понятия просветительно-рационалистского лексикона, как «нация», «гражданин», «равенство», «свобода», «конституция», «естественное право», «общее благо». Наряду с привычным «Генеральные штаты» употреблялся синоним, который всего через несколько недель зазвучал совсем по-революционному: «Национальное собрание». Термин «Национальное собрание» встречается в 69 наказах.

Для обоснования требований использовалась просветительская аргументация. Составители 37 наказов связывали предлагаемые ими меры с потребностями общего блага, которое должно быть выше частных интересов: «Пусть в этом собрании он (депутат.— Л. П.) считает себя не дворянином, а французом, не особым нашим представителем, а представителем нации, и пусть для него все частные интересы исчезнут перед интересом общим» (Провен)¹¹⁴; «Всякое право собственности неприкосновенно, и личность может быть лишена ее только лишь из соображений общего блага...» (Немур)¹¹⁵; «Дворянское сословие бальяжа Шартр, одержимое желанием содействовать единству, которое одно способно привести к общему благу королевства, постановило принести нации торжественную клятву в своем патриотизме, единодушно проголосовав за замену налоговых различий между сословиями общими субсидиями...»¹¹⁶; «...мы видим, как три сословия объединяются разумом и чувствами и... эта возбужденная нация превращается в общество нежных братьев, увлекаемых одними принципами, объединенных под охраняющей свободой властью нравов и законов, жертвующих с равным великодушием всем ради общего счастья...» (Кан)¹¹⁷ и т. д.

59 наказов целью своих устремлений называли всеобщее счастье: «Цель любого общества состоит в том, чтобы сделать как можно более счастливыми тех, кто живет под его законами. Счастье не должно принадлежать меньшинству людей; оно принадлежит всем. Это не исключительная привилегия, которую стоит оспаривать; это общее правило, которое стоит сохранять, разделять; и общее процветание есть источник, из которого каждый имеет право черпать» (Блуа)¹¹⁸; «всеобщее счастье живо интересуется дворянство» (Дижон)¹¹⁹; цель дворянства — «достоинство человека, величие Короля и счастье француз» (Макон)¹²⁰; отправление культа поддерживает «религиозные идеи,

столь необходимые для спокойствия и счастья людей, объединенных в общество» (Вильнев-де-Берг)¹²¹ и т. д.

В разделах о правах и свободах граждан авторы 31 наказа опирались на доктрину естественного права: Генеральные штаты, собравшись, в первую очередь должны провозгласить права, «которые принадлежат всем людям как существам чувствующим, разумным и способным к моральным идеям; права, которые принадлежат всякому обществу; ...все люди, подчиненные французским законам, должны пользоваться этими правами и никакая власть законным путем не может их нарушить» (Мант)¹²²; «...неотъемлемые права свободы и собственности... принадлежат человеку по естественному закону и могут быть стеснены или ограничены только законом, принятым этим человеком.» (Мелен)¹²³; «В соответствии с естественным правом и правом любого общества французы свободны и могут жить, уходить, приходить и оставаться, где пожелают» (Монфор-л'Амори)¹²⁴; «Личная свобода есть прерогатива, которую человек получает от рождения, она ему присуща, за исключением той части, которой он по закону пожертвовал ради безопасности общества» (Крепи)¹²⁵ и т. д.

В поисках общественного идеала дворяне, воспитанные веком Просвещения, чаще обращались не к прошлому, а к разуму и естественному праву и предлагали создать разумную политическую систему, привести общественный строй в соответствие с естественным правом, что должно было, по их мнению, явиться залогом прогресса. Авторы 25 наказов призывали не оглядываться на прошлое. Прошлое для них — пора невежества.

Дворяне Провена писали в преамбуле своего наказа, что депутат «не отыщет ни в истории Франции, ни в опыте прежних Генеральных штатов принципов поведения, которым он должен следовать; в истории он бы обнаружил только полное невежество и забвение прав нации. ...Он почувствует силу и достоинство собрания великой нации, способной извлечь пользу из двенадцати веков ошибок и ста лет просвещения»¹²⁶. Дворяне Парижа «за стенами» требовали от Генеральных штатов первым делом утвердить конституцию, которая гарантировала бы «основные права любой свободной нации»¹²⁷. Авторы наказа Мо предлагали определить на будущее порядок выборов и работы Генеральных штатов, «принимая во внимание не то, что существовало до сих пор, а лишь наибольшее благо Государства»¹²⁸. В наказе Сента с осуждением говорилось о «рутинности прошедших веков» и с восторгом — о XVIII веке, когда «просвещение стало влиять на нравы граждан и на общее счастье»¹²⁹. Даже авторы наказа Алансона, в целом одного из наиболее проникнутых традиционалистским духом, пытались примирить «священные традиции» с естественным правом и предлагали «считать конституционным все то, что, не противореча неотъемлемым правам человека и принципам, присущим любому общественному договору, освящено в то же время многочисленными образцами, долгой традицией, событиями и собственностью»¹³⁰.

Интересно, что в некоторых наказах встречается термин «révolution». Правда, в XVIII в. в него вкладывался смысл, отличный от современного. Под ним понимали значительное изменение, переворот (последнее значение особенно близко к современному)¹³¹. К тому, как употреблялось это слово, стоит приглядеться повнимательнее, и не только потому, что вскоре им назовут великие события, разгоревшиеся в 1789 г. Контекст, в котором употреблялся термин, означающий глубокие и радикальные перемены, его эмоциональная окраска дают возможность выявить отношение составителей данного наказа к самим радикальным переменам как таковым, их приверженность старому, традиционному, или, наоборот, стремление к новому. Дворянские идеологи традиционалистского направления Буленвилье и д'Арк вкладывали в термин «révolution» отрицательный смысл. По мысли Буленвилье, «дворянство» и «révolution» — понятия-антиподы. Социальная миссия дворянства — предохранять от «révolutions» страну и народ. «...Те народы, у которых честолюбия отдельных лиц не подчинялись высшему сословию, были подвержены постоянным переворотам (révolutions)»¹³². «Перевороты (révolutions) для Государства, — писал д'Арк, — то же, что для большого обморока: он поддерживает их несколько, но в конце концов умирает»¹³³.

Ниже приводятся все 11 случаев употребления термина «révolution» в дворянских наказах 1789 г. в положительном, нейтральном и отрицательном контексте. Курсивом выделены слова, характеризующие отношение авторов к этому понятию.

Смысл отрицательный (4 наказа): право нации утверждать «алюги «навсегда защитит нацию и магистратуру от принудительных регистраций и от ужасных переворотов, следовавших за отказом в регистрации» (Этен); «Внезапный и вынужденный переворот в цене на древесину... создает для королевства угрозу быстрого исчезновения этого сырья первой необходимости» (Вильела-Монтань); «Падение нравов и разложение магистратуры после переворота 1771 года...» (Бюже и Вальроме); «Поверим в хваленую просвещенность министра, который затевает этот грандиозный переворот...»^{*} (Тартас).

Смысл нейтральный (1 наказ): «Перевороты, испытанные собственностью во Франции.. являются одним из наиболее интересных предметов философской и политической истории народов»^{**} (Байонна).

Смысл положительный (6 наказов): «Переворот, подготовленный глубокими и еще не ясными причинами, вернул нам эти конституционные ассамблеи...» (Руан); «Назревает счастливый переворот, которым мы обязаны плодотворному принципу блага» (Перонн); «Правительство должно заняться... возрождением нравов... достигнуть счастливого переворота, столь необходимого для процветания Государства» (Шалон-сюр-Сон); «Только офицеры

* Речь идет об установлении равенства в налогообложении.

** Речь идет об образовании феодальной собственности.

различных званий и родов войск, соединяющие отличное знание дела с преданностью родине, могут совершить счастливый переворот в организации и настроениях нашей армии» (Ла Рошель); «Все возвещает Вам, Ваше Величество, счастливый переворот: будут заложены прочные основы всеобщего процветания, богатые возможности Франции получат развитие и станут умело использоваться (Монпелье); «Счастливые перевороты, внезапно разыгравшиеся на Корсике, вывели ее из летаргии, в которой она прозябала, и подготовили ее будущее процветание» (Корсика).

В четырех наказах термин «révolution» имел негативную окраску. Ему сопутствовали эпитеты «внезапный», «вынужденный», «ужасный», понятия «угроза королевству», «падение нравов» и «разложение магистратуры». Министр, затеяв переворот в налогообложении, заставил тем самым дворян сомневаться в своей «просвещенности» и говорить о ней с иронией. Из этих четырех документов наказ Бюже и Вальроме выше отнесен нами к категории наказов, авторы которых в поисках общественного идеала обращались к прошлому и традициям. Ни в одном наказе из тех, что в поисках идеала апеллировали к разуму и естественному праву, термин «révolution» не был употреблен в негативном смысле.

В положительном контексте этот термин употреблен в шести наказах. Он постоянно сопровождался эпитетом «счастливый». Предпосылки переворота: «плодотворный принцип блага», «отличное знание дела», «преданность родине». Его последствия: «возвращение конституционных ассамблей», «возрождение нравов», «процветание Государства», «прочные основы всеобщего процветания», «конец летаргии», подготовленность к «будущему процветанию». В трех из шести таких документов — наказах Перона, Ла Рошели и Корсики — авторы искали свой идеал в естественных законах и ни в одном не обращались с этой целью к традиции.

Можно предположить, что традиционалистские теоретические рассуждения и традиционалистская аргументация требований были связаны с негативным восприятием термина «révolution». Авторы наказов, обращавшиеся в поисках общественного идеала к прошлому и традициям Франции и с недоверием относившиеся к новому, употребляли термин «révolution» в негативном смысле. Напротив, у дворян, критиковавших прошлое с просветительно-рационалистских позиций и искавших общественный идеал в будущем воплощении разумных, естественных законов, термин «révolution» имел положительную окраску. Очевидно, просветительно-рационалистские рассуждения о реформах и соответствовавшая им аргументация требований были связаны с положительным восприятием термина «révolution» авторами наказов.

Важными характерными чертами того или иного типа политической культуры являются представления о власти, восприятие носителя власти, представление о взаимоотношениях государственной власти и общества. В рассуждениях о взаимоотношениях короля и подданных, содержащиеся в дворянских наказах

1789 г., вторгались представления о власти, свойственные политико-юридическому мировоззрению нового времени. Во многих наказах, в том числе и в наиболее традиционалистских, король фигурировал не только как суверен, но и как носитель исполнительной власти с определенным кругом полномочий.

Дворяне во всех наказах, за исключением 15, излагали требования в форме не просьб королю, а инструкций, определявших действия депутатов в Генеральных штатах. Иногда они адресовали свои просьбы «нации», имея в виду Генеральные штаты. В 17 наказах была отчетливо сформулирована свойственная передовой общественной мысли XVIII в. точка зрения на взаимоотношения общества и власти, согласно которой власть происходит из общественного договора и потому ответственна перед нацией: нация является сувереном, а король как носитель исполнительной власти — ее доверенным лицом. Например, дворяне Ла Рошели заявили, что принятие законов и налогов совместно нацией и королем — «истины, записанные в нашем общественном договоре», и продолжали: «... мы верили исполнительную власть в руки монарха»¹³⁴.

Внутри одного и того же наказа могли соседствовать рассуждения и обороты речи, свойственные традиционалистской и просветительно-рационалистской концепциям власти. Например, дворяне Доля начали с провозглашения верности «священной особе Его Величества», предложив депутату «принести ему свои заверения в преданности и в признательности за благодеяние, которое он оказал нации, созвав Генеральные штаты». А ниже депутату вменялось в обязанность потребовать от верховной власти «безоговорочно признать и заявить, что Франция есть свободная нация, управляемая Королем в соответствии с законами, что ни один из законов не может быть установлен, изменен или отменен без согласия нации, свободно собранной на Генеральные штаты, и без санкции государя, которому нация вручила исполнительную власть во всей ее полноте»¹³⁵.

Аналогичный пример смешения разных концепций власти — наказ Этена. Его первые статьи звучат так: «Франция должна быть монархией, в которой Король есть вождь нации и верховная власть принадлежит его особе безраздельно, но эта власть всегда подчинена основополагающим и конституционным законам монархии, которые должны ее направлять... Законодательная власть должна принадлежать нации, ордонансы и постановления которой могут иметь силу закона только после королевской санкции; исполнительная власть должна принадлежать королю, которому нация вручила публичную власть для сохранения и исполнения законов, для защиты от врагов и для охраны личной собственности всех граждан»¹³⁶. В приведенном отрывке смешались три концепции власти: абсолютистская концепция безграничной королевской власти; свойственная феодальному мировоззрению идея приоритета права над монархом, которая в юридическом мировоззрении XVI—XVIII вв. трансформировалась в идею конституционализма

и в таком виде стала основой официальной политической доктрины парламентов, отчетливо сформулированной в середине XVIII в; концепция происхождения власти из общественного договора.

Существенные новые черты появились в статьях, посвященных дворянству. Термин «gentilhomme» почти исчез со страниц наказов, уступив место нейтральному «noble». Это изменение в лексике отразило социальные сдвиги внутри дворянского сословия: его значительное пополнение выходцами из третьего сословия и сближение «дворянства шпаги» и «дворянства мантии». На выборах 1789 г. аnoblis впервые фигурировали в списках дворянского сословия большинства баляжей и на равных с gentilshommes участвовали в составлении наказов.

Изменение социального облика дворянства своеобразно преломилось и в рассуждениях авторов наказов о дворянском сословии. В текстах уже не было явного следа внутрисословных распрей из-за древности рода. Напротив, в 31 наказе подчеркивалось единство дворянского сословия: собравшиеся признают «только одно сословие дворянства, пользующееся одними и теми же правами» (Отен, Оксер и др.)¹³⁷; «Дворянство... составляет единое сословие, единую корпорацию» (Анноне)¹³⁸; «Дворяне должны достигнуть между собой самого совершенного равенства» (Артуа, Перони, Санлис)¹³⁹; «Нет никакой разницы в правах между принцем крови и последним из дворян» (Блуа)¹⁴⁰; собравшиеся требуют «восстановить равенство во всех классах дворянства...» (Шомон-ан-Бассиньи)¹⁴¹; «Французское дворянство есть по сути своей неделимое сословие, оно изначально основано на неизменном праве рождения, и титулы, звания суть лишь особые отличия тех семей, которые ими обладают» (Шато-Тьерри)¹⁴²; «Провинциальное дворянство... страдает... под гнетом равных себе, которые закрывают перед ним все пути продвижений» (Булонне)¹⁴³. В этих формулировках утверждение единства дворянского сословия было созвучно идеям Буленвилье как идеолога дворянского плебса. Давало себя знать недовольство разительным контрастом в положении высшей аристократии и мелких провинциальных дворянчиков, основной массы участников собраний.

Выше отмечалось, что сами статьи о дворянстве занимали в наказах 1789 г. меньшее место, нежели в наказах XVII в. Тогда дворянству в каждом таком документе посвящался обширный раздел, стоявший на втором месте после раздела о духовенстве. Теперь раздел о дворянстве дан лишь в 31 наказе. В большинстве случаев статьи о дворянстве, не группируясь в особый раздел, или помещены в конце, или рассеяны по тексту наказа. В 9 наказах вообще не было статей о дворянстве. Авторы, таким образом, старались не акцентировать внимания на своих узкосословных требованиях.

Для обоснования сословных притязаний составители дворянских наказов использовали достижения общественной мысли XVIII в. В 28 наказах авторы опирались на идеи Монтескье: «Находясь между монархом и народом, каждый дворянин должен сле-

дить за тем, чтобы деспотизм или анархия никогда не нарушили национальной свободы» (Клермон-Ферран)¹⁴⁴; «Дворянское сословие, вследствие своей привязанности к монархическому образу правления, настаивает на сохранении промежуточных сословий, так как иначе дистанция между государем и подданными была бы слишком велика: должное равновесие власти было бы нарушено в ущерб обеим сторонам, и этот беспорядок вскоре привел бы к полному разрушению политического организма» (Мант)¹⁴⁵; «Духовенство и дворянство занимают во Франции промежуточное положение между Королем и третьим сословием; это положение никогда не следует нарушать, ибо оно существенным образом связано с конституцией* французской монархии...» (Шато-Тьерри)¹⁴⁶; «Природа создала людей равными, и... различия между ними, особенно необходимые в монархии, основаны на принципе общей пользы» (Риом)¹⁴⁷ и т. д. Требуя сохранить сословные привилегии, эти авторы пытались доказать их целесообразность и апеллировали к доктрине «промежуточных властей». Авторы 11 наказов с этой же целью использовали из арсенала современной им общественной мысли идею священной и неприкосновенной частной собственности: «Дворянству должно быть сохранено в неприкосновенности владение всеми его почетными правами, которые никоим образом не задевают свободы граждан и составляют важнейшую часть его собственности...» (Байель, Мо)¹⁴⁸; «Дворянство и все его почетные прерогативы являются столь же неприкосновенной собственностью, как и владение землей и любым другим имуществом» (Санс)¹⁴⁹; дворянство «отказывается от всех денежных привилегий, сохраняя за собой только почетные отличия и прерогативы, которые составляют истинную собственность, подтвержденную законами монархии...» (Крепи)¹⁵⁰; «Сословия духовенства и дворянства решительно оставляют за собой почетные права и отличия, которые принадлежат им согласно конституции монархии и законам Государства и которые в их руках составляют собственность столь же неприкосновенную, как и любая другая собственность подданных Короля ...» (Вилле-Коттре)¹⁵¹ и т. д.

Сдвиги в ценностных ориентациях дворянства прослеживаются и по конкретным требованиям. Так, требования отменить военный ордонанс 1781 г. и свободно допускать к офицерским должностям всех лиц, принадлежащих к дворянскому сословию, свидетельствовали о том, что рост удельного веса аноблированных среди дворянства, их высокое общественное положение и, напротив, оскудение родовитого дворянства вели к постепенной девальвации древности рода как критерия внутрисословной иерархии. Об изменении традиционной системы дворянских ценностей свидетельствовало то, что авторы 41 наказа высказались за разви-

* Под «конституцией» здесь, как и во многих других случаях, подразумеваются принципы общественно-политического устройства Франции: монархия и порядок престолонаследования, созыв Генеральных штатов, сословный строй и сословные привилегии и т. д.

тие дворянского предпринимательства: следует «упразднить законы, заставляющие бедное дворянство отвергать возможность поправить свое положение, обратившись к профессии честным и доходным» (Провен)¹⁵²; «Торговля, исполняемая с честностью, которая составляет ее душу, есть профессия слишком почетная, чтобы дворянство не устремилось к столь естественному средству сохранить и приумножить свое имущество» (Бове)¹⁵³; «Депутат будет просить уничтожить законы, которые затрудняют доступ дворянства к честным и доходным профессиям* и тем самым лишают его средства поправить свое положение, зачастую расстроенное жертвами на благо родины» (Мо)¹⁵⁴ и т. д. В 4 наказах имелось требование об аноблировании торговцев. В наказе Витри, например, говорилось: «Негоцианты должны получать дворянские титулы, но с непременным условием, что их сыновья и внуки не оставят торговли»¹⁵⁵. Традиционный образ дворянства как опоры французской монархии и сословия, обладающего всеми прерогативами политической власти, разрушался в статьях, которые содержали отказы от различных должностных привилегий и от привилегии посословного голосования в Генеральных штатах.

Изменения в ценностных ориентациях дворянства характеризовались не только снижением роли традиционных дворянских ценностей, но и появлением новых. Они видны в приведенных выше статьях в пользу свободного развития дворянского предпринимательства. Авторы наказов не говорили о том, что дворянство должно заняться торговлей, дабы в первую очередь выполнить свой долг перед родиной или перед государем, приумножив богатства страны. Напротив, они открыто заявляли, что их цель — «поправить свое положение», «сохранить и приумножить свое имущество», т. е. цель их состояла в личном обогащении и пресуспехии самих дворян-коммерсантов. Следовательно, такие буржуазные ценности, как богатство и успех, выглядели в глазах дворян уже достаточно престижными, чтобы служить для аргументации требований наказа. Интерес представляют и требования, касающиеся изменений процедуры выборов в Генеральные штаты. Так, некоторые дворянские наказаы предлагали установить имущественный ценз или ценз земельной собственности для участия в выборах. Известно, однако, что и среди дворянства, главным образом сельского, существовала малоимущая прослойка, часть дворян не имела земельной собственности¹⁵⁶. Дворяне, выдвинувшие требование имущественного ценза, продемонстрирова-

* Как было сказано выше, фактически законы о допущении дворян к предпринимательству к тому времени уже были приняты. Несовместимыми со званием дворянина продолжали считаться только мелкая розничная торговля, ремесла и труд по найму. Разумеется, в упомянутых наказах речь шла не об отмене этих запретов, а о том, что предпринимательство еще не получило общественного признания в качестве занятия, достойного дворянина. Новые законы, о которых просили авторы наказов, формально ничего бы не изменили, но они способствовали бы формированию общественного мнения, благоприятного для дворянского предпринимательства.

ли тем самым чувство солидарности с классом земельных собственников независимо от их сословной принадлежности, а не с принадлежавшими к дворянской «расе» разорившимися «потомками франков». Собственность как критерий социальной общности теснила в сознании этих авторов прежние критерии: род, военную службу, привилегии.

* * *

Отраженные в наказах представления дворян о власти, обществе и политике, их ценностные ориентации позволяют сделать вывод, что социально-политическое мышление дворянства не было однотипным.

В наказах 1789 г. встречались традиционные приемы оформления текста, построение его в виде адресованных королю жалоб-просьб. Структура их иногда следовала за посословной структурой наказов XVII в. Авторы осуждали нововведения и призывали не нарушать древние обычаи. Были примеры традиционного отношения к королевской власти в форме вассальной верности или верности поданных, рассуждения о божественной природе власти короля. Сохраняла силу традиционная система дворянских сословных ценностей, таких, как род, военная служба, привилегии и прерогативы политической власти. На уровне фразеологии, рассуждений и конкретных требований можно проследить преемственность наказов 1789 г. с текстами дворянских наказов XVII в. В них имелись совпадения в формулировках, определяющих сущность, место и роль дворянского сословия. По-прежнему существовал традиционный образ дворянства как привилегированной касты воинов, опоры трона, ведущей свое славное происхождение от франков и обладающей прерогативами политической власти. В меньшей степени сохранился последовательный «дворянский расизм», дух кастовой исключительности по отношению к аноблированным. Все эти традиционные оценки своего сословия высказывались авторами наказов уже не столь откровенно, как раньше. Открытая и уверенная сословная исключительность уступала место сословной исключительности «стыдливой», которая выражалась в стремлении не привлекать внимания к собственной сословной программе.

Стереотипы социально-политического мышления, унаследованные от дворянства XVII в., наиболее последовательно воплощены в 28 наказах, которые могут быть отнесены к традиционалистскому типу (см. табл. 1). Влияние политической культуры просветительского рационализма не зашло в них дальше использования отдельных терминов и выражений политического словаря XVIII в., тогда как в своих рассуждениях и способах аргументации требований авторы исходили из традиционалистских ценностей.

С другой стороны, в каждом наказе в той или иной степени присутствовала просветительно-рационалистская фразеология и манера мышления. В большинстве случаев структура и фразеоло-

Типы социально-политического мышления в дворянских наказах 1789 г.

Центры генеральств	Избирательные округа, от которых были поданы наказы:		
	традиционалистские	просветительско-рационалистские	с неявно выраженным типом социально-политического мышления
Париж		Провен Париж Париж «за стенами» Мо Мант Монфор-л'Амори Санлис Немур	Санс Бове Мелен
Суассон	Вилле-Коттре	Клермон-ан-Бовези Крепи-ан-Валуа Вермандуа	Шато-Тьерри
Шалон	Шалон-сюр-Марн	Труа	Шомон-ан-Бассиньи Реймс Сезанн Витри-ле-Франсуа
Орлеан	Жьен	Блуа Шартр Монтаржи	Дурдан Орлеан Вандом
Алансон	Алансон	Шатонейф-ан-Тимре	Перш
Кан			Кан Кутанс
Руан	Ко Руан		Шомон-ан-Вексен Эвре
Амьен	Монтрей-сюр-Мер Булонне	Перонн	Амьен Кале Сен-Кантен Понтье
Лилль			Дуэ Лилль Артуа Байель
Валансьенн			Кенуа Авен Камбрези
Мец	Туль Вик Сарлуи	Тьонвиль	Мец Верден Моон Лонгви

Центры генеральств	Избирательные округа, от которых были поданы наказы:		
	традиционалистские	просветительско-рационалистские	с неявно выраженным типом социально-политического мышления
Нанси	Понт-а-Муссон Сен-Мийель Бузонвиль Бурмон Шатель-сюр-Мозель Лонгийон		Этен Брие Нанси Люневиль Розьер Номени Мирекур Саргемин Ликсайм Фенестранж Бройер Дьез Вилье-ла-Монтань Бар-ле-Дюк
Страсбург			Кольмар
Безансон	Амон Безансон	Доль	Аваль
Дижон	Шалон-сюр-Сон Жекс	Дижон Макоп	Отен Семюр-ан-Оксуа Монтань Шароль Оксер Бар-сюр-Сен Бурк-ан-Брес Бюже и Вальроме Треву
Лион			Лион Вильфранш-де-Божоле Форез
Гренобль			Дофине
Ла Рошель		Сент Ла Рошель	
Пуатье	Монтегю		Пуату Шательро
Тур			Турень Луден Сомюр Мэн Анжу
Бурж			Берри
Мулен	Бурбонне		Ниверне Верхняя Марш Сен-Пьер-ле-Мутье

Продолжение табл 1

Центры генеральств	Избирательные округа, от которых были поданы указы		
	традиционалистские	просветительно-рационалистские	с неявно выраженным типом социально политического мышления
Лимож			Тюль Нижняя Марш Лимож Ангулем
Риом	Сен-Флур		Риом Клермон-Ферран
Бордо		Кондом Дакс Байонна	Гийень Перигор Ажан Базас Тартас Альбре Кастельморон Либури Лабур
Ош	Беарн		Ош Арманьяк Комменж Ривьер-Верден Суль Памье
Монтобан		Вильфранш-де-Руэрг	Керси Родез
Тулуза	Каркассон Кастр		Лиму Тулуза Кастельнодари
Монпелье		Ним	Манд Монпелье Вильнев-де-Берг Анноне Безье
Перпиньян		Перпиньян	
Экс	Систерон		Экс Арль Марсель Форкалькье Динь
Корсика			Корсика
Всего:	28	29	108

гия наказов отражали влияние представлений, присущих социальнo-политическому мышлению XVIII в. Даже выдвигая требования в защиту сословных привилегий, авторы многих наказов считали необходимым их аргументировать и использовали с этой целью категории просветительской общественно-политической мысли. Встречались примеры отхода от традиционной концепции божественного происхождения королевской власти. В текстах некоторых наказов воплотились представления о происхождении власти из общественного договора и подотчетности власти обществу. Примечательно, что люди XVIII в. не всегда воспринимали эти различные концепции власти как противостоящие друг другу. Иногда в одних и тех же наказах можно было встретить рассуждения, наследовавшие традиционные представления о вассальной преданности священной особе короля и выдержанные в духе концепции происхождения власти из общественного договора. В ряде наказов прослеживалось ослабление влияния привычных дворянских ценностей и наряду с этим восприятие ценностей буржуазных. Значение рода, происхождения отчасти снижалось, и росло значение таких ценностей, как богатство, собственность, личный успех. Ценностные ориентации, отраженные в таких наказах, представляли собой прообраз системы ценностей будущей элиты нотаблей первой половины XIX в. Для нотаблей будет характерна приверженность происхождению, роду, семье, с одной стороны, и богатству, собственности, преуспеянию — с другой¹⁵⁷.

Особенно отчетливо политическая культура просветительского типа выразилась в 29 указах. В данной группе текстов — называем ее просветительно-рационалистской — традиционалистские ценности, которые господствовали в дворянских указах XVII в., вытеснены новыми, присущими передовой общественной мысли XVIII в. Помимо просветительской фразеологии в этих документах нашли последовательное воплощение свойственные просветительской политической культуре представления о происхождении власти из общественного договора, о суверенитете нации, широко использована естественноправовая аргументация требований. Дворянское сословие изображено здесь в качестве наиболее достойной части нации, ее лучших граждан, как бы прообраза Почетного легиона и «нотаблей» XIX в.

В 108 указах не было явной приверженности ни одному из двух названных выше типов политической культуры. Просветительно-рационалистская фразеология и структура указа, формулирование его императивной части в виде провозглашения конституции или прав нации, упоминания об общем благе и всеобщем счастье как своей главной цели соседствовали с выражениями благодарности королю в преамбулах, с формулированием отдельных требований как обращений к королю. Естественноправовая аргументация требований уживалась с традиционным образом дворянского сословия как военной касты, преданной своему суверену — королю

Закономерно, что просветительские указы чаще встречались

вблизи от Парижа, центра культуры и идеологии Просвещения

Распространение в дворянской среде просветительской дексики, понятийного аппарата и системы ценностей, свидетельством чему могут служить дворянские наказания 1789 г., — научная проблема, над которой размышляют сейчас многие историки. В самом деле, соотносится ли это явление с устоявшимся представлением о Просвещении как о буржуазном идейном течении?

Парадоксальное решение этой проблемы предложили французские историки Ф. Фюре, М. Озуф, Г. Шоссинан-Ногаре. Просвещение, утверждают они, было идеологией дворянства в большей мере, нежели буржуазии, ведь именно дворяне стояли у истоков Просвещения и целый ряд виднейших идеологов этого направления — Ф. Фенелон, Ш.-Л. Монтескье, Г. Мабли и многие другие — принадлежали к дворянскому сословию. Данная точка зрения не может быть признана убедительной, так как здесь, по сути дела, отождествлены два разных понятия: социальная сущность просветительских доктрин и социальное происхождение их авторов.

Заслуживающую внимания гипотезу выдвинула Р. Робен. Опираясь на идеи А. Грамши о различии между господством и гегемонией, она высказала предположение, что во Франции в период кризиса старого порядка политическое господство и духовная гегемония в обществе стали принадлежать разным социальным силам. Дворянство сохраняло за собой политическое господство, но не могло уже больше вырабатывать признаваемую всем обществом идеологию и систему ценностей. Роль гегемона перешла к формирующейся буржуазии, которая в результате распространения Просвещения заставила дворянство говорить на ее языке, исповедовать ее политические принципы, воспринимать ее духовную культуру.

Следует также учесть, что усвоение дворянством целого ряда компонентов идейно-культурной системы Просвещения объяснялось и особенностями самой этой системы.

В высказанных К. Марксом и Ф. Энгельсом суждениях о Просвещении мы находим ключ к пониманию того, почему идеи просветителей нашли широкий отклик у дворянства и даже использовались им для защиты своих сословных интересов. Одну из важнейших особенностей Просвещения как течения общественной мысли К. Маркс и Ф. Энгельс видели в абстрактной форме выражения его идей, адресации их человечеству вообще. Просветители субъективно стремились говорить от имени всего человечества, а не определенного общественного класса. «... Начиная главным образом с XVIII в., — писали они в «Немецкой идеологии», — ... к господству приходят все более и более отвлеченные мысли, т. е. мысли, которые все более принимают форму всеобщности»¹⁵⁸. К. Маркс отмечал подчеркнуто элитарный характер многих просветительских доктрин: «В XVIII веке французская аристократия говорила: для нас Вольтер, для народа обедня и

десятина»¹⁵⁹; «... Это не для портных и сапожников», — говорил тогда Вольтер о своих просветительских идеях»¹⁶⁰.

Восприятие и использование дворянством идей Просвещения стало возможным благодаря их «всечеловечности» и противоречивости. Не все современники воспринимали объективно содержащийся в Просвещении антифеодальный и антидворянский заряд. Идея естественных прав личности в отвлеченной форме могла использоваться для обоснования интересов самых различных социальных групп. Как показало исследование идейно-политических ориентаций членов провинциальных академий, буржуазно-революционный потенциал Просвещения был чужд просвещенной академической элите. Воспринималась его абстрактно-гуманистическая сторона¹⁶¹. Сенак де Мельян утверждал, что содержание произведений Вольтера составляла борьба с религией, а произведений Монтескье — апология монархии, короля и парламентов. Сочинения явно радикальные, такие, как «Общественный договор» Руссо, до революции были малоизвестны. Руссо, по мнению Сенака де Мельяна, в это время прославился больше как сентиментальный моралист, автор «Новой Элоизы»¹⁶². Монлозье увлекся просветительскими теориями, усомнившись в существовании бога, и крайним проявлением своего вольнодумства считал именно разрыв с религией¹⁶³. В частных библиотеках членов Парижского парламента из радикальных произведений просветительской мысли имелась только «Энциклопедия». Дидро был представлен пьесами. Из сочинений Руссо часто встречалась «Новая Элоиза», изредка «Эмиль». «Общественный договор» в описях этих библиотек не упомянут ни разу¹⁶⁴.

Увлечение французского дворянства произведениями философов-просветителей и восприятие им просветительского политического словаря и просветительской манеры мышления еще не означало, что дворянство прониклось революционными настроениями и готово было ниспровергнуть старый порядок. Идеи свободы личности и естественного права могли уживаться в его сознании со стойкой приверженностью сословным привилегиям. Как заметил публицист XVIII в. Н.-С. Шамфор, «разум и сердце зачастую связаны не больше, чем библиотека замка с личностью владельца»¹⁶⁵. В сложном культурном комплексе, именуемом Просвещением, дворяне в большинстве своем воспринимали «сердцем и разумом» лишь то, что было интегрировано в социально-политическую систему старого порядка, и проходили мимо того, что вырывалось за рамки этой системы и противостояло ей. Мария-Антуанетта совершила паломничество на могилу Руссо и аплодировала комедиям Бомарше, не сознавая их революционного заряда. Однако просветительское свободомыслие, его имманентное стремление все проверять собственным разумом, отрицание любых внешних авторитетов готовили в сознании части дворянства почву для разрыва с традиционными сословными ценностными ориентациями и стереотипами мышления.

Идейные традиции и влияние политической науки, философии

из культуры Просвещения, особенности дворянского образа мышления сказались на той социально-политической программе, с которой выступило дворянство Франции накануне Великой французской революции.

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 342.
- ² Devuyer A. Le sang épuré: Les préjugés de race chez les gentilshommes français de l'Ancien régime. 1560—1720. Bruxelles, 1973; Avenel G. La noblesse française sous Richelieu. P., 1901, p. 1—83; Labatut J.-P. Les noblesses européennes de la fin du XV siècle à la fin du XVIII siècle. P., 1978, p. 71—136; Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des élites. 1700—1848. P., 1975, ch. I; Bitton D. The French Nobility in Crisis: 1560—1640. Stanford, 1969, p. 1—5, 122—124; Decouflé A. L'aristocratie française devant l'opinion publique à la veille de la Révolution (1787—1789). — In: Etudes d'histoire économique et sociale du XVIII siècle. P., 1966, p. 41—50.
- ³ Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. М., 1976, с. 188—189; История буржуазного конституционализма XVII—XVIII вв. М., 1983, с. 178—179; Виппер Р. Ю. Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн. — Журнал Министерства народного просвещения, 1896, № 8, с. 278—313; Елманова Н. С. Антиабсолютистская теория Клода Жоли и Парижский парламент XVII в. — В кн.: Французский ежегодник, 1968. М., 1970, с. 34—54; Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1977, с. 11—12; Разумовская М. В. Ларошфуко, автор «Максим». Л., 1971, с. 108—119.
- ⁴ О дворянских наказах XVII в. см.: Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века. Л., 1959, с. 146—148; Mousnier R., Labatut J.-P., Durand Y. Problèmes de stratification sociale: Deux cahiers de la noblesse 1649—1651. P., 1965. Durand Y. L'idéal social en Champagne méridionale de XVI au XVIII siècle. — In: Actes du 92 Congrès national des Sociétés savantes. P., 1970, t. 3, p. 111—123.
- ⁵ Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей (далее — ОР ГПБ), Фр. F II, № 79, т. 2, p. 188, 204, 206, 239, 241, 242 и т. д.; Durand Y. Cahiers de doléances de la noblesse d'Orléanais, Normandie et Bretagne pour les Etats généraux de 1614. — In: Université de Nantes. Enquêtes et documents, t. 1. Nantes, 1971, p. 60—62; Mousnier R., Labatut J.-P., Durand Y. Problèmes de stratification sociale, p. 134—135.
- ⁶ Durand Y. Cahiers de doléances de la noblesse d'Orléanais, Normandie et Bretagne, p. 107.
- ⁷ Ibid., p. 86.
- ⁸ Mousnier R., Labatut J.-P., Durand Y. Problèmes de stratification sociale, p. 134.
- ⁹ ОР ГПБ, Фр. F II, № 79, т. 2, p. 178.
- ¹⁰ Там же, p. 24.
- ¹¹ Там же, т. 1, p. 591.
- ¹² Там же, т. 2, p. 218.
- ¹³ Там же, p. 186.
- ¹⁴ Там же, p. 236.
- ¹⁵ Там же, p. 247.
- ¹⁶ Mousnier R., Labatut J.-P., Durand Y. Problèmes de stratification sociale, p. 139.
- ¹⁷ Lassaingne J.-D. Les assemblées de la noblesse de France au XVII et XVIII siècles. P., 1965, p. 211.
- ¹⁸ Durand Y. Cahiers de doléances de la noblesse d'Orléanais, Normandie et Bretagne, p. 81.
- ¹⁹ Mousnier R., Labatut J.-P., Durand Y. Problèmes de stratification sociale, p. 146.
- ²⁰ Boulainvilliers H. Essais sur la noblesse de France, contenant une dissertation sur son origine et abaissement. Amsterdam, 1732, p. 41—42.

- ²¹ Ibid., p. 1.
- ²² Ibid., p. 1. О Буленвилле см.: Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.—Л., 1949, с. 31—33; Devuyver A. Op. cit.; Furet F., Ozouf J. Deux légitimations historiques de la société française au XVIII siècle: Mably et Boulainvilliers. — In: Noblesse française. Noblesse hongroise. XVI—XIX siècles. Budapest—P., 1981, p. 65—76.
- ²³ Сен-Симон Ж. Мемуары, т. 1. М., 1934, с. 160.
- ²⁴ Там же, с. 154, 157. О герцоге Сен-Симоне см.: Sée H. Les idées politiques de Saint-Simon. — Revue Historique, 1900, t. 73, p. 2—23; Liard A. Saint-Simon et les Etats-Généraux. — Revue Historique, 1901, t. 75, p. 319—331.
- ²⁵ Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. P., 1974, p. 173.
- ²⁶ Chéruel A. Saint-Simon considéré comme historien de Louis XIV. P., 1865; Furet F., Ozouf J. Deux légitimations historiques de la société française, p. 70—71; Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue, p. 162—173.
- ²⁷ Цит. по: Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des élites, p. 111.
- ²⁸ Цит. по: Brancourt J.-P. Un théoricien de la société au XVIII siècle: le chevalier d'Arcq. — Revue Historique, 1973, N 508, p. 356.
- ²⁹ Argс P. A. Mes loisirs ou Pensées diverses. P., 1755, p. 36.
- ³⁰ Ibid., p. 88—89.
- ³¹ Ibid., p. 43—44.
- ³² См.: Иванова З. Н. Дискуссия о французском дворянстве в общественной мысли эпохи Просвещения. — В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1983; Brancourt J.-P. Op. cit.
- ³³ Decouflé A. Op. cit., p. 11—13, 22—23, 32—36, 41—50.
- ³⁴ Egret J. L'opposition aristocratique en France au XVIII siècle. — Information historique, 1949, N 5, p. 181; Mason L. B. The French constitution and the social question in the old regime. Bonn, 1954.
- ³⁵ Archives parlementaires de 1787 à 1860. 1 série (1787 à 1799) (далее — AP), t. 2. P., 1879, p. 424—431.
- ³⁶ В разделе речь идет о реформе управления королевскими лесами в Лотарингии.
- ³⁷ Hyslop B. A Guide to the General Cahiers of 1789, with the Texts of Unedited Cahiers. N. Y., 1936, p. 245.
- ³⁸ AP, t. 6, p. 189—191.
- ³⁹ Hyslop B. Op. cit., p. 397.
- ⁴⁰ AP, t. 3, p. 154—160.
- ⁴¹ AP, t. 1, p. 711.
- ⁴² Hyslop B. Op. cit., p. 231—232.
- ⁴³ AP, t. 1, p. 702.
- ⁴⁴ AP, t. 5, p. 338.
- ⁴⁵ AP, t. 2, p. 480.
- ⁴⁶ Ibid., p. 604.
- ⁴⁷ AP, t. 4, p. 48.
- ⁴⁸ AP, t. 1, p. 702.
- ⁴⁹ AP, t. 2, p. 658.
- ⁵⁰ AP, t. 5, p. 432.
- ⁵¹ Ibid., p. 567.
- ⁵² AP, t. 3, p. 476.
- ⁵³ AP, t. 2, p. 82.
- ⁵⁴ AP, t. 4, p. 253.
- ⁵⁵ AP, t. 2, p. 749.
- ⁵⁶ Ibid., p. 119.
- ⁵⁷ Ibid., p. 484.
- ⁵⁸ Ibid., p. 47.
- ⁵⁹ AP, t. 1, p. 699.
- ⁶⁰ AP, t. 3, p. 676.
- ⁶¹ Ibid., p. 383.
- ⁶² AP, t. 2, p. 385.
- ⁶³ AP, t. 1, p. 742; t. 2, p. 7, 251, 665; t. 3, p. 349; t. 6, p. 140; etc.

- ⁶⁴ AP, t. 1, p. 775; t. 2, p. 642; t. 3, p. 665, etc.
⁶⁵ AP, t. 2, p. 48, 238, 491, 749; t. 6, p. 189; etc.
⁶⁶ Furetière A. Dictionnaire universel. T. 2. La Haye-Rotterdam, 1690.
⁶⁷ Furetière A. Dictionnaire universel. T. 3. La Haye, 1727.
⁶⁸ Brette A. Recueil de documents relatifs à la convocation des Etats généraux de 1789, vol. 1. P., 1894, p. 71—75.
⁶⁹ Avenel G. Op. cit., p. 41—73, 282—285.
⁷⁰ Trenard L. Enseignement et instruction civique en France de 1762 à 1799. — In: Modèles et moyens de la réflexion politique au XVIII siècle. Vol. 1. Lille, 1977, p. 397—420; Bluche F. La vie quotidienne de la noblesse française au XVIII siècle. P., 1973, p. 46—56, 121—134, 174—176; Chaussinand-Nogaret G. La vie quotidienne des Français sous Louis XV. — P., 1979, p. 98—106.
⁷¹ Chateaubriand F.-R. Mémoires d'outre-tombe, vol. 1. Bruxelles, 1849, p. 51, 84—85, 97.
⁷² Montlosier F.-D. Mémoires sur la Révolution française, vol. 1. P., 1830, p. 34—35.
⁷³ Avenel G. Op. cit., p. 286—287.
⁷⁴ Bluche F. Les magistrats du Parlement de Paris au XVIII siècle: 1715—1771. Besançon, 1960, p. 289—296.
⁷⁵ Grosclaude P. Malesherbes et son temps: Nouveaux documents inédits. P., 1964, p. 55.
⁷⁶ Roche D. Milieux académiques provinciaux et société des Lumières. Trois académies provinciales au XVIII siècle: Bordeaux, Dijon, Châlons-sur-Marne. — In: Livre et société dans la France du XVIII siècle, vol. 1, p. 95—177; Agulhon M. La vie sociale en Provence intérieure au lendemain de la Révolution. P., 1970, p. 90, 95—96.
⁷⁷ См.: Гордон Л. С. «Торгующее дворянство» аббата Куайе и его «Развитие» — Учен. зап. Башк. гос. ун-та, 1974, вып. 77, сер. ист. наук, № 16. Из истории Франции, вып. 5; Иванова З. Н. Указ. соч.; Нечт J. Un problème de population active au XVIII siècle en France: La querelle de la noblesse commerçante. — Population, 1964, N 2, p. 267—290.
⁷⁸ См.: Волгин В. П. Указ. соч., гл. I, § 2; гл. II, III.
⁷⁹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 202.
⁸⁰ Там же, с. 455.
⁸¹ Decouflé A. Op. cit., p. 13—20.
⁸² Сийес Э. Ж. Что такое третье сословие? Спб., 1906, с. 11.
⁸³ Bergasse. Observations sur le préjugé de noblesse. Londres, 1789. — In: Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des élites, p. 32.
⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 16.
⁸⁵ Montesquieu Ch. L. De l'esprit des lois. P., 1969, p. 58. О Монтескье см. Алпатов М. А. Указ. соч., с. 30—42; Волгин В. П. Указ. соч., с. 36—59; Althusser L. Montesquieu: La politique et l'histoire. P., 1959; Shackleton R. Montesquieu: A critical biography. Oxford, 1961.
⁸⁶ Proust J. Diderot et l'Encyclopédie. P., 1962, p. 521—522.
⁸⁷ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné, t. 23. Nouv. éd Genève, 1779, p. 9.
⁸⁸ Ibid., p. 8.
⁸⁹ Sénac de Meilhan. Le gouvernement, les moeurs et les conditions en France avant la Révolution. P., 1862, p. 490.
⁹⁰ Decouflé A. Op. cit., p. 11—13, 44—50.
⁹¹ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné, t. 11. Berne et Lausanne, 1779, p. 371, 409—413, 414.
⁹² См. об этом, напр.: Нечкина М. В. Вольтер и русское общество. — В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. М.—Л., 1948, с. 57—93; Лещиловская И. И. Культура Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе. — Вопросы истории, 1985, № 1, с. 73—89.
⁹³ Mornet D. Les origines intellectuelles de la Révolution. P., 1934; Egret J. L'opposition aristocratique en France au XVIII siècle; Roche D. Op. cit.; Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle. De la féodalité aux Lumières. P., 1976, ch. IV; Barny R. Les aristocrates et J.-J.

- Rousseau dans la Révolution — Annales Historiques de la Révolution Française, 1978, N 234, p. 534—568.
⁹⁴ Тэн И. Старый порядок. Спб., 1910, с. 413—415.
⁹⁵ Bluche F. Les magistrats du Parlement de Paris, p. 356—362.
⁹⁶ Oechslin J. J. Le mouvement ultra-royaliste sous la Restauration. P., 1960, p. 49—52.
⁹⁷ Montlosier F.-D. Op. cit., vol. 1, p. 37.
⁹⁸ Ibid., p. 50.
⁹⁹ См. Степанов М. Жозеф де Местр в России. — В кн.: Русская культура и Франция. — Литературное наследство, т. 29/30. М., 1936, с. 577—625.
¹⁰⁰ Meyer J. Noblesse des bocages. — In: Noblesse française. Noblesse hongroise. XVI—XIX siècles. Budapest—P., 1981, p. 48—49; Idem. La noblesse bretonne au XVIII siècle. P., 1966, p. 1011—1013, 1249—1251; Bluche F. La vie quotidienne de la noblesse française, p. 174—176, 212—213; Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle, p. 104—110; Roche D. Op. cit., p. 95—177.
¹⁰¹ Meyer J. La noblesse bretonne au XVIII siècle, p. 1251; Idem. La noblesse des bocages, p. 49; Bluche F. La vie quotidienne de la noblesse française, p. 212—218, 231—234; Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle, ch. IV.
¹⁰² AP, t. 1, p. 194.
¹⁰³ Ibid., p. 233.
¹⁰⁴ Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789. Par mm. Jourdan, Decrusy, Isambert. T. VI du règne de Louis XVI. P., 1827, p. 472.
¹⁰⁵ Ibid., p. 538.
¹⁰⁶ Ibid., p. 604.
¹⁰⁷ Brette A. Op. cit., vol. 1, p. 29, 30, 33.
¹⁰⁸ AP, t. 6, p. 497—503.
¹⁰⁹ Ibid., p. 75—80.
¹¹⁰ AP, t. 4, p. 109—112.
¹¹¹ AP, t. 2, p. 201—204, 250—253.
¹¹² AP, t. 3, p. 661—666.
¹¹³ AP, t. 5, p. 272—275.
¹¹⁴ Ibid., p. 447—448.
¹¹⁵ AP, t. 4, p. 110.
¹¹⁶ AP, t. 2, p. 626.
¹¹⁷ Ibid., p. 492.
¹¹⁸ Ibid., p. 378.
¹¹⁹ AP, t. 3, p. 128.
¹²⁰ Ibid., p. 624.
¹²¹ AP, t. 6, p. 179.
¹²² AP, t. 3, p. 661—662.
¹²³ Ibid., p. 740.
¹²⁴ AP, t. 4, p. 38.
¹²⁵ AP, t. 3, p. 75.
¹²⁶ Ibid., p. 447—448.
¹²⁷ AP, t. 5, p. 235.
¹²⁸ AP, t. 3, p. 725.
¹²⁹ AP, t. 5, p. 669.
¹³⁰ AP, t. 1, p. 711.
¹³¹ Brette A. Op. cit., vol. 1, p. 11.
¹³² Boulainvilliers H. Essais sur la noblesse de France, contenant une dissertation sur son origine et abaissement. Amsterdam, 1732, p. 2.
¹³³ Argcq P. A. Op. cit., p. 30—31.
¹³⁴ AP, t. 3, p. 472.
¹³⁵ Ibid., p. 155.
¹³⁶ AP, t. 2, p. 214.
¹³⁷ Ibid., p. 104, 118 etc.
¹³⁸ Ibid., p. 48.

- ¹³⁹ Ibid., p. 82; t. 5, p. 359, 735.
¹⁴⁰ AP, t. 2, p. 385.
¹⁴¹ Ibid., p. 725.
¹⁴² Ibid., p. 658.
¹⁴³ Ibid., p. 430—431.
¹⁴⁴ Ibid., p. 766.
¹⁴⁵ AP, t. 3, p. 664.
¹⁴⁶ AP, t. 2, p. 658.
¹⁴⁷ AP, t. 5, p. 563.
¹⁴⁸ AP, t. 2, p. 171; t. 3, p. 726.
¹⁴⁹ AP, t. 5, p. 754.
¹⁵⁰ AP, t. 3, p. 74.
¹⁵¹ AP, t. 6, p. 189.
¹⁵² AP, t. 5, p. 450.
¹⁵³ AP, t. 2, p. 295.
¹⁵⁴ AP, t. 3, p. 727.
¹⁵⁵ AP, t. 6, p. 716.
¹⁵⁶ Vaissière P. *Gentilshommes campagnards de l'ancienne France*. P., 1903, p. 382—383.
¹⁵⁷ Tudesq A. J. *Les grands notables en France: Etude historique d'une psychologie sociale*. Vol. 1—2. Bordeaux, 1964; Tudesq A. J., Jardin A. *La France des notables*. Vol. 1—2. P., 1973.
¹⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 47.
¹⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 339.
¹⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 472.
¹⁶¹ Roche D. *Op. cit.*, p. 177.
¹⁶² Sénac de Meilhan. *Op. cit.*, p. 172.
¹⁶³ Montlosier F.-D. *Op. cit.*, vol. 1, p. 37.
¹⁶⁴ Bluche F. *Les magistrats du Parlement de Paris*, p. 291.
¹⁶⁵ Bluche F. *La vie quotidienne de la noblesse française*, p. 176.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ДВОРЯНСКИХ НАКАЗОВ 1789 г.

4

До сих пор мы говорили лишь о требованиях, которые создавали общий антиабсолютистский настрой этих документов. При углубленном изучении выдвинутых дворянами проектов реформ становится очевидно, что тексты наказов отразили существенные разногласия в решении принципиальных вопросов общественно-политического устройства Франции.

В большинстве наказов было отчетливо видно стремление отстоять и усилить господствующее положение и привилегии дворянства. В политической борьбе накануне и во время выборов 1789 г. особенно остро стоял вопрос о способе голосования в Генеральных штатах. В 114 дворянских наказах выражена приверженность традиционной, посословной системе голосования по всем вопросам, при которой каждое из трех сословий в Генеральных штатах располагало одним голосом. В таком случае Генеральные штаты сохраняли бы сословно-корпоративный характер, а двойное представительство третьего сословия не имело бы реального значения. Авторы 37 из этих наказов, в принципе отстаивая идею посословного голосования, либо оговаривались, что согласны допустить поименную подачу голосов, если того потребует большинство депутатов дворянства или если возникшие между сословиями разногласия станут препятствовать работе Генеральных штатов, либо намеревались отложить введение поименного голосования на будущее при сохранении в Генеральных штатах 1789 г. голосования по сословиям или допускать поименное голосование только при утверждении налогов, при решении вопросов, не затрагивающих интересов ни одного из сословий, и при обсуждении частных вопросов.

Наиболее полно идея возврата к Генеральным штатам как к средневековому органу сословного представительства была воплощена в 8 наказах, которые наряду с защитой традиционного голосования по сословиям содержали протест против нововведенного двойного представительства третьего сословия.

Отсутствие антиабсолютистских требований в наказах было крайне редким явлением. Требования о регулярном созыве Генеральных штатов не содержали только указы Жекса, Беарна и Вильнев-де-Берга. Причем в последнем провозглашалась и законодательная власть Генеральных штатов, и ответственность министров перед ними, что подразумевало регулярность работы представительного органа, поэтому данное требование можно считать пропущенным в наказе случайно. В качестве законодательной власти один король назван в наказах Оксера и Клермон-Феррана. Однако в первом случае на ограничение власти короля были направлены требования периодического созыва Генеральных штатов каждые пять лет, неприкосновенности депутатов и создания ответственного парламентского правительства, во втором — требования созыва Генеральных штатов каждые три года и ответственности министров.

Авторы 28 наказов оставляли за королем право принимать по своей инициативе законы между сессиями Генеральных штатов.

Этот требование лежало в русле традиций парламентской Фронды, так как в данном случае парламенты получили бы право вносить поправки в законопроекты и откладывать принятие законов. Влияние парламентской традиции сказывалось и в том, что авторы 5 наказов защищали систему продажи должностей. В прошлом для дворянских наказов это было нетипично. Требование отменить продажу должностей содержалось почти во всех рассмотренных нами наказах 1614 и 1649—1651 гг. Проникновение в дворянские указы 1789 г. статей в пользу продажи должностей следует расценивать как свидетельство восприятия дворянством идей, свойственных людям «мантин». Для обоснования этого требования, звучавшего в XVIII в. уже несколько одиозно и противоречившего общему стремлению внести рациональное начало в организацию государственного управления, использовалась доктрина «разделения властей». Продажу и наследование должностей авторы представляли как лучший способ гарантировать независимость законодательной и судебной властей от исполнительной. Вот пример из наказа Каркассона: «Печальный опыт доказал нам преимущества продажи должностей в условиях, когда все вокруг поражено деспотизмом; независимость, которую покупает магистрат, и его заинтересованность ее сохранить — вот два препятствия произволу; и в палатах, призванных защищать конституцию, продажа должностей никогда не приведет к тем ужасным злоупотреблениям, которые вызвала бы власть фаворитов»⁴.

Стремление отстоять сословные прерогативы дворянства в центральных органах государственной власти проявилось и в некоторых предложенных проектах нововведений. В 9 наказах содержался проект двухпалатного собрания по образцу английского парламента. По сути, эта реформа означала бы сохранение посословного голосования в измененной форме, так как составители высказывались за посословное голосование в Генеральных штатах 1789 г., а в будущем предусматривали сословный принцип формирования палат. Духовенство, по их замыслу, должно было лишиться собственного сословного представительства и в зависимости от происхождения присоединиться либо к дворянству, либо к третьему сословию. Законы принимались бы при условии одобрения их обеими палатами.

6 наказов — Этена, Ликсайма, Ривьер-Вердена, Байонны, Алансона и Клермона-ан-Бовези — предлагали установить для участия в выборах избирательный ценз. Последние 4 из этих 6 наказов требовали, чтобы на предвыборные собрания допускались только земельные собственники. Данное требование цензовой представительной монархии, с одной стороны, несло в себе отпечаток английской политической системы и политических учений XVIII в. (идею избирательного ценза высказывали представители различных течений просветительской мысли), с другой стороны, было навеяно обстановкой революционного кризиса и желанием изолировать несобственнические слои от участия в выборах.

До сих пор мы вели речь о требованиях дворянства, имевших

сословно-охранительное содержание, но можно выделить группу требований иной направленности. Хотя абсолютное большинство составителей дворянских наказов вразрез с общим требованием третьего сословия стремилось сохранить посословную подачу голосов в Генеральных штатах, все же на такой позиции стояло не все дворянство. В целом ряде наказов, как уже отмечалось, поддерживалась идея смешанного голосования: с оговорками, при определенных условиях допускалась поименная подача голосов. Еще 13 наказов высказывались в пользу смешанного голосования более радикально: в них не было защиты принципа посословного голосования. А в 15 наказов без всяких оговорок было включено требование поименной подачи голосов, что означало открытый разрыв с традиционной, средневековой системой сословного представительства. Из них 14 наказов содержали только требование поименной подачи голосов, а наказ бальяжа Амон требовал и посословного и поименного голосования. Этот наказ состоял из двух частей: одна принималась только дворянством, другая — совместно тремя сословиями. В той части, которую дворяне составляли отдельно, они высказывались за сохранение традиционной системы подачи голосов, а в общей части приняли предложение третьего сословия.

В наказе дворян бальяжа Мант отрицался даже традиционный сословный принцип избрания депутатов. Наказ содержал предложение в будущем проводить выборы «совместно всеми гражданами, живущими на данной территории»⁵. Здесь сказались личный авторитет одного из составителей наказа, известного философа-просветителя Ж.-А. Кондорсе, сторонника гражданского равенства, в дальнейшем ставшего участником Великой французской революции и депутатом Конвента, близким к жирондистам. Это радикальное требование мы встречаем в дворянских наказах один раз. Весной 1789 г. оно еще не было характерно даже для политической программы третьего сословия.

Наказ Манта интересен тем, что дает возможность проследить, как сталкивались в текстах наказов взгляды их непосредственных составителей с мнением большинства участников собрания. Фактически автором проекта наказа являлся Ж.-А. Кондорсе. В его редактировании участвовал один из будущих составителей якобинской конституции 1793 г. Эро де Сешель. Кондорсе стоял за поименное голосование. До принятия наказа он выступил перед собравшимися дворянами бальяжа с речью, основная часть которой была посвящена осуждению посословной подачи голосов⁶. Вероятно, в таком же духе был выдержан и составленный им первоначальный проект наказа. А окончательный, принятый собранием текст в этом пункте оказался противоречивым. Сначала в наказе выдвинуто требование посословной подачи голосов с оговоркой, что «при особых обстоятельствах депутат может принять решение, которое покажется ему наиболее полезным»⁷. А ниже сказано, что решения должны приниматься Генеральными штатами большинством в 2/3 голосов на одном заседании или

простым большинством после трех заседаний. Такая процедура голосования предполагает поименную подачу голосов. Ясно, что некоторые положения составленного Кондорсе проекта были отвергнуты собранием. Однако отголоски радикальных предложений Кондорсе уцелели в тех пунктах, которые в глазах участников собрания не выглядели принципиальными.

8 наказов (Ниверне, Дурдана, Орлеана, Санлиса, Немура, Амьена, Перонна и Понтье) требовали пересмотреть установленный для дворянства порядок выборов в Генеральные штаты. По традиции, дворянам предоставлялось право голоса в каждом бальяже, где они владели сеньерией, и на все предвыборные собрания в этих бальяжах они могли посылать своих представителей. Авторы перечисленных наказов требовали отменить этот обычай и постановить, чтобы впредь каждый дворянин обладал только одним голосом на выборах в том бальяже, где он живет. Данное требование можно рассматривать двояко. С одной стороны, оно было показателем внутрисословных разногласий и недовольства высшей знатью со стороны скудеющего провинциального дворянства. Высшая знать владела сеньериями, разбросанными по разным бальяжам, и благодаря этому получала на выборах привилегию по сравнению с основной массой провинциального дворянства. Но с другой стороны, это требование отражало и изменившееся понятие представительства. Дворянину предлагалось участвовать в предвыборном собрании не как сеньеру такого-то фьефа, а как гражданину. Где бы он ни проживал и где бы ни располагались его владения, он, как считали авторы данного требования, не может передать свое право свободного волеизъявления другому лицу; таким образом, депутаты в Генеральных штатах будут представлять уже не земли, а граждан, доверивших им право выступать от их имени в Генеральных штатах.

Во многих наказах решительно пересматривалось место парламентов в политической системе Франции. Большинство дворян, отдавая верховную законодательную власть Генеральным штатам, не оставляли за королем права на самостоятельную законодательную деятельность в перерывах между сессиями. В таком случае реальное участие парламентов в принятии законопроекта теряло смысл. Их законодательные полномочия переходили к Генеральным штатам. В 73 наказах за ними оставалось только право в обязательном порядке регистрировать принятые Генеральными штатами законы и следить за их исполнением. Авторы 5 наказов высказывались в пользу коренной реформы парламентов с целью превратить их в чисто судебные органы. Значительная часть французского дворянства весной 1789 г., казалось бы, солидаризировалась с потерпевшими ранее провал попытки абсолютизма урезать политические права парламентов. Эти попытки выразились в неудавшихся реформах Мопу и Ламуаньона. Однако в контексте наказов предложенные реформы парламентов приобретали совершенно иной смысл. Они теряли былую направленность на усиление абсолютной власти короля. Суть их

теперь состояла в том, что место аристократической наследственной палаты должен занять выборный орган сословного представительства (в наказах, требующих поименного голосования, он выглядел как нечто среднее между сословно-представительным и общенациональным законодательным органом).

Рассмотренные выше требования касались принципов политического устройства и центральных органов власти. Кроме этого дворянство выдвинуло программу переустройства власти на местах, носившую также антиабсолютистский характер. Упразднить должность интенданта или, существенно ограничить его полномочия требовали 44 наказа. В 160 наказах предлагалось передать полномочия местной администрации от назначавшихся королем интендантов выборным местным органам: провинциальным штатам, а в городах и деревнях — муниципалитетам.

Дворянская программа реформ местной администрации вызвала прямо противоположные оценки историков. Ж. Жорес и В. Я. Хорошун считали, что провинциальные штаты призваны были сделаться орудием защиты местных привилегий⁸. А по мнению Г. Шоссинан-Ногаре, проект замены интендантов выборными органами отражал стремление к либерализации местного управления⁹.

Предложенные дворянами реформы органов местной власти, с одной стороны, можно считать традиционными. Создания провинциальных штатов требовал наказ Перонна 1588 г.¹⁰ Об этом же шла речь в наказе Гийени 1614 г. Об отмене должности интенданта говорилось в наказе Ангумау 1649 г. Там эти пункты были частью программы, направленной на восстановление на местах непосредственной власти дворянства. Они сочетались с защитой провинциальной автономии и провинциальных привилегий. В наказах 1789 г. требования упразднить должность интенданта и создать на местах выборные органы власти в лице провинциальных штатов часто находились в русле традиций феодальной вольницы, имели целью укрепить власть местного дворянства в провинциях в ущерб централизаторской политике абсолютной монархии. Тенденциями провинциального партикуляризма были проникнуты в общей сложности 74 наказа. Среди них 64 ратовали за сохранение провинциальных обычаев и привилегий и широкую автономию местных штатов в вопросах законодательства и утверждения налогов. В 19 наказах встречалось требование сохранить провинциальные налоговые привилегии. Подобные тенденции прослеживались в тех провинциях, которые позже других были присоединены к королевскому домену и сохраняли многие из старинных привилегий вплоть до XVII—XVIII вв. (Франш-Конте, Бургундия, Лотарингия, Лангедок, Гасконь, Пуату, Фландрия, Нормандия, Булонне).

С другой стороны, требования ликвидировать должность королевских интендантов или ограничить их полномочия и возродить провинциальные штаты не всегда означали стремление вернуться к феодальной децентрализации. Авторы 66 наказов в той или

инной форме высказывались против сохранения остатков феодальной раздробленности страны. Осуждение провинциального партикуляризма, предложения подчинить местные органы центральным и унифицировать правовую систему (49 наказов), а также отменить провинциальные налоговые привилегии (34 наказа) свидетельствовали о желании составителей сохранить то позитивное, что было достигнуто за годы абсолютизма в деле централизации французского государства, и в то же время ликвидировать самоуправство интендантов.

В некоторых наказах присутствовали требования как в духе провинциального партикуляризма, так и в защиту централизации. Требование унификации права могло сочетаться с защитой законов, обычаев и привилегий своей провинции (наказы Доля, Оксера, Сен-Мийеля, Этена, Брие, Нанси, Безье, Шательро, Вильфранш-де-Руэрг), с предложением наделить провинциальные штаты, согласно традиции, правом вводить налоги и отклонять законы, принятые центральной властью (наказы Эвре, Орлеана, Макона, Байонны).

Архаичная и запутанная система административно-территориального деления Франции в дворянских наказах осуждалась редко. Авторы 12 из них выступали с предложениями уточнить или разумнее провести границы округов. Только 3 раза, в наказах Ниверне, Анжу и Клермона-ан-Бовези, мы встречаем предложение коренной реформы в духе «века разума». Ее суть: ликвидация дробления страны на административные, финансовые, судебные, избирательные, военные, церковные округа с несопадающими и не всегда твердо установленными границами, создание единой системы административно-территориального деления.

В подавляющем большинстве изученных нами наказов выражалось недовольство существовавшей во Франции судебной системой и порядком судопроизводства и предлагались проекты реформ в этой области. В 146 наказах выдвигались требования упростить процедуру судопроизводства и судебную систему, сократить судебные издержки и установить бесплатность судопроизводства. Они излагались либо в общей форме, либо перечислением конкретных мер: уменьшить количество судебных инстанций в королевской юстиции; упразднить ведомственные и другие суды, существовавшие наряду с королевскими; запретить передавать дело из одного суда в другой во время разбирательства и т. д. Требования подобного рода являлись традиционными. Они имелись в наказе Перонна 1588 г. и в 10 из рассмотренных нами 15 наказов XVII в. Запутанность судебной системы, неопределенность компетенции различных судебных палат, царившие в них взяточничество, волокита и беззаконие были одной из застарелых язв Франции в эпоху старого порядка. Абсолютизму оказалось не под силу ликвидировать хаос судебной системы, поэтому требования о ее совершенствовании выдвигались в наказах XVI в., начала и середины XVII в. и конца XVIII в. Традиционно в тех разделах дворянских наказов, где речь шла о судебной системе, рассмат-

ривались и вопросы, связанные с продажей должностей, так как значительную часть продаваемых наследственных должностей составляли должности по судебному ведомству.

В наказах 1789 г. появился и ряд нетрадиционных требований, имевших антиабсолютистскую направленность. В 37 наказах провозглашался принцип несменяемости судей. С одной стороны, он вытекал из доктрины «разделения властей» и был призван оградить ход судебного разбирательства от произвольного вмешательства со стороны королевской администрации. С другой стороны, этот принцип использовался для защиты узкокастовых привилегий парламентской магистратуры. В уже упоминавшемся наказе Каркассона провозглашение несменяемости судей и отстаивание продажи и наследственности должностей выглядели взаимосвязанными.

Требование отменить продажу судебных должностей, как правило, не сопровождалось разъяснениями относительно того, каким образом они впредь должны распределяться. Однако авторы 17 наказов, желая предупредить возможность назначения королевских или министерских фаворитов в судьи, требовали установить замещение этих должностей по конкурсу или путем выборов. В 23 наказах, в духе свойственной просвещенному веку тенденции к профессионализации государственного аппарата, говорилось, что судебская магистратура обязательно должна иметь специальное образование.

Предложенные реформы касались также гражданского и уголовного права и судопроизводства. Авторы 88 наказов требовали провести реформу гражданского и уголовного кодексов. В ряде наказов можно проследить новое, антиабсолютистское толкование понятия источника права. В абсолютной монархии источником права считалась воля короля. Просветительская общественная мысль в качестве источника права рассматривала свободное волеизъявление граждан и настаивала на том, что судебные решения могут выноситься только на основании закона. «Только законы могут устанавливать наказания за преступления и... власть их издания может принадлежать только законодателю как представителю всего общества, объединенного общественным договором», — писал широкоизвестный во Франции XVIII в. юрист Ч. Беккариа¹¹. Наказы отразили эту идею, во-первых, в требовании исключить произвол в судебных решениях (14 наказов), во-вторых, в требовании публичности уголовного процесса (23 наказа), которая означает введение контроля со стороны общества над судопроизводством. С идеей законности был связан и целый ряд предложенных мер по обеспечению личной неприкосновенности. В 148 наказах выдвигались требования подвергать наказанию только на законном основании по решению суда, ограничить содержание арестованного под стражей одними сутками, по истечении которых он должен быть отпущен или передан в руки судебных властей. Перечисленные статьи дворянских наказов имели давнюю традицию. Они были в дворянском наказе Берри

1714 г., в наказе Труа 1651 г. входили в документы парламентской оппозиции со времен Фронды. В наказах 1789 г. они стали частью широкой программы и получили осмысление в категориях общественной мысли и юридической науки XVIII в. К числу таких категорий относится презумпция невиновности. С ней несомненно содержание под стражей человека, чья вина не доказана. Презумпция невиновности как таковая провозглашалась только в наказах Дакса и Байонны. Но из ее признания вытекал целый ряд требований реорганизации судопроизводства. Авторы 41 наказа выступали за введение суда присяжных и защиты подсудимых, т. е. мер, обеспечивающих установление и доказательство факта виновности; 10 наказов требовали отменить пытки. Юридическая мысль XVIII в. выводила последнее требование также из презумпции невиновности, так как «никто не может быть назван преступником, пока не вынесен обвинительный приговор»¹².

Составители 19 наказов выступали за упразднение сохранявшегося во Франции XVIII в. принципа средневекового феодального права, согласно которому ответственность за преступление несла вся семья преступника. В этих наказах утверждался принцип личной ответственности за совершенное деяние. Отменить конфискацию имущества в качестве меры наказания требовали 8 наказов. В правосознании XVIII в. данное требование логически вытекало из предыдущего, так как конфискация имущества повергала в нищету всю семью, которая не должна была отвечать за преступления своего главы¹³.

Статьи наказов предлагали ряд мер гуманистической направленности. Протесты против жестокости наказаний занимали значительное место в юридической литературе и практике XVIII в. Достаточно вспомнить высказывания Вольтера по этому поводу, рассуждения Ч. Беккариа о вреде пыток, варварских наказаний и смертных казней¹⁴. В наказах к этой группе выступлений можно отнести упоминавшиеся требования отменить пытки, а также протесты против варварских наказаний (16 наказов) и предложения ограничить применение смертной казни (7 наказов).

Выдвинутые меры были направлены против судебной системы и принципов судопроизводства Франции старого порядка и включали в себя элементы буржуазного судопроизводства. Они отражали назревшие потребности общественно-политического развития, но не шли вразрез с сословными интересами дворянства. Все эти меры не затрагивали такого основополагающего принципа судебной системы старого порядка, как ее сословность. В 6 наказах даже было специально сформулировано требование сохранить сословный суд с присущими ему различиями в наказаниях за преступления для лиц разных сословий.

Принцип сословности суда не оспаривался ни в одном из дворянских наказов. Правда, ликвидация его весной 1789 г. не входила в число программных требований третьего сословия. В одном из наиболее популярных произведений передовой юридической литературы того времени трактате Ч. Беккариа «О преступ-

лениях и наказаниях» это требование тоже не было упомянуто. Там пропагандировалась только идея равенства в наказаниях за преступления между дворянами и недворянами¹⁵. Именно это требование наряду с поименным голосованием и налоговым равенством стало одним из центральных в предвыборной пропаганде третьего сословия и вошло в его указы. В дворянских наказах оно встречается 14 раз. Для дворян эта мера представляла собой важный шаг на пути отказа от защиты сословных привилегий. Установление одинаковых для всех граждан наказаний за преступления наносило сильный удар по системе сословных судов.

Политическая программа дворянских наказов включала в себя раздел, касавшийся армии. Военная служба, по традиции, считалась основным призванием дворянина. Вопросы организации армии затрагивались в наказах и XVII и XVIII вв. Некоторые жалобы на непорядки в армии встречались в наказах как XVII в., так и 1789 г. К их числу относилось, в частности, пожелание отменить продажу должностей, так как оно касалось и военного ведомства. В ряде наказов это было подчеркнуто особо. Формально к 1789 г. продажа воинских должностей была отменена серией министерских циркуляров, но на деле внутри полков торговля должностями практиковалась и существовали примерно фиксированные цены каждой должности¹⁶. Сократить число командных должностей требовали 28 наказов. Такие статьи были в наказах Орлеане, Берри, Лионне и Гийени 1614 г. В 1789 г. появление этого требования было обусловлено как вниманием дворянства к армии, так и тяжелым финансовым положением государства. Провести реформу ополчения (milice) предлагали 40 дворянских наказов 1789 г. Аналогичное требование выдвигалось дворянством Бургундии в 1614 г. Однако смысл его в 1789 г. был иным, поскольку изменился характер самого ополчения. Первоначально это были создававшиеся городскими и сельскими общинами отряды для охраны порядка, которые во время войны поддерживали армию. В период абсолютной монархии такие формирования потеряли свое значение. В новое ополчение, созданное в конце XVII в., для прохождения военной службы направлялось по жребию установленное число человек от каждой общины. Повинность распространялась только на третье сословие. На содержание ополчения с третьего сословия взимался налог, который тоже назывался milice. Данная повинность вызывала протесты, направленные против сословного характера ополчения и злоупотреблений при жеребьевке. Дворянские указы предлагали поставить формирование ополчения под контроль провинциальных штатов и ввести взамен жеребьевки новый принцип набора. Наказы Труа, Шатонейф-ан-Тимре высказывались за добровольное комплектование ополчения. В наказе Шатонейф-ан-Тимре ополченцы были названы «национальными солдатами». Термины типа «национальное ополчение» встречаются во многих наказах.

В 9 наказов вошло требование в мирное время использовать армию на общественных работах. В нем воплотилась присущая

XVIII в. идея утилитаризма, в свете которой главная задача армии понималась как служение общему благу в тех формах, в каких это диктуется обстоятельствами: в военное время — на поле брани, в мирное — на сооружении дорог, каналов, мостов.

Общий дух перечисленных требований — забота о более целесообразной организации и использовании армии. Кроме того, в разделах об армии можно выделить группу требований, направленных против произвола и беззаконий. На необходимости принять «военную конституцию» (военный устав), которая оградила бы армию от министерского произвола, настаивали 36 наказов. Авторы 58 наказов требовали не смещать произвольно с должностей, в том числе с военных. В 37 наказах это требование было сформулировано именно применительно к армии. Вызывал протесты порядок назначения на должности. Примерно половину офицерских постов занимали независимо от выслуги лица, назначенные королевским указом¹⁷. Чтобы исключить быстрое возвышение придворных и фаворитов, 25 наказов призывали давать воинские звания только за заслуги и выслугу лет.

Ряд требований имел гуманистическую направленность. Предлагалось улучшить положение солдат и увеличить их жалованье. В предреволюционные годы просвещенное общественное мнение Франции живо обсуждало введенный военным министром Сен-Жерменом устав прусского образца, допускавший телесные наказания солдат. Среди дворянства это не могло не вызвать негодования, так как солдатами были и дворяне. По подсчетам современного историка, в 1788 г. во французской армии служило в общей сложности приблизительно 12 000 дворян, из них 9000 офицеров и 3000 солдат¹⁸. С возмущением писали о введении телесных наказаний в армии авторы многих брошюр и памфлетов. Составители 52 наказов, зачастую в тоне высокой патетики, требовали отменить их как несовместимые с французским национальным характером. Обсуждение этого вопроса на собрании в Берри привело к скандалу. Среди дворян Берри находился полковник, докладчик в военном совете граф де Гибер, один из тех, кто был причастен к принятию действовавшего военного устава. Присутствовавшие выражали свое возмущение столь бурно, что Гибер был вынужден под оскорбления покинуть собрание. По словам современника, изгнавшие Гибера с собрания дворяне заявили, что тому, кто унижает солдата, не место среди французского дворянства¹⁹.

В дворянских наказах 1789 г. проявилось стремление их составителей оградить себя от внутренних волнений. В 23 наказа вошло требование усилить жандармерию (*mercéchaussée*). Появление таких статей было связано с напугавшим дворян подъемом народного движения.

В посвященных армии разделах целого ряда наказов проявилась сословно-охранительная тенденция. Их авторы отстаивали сословные привилегии в этой области. Сохранить в неприкосновенности исключительное право дворян на офицерские должности

требовали 17 наказов, исключительное право носить шпагу — 18. Неоднократно поднимался вопрос об ордонансе Сегюра 1781 г., постановившем допускать на офицерские должности лишь тех, кого в роду насчитывалось не менее четырех поколений дворянства. Желание сохранить в силе ордонанс 1781 г. было выражено только в трех наказах: Шато-Тьерри, Бюже и Вальроме и Кастра. Принятие этих статей свидетельствовало о преобладании среди участников собраний настроений кастовой исключительности по отношению к аноблированным. Однако такое требование было малопопулярным. Во всех трех случаях оно принималось собраниями в маленьких городах, где отсутствовали парламентские, административные и муниципальные аноблирующие должности и, следовательно, состав дворянского сословия был сравнительно закрытым. Более популярным явилось требование отменить ордонанс 1781 г. и, сохранив исключительное право дворянства на офицерские должности, уравнивать в этом отношении права всех дворян независимо от древности рода. Оно вошло в 15 наказов.

Вместе с тем авторы ряда наказов порывали с традициями сословной исключительности и не рассматривали более военную службу в качестве сословной привилегии дворянства. Не ограничиваясь протестами против ордонанса Сегюра, 8 наказов предлагали предоставить возможность людям из третьего сословия занимать любые военные должности наравне с дворянами.

Традиционно военная служба дворянства рассматривалась как служба королю. Но 8 наказов требовали впредь присягать на верность не только королю, но и нации.

Итак, разбор требований, касавшихся политического устройства Франции, дает основания сделать следующие выводы.

Во-первых, характерной чертой политической программы дворянских наказов 1789 г. была оппозиционность абсолютизму. Она проявилась в требованиях существенно ограничить власть монарха выборным представительным органом в лице Генеральных штатов.

Во-вторых, большинство требований антиабсолютистского характера впервые появилось именно в наказах 1789 г. Вместе с тем некоторые требования встречались уже в дворянских наказах прошлых столетий, т. е. унаследовали традиции дворянской фронды XVI—XVII вв.

В-третьих, значительное место в программе дворянства занимали реформы, направленные на усовершенствование аппарата центральной и местной власти, судебной системы, армии. Проекты реформ были созвучны потребностям времени и в то же время не задевали сословных интересов дворянства.

В-четвертых, по вопросам, которые непосредственным образом затрагивали сословные интересы дворянства, произошел раскол сословия. Большинство составителей наказов отстаивали дворянские привилегии. Меньшая часть дворянства выразила согласие поступиться рядом сословных привилегий и была готова к компромиссу с третьим сословием по политическим вопросам.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Дворяне, составлявшие указы, уделяли исключительно большое внимание провозглашению гражданских прав и свобод. Такие требования встречаются постоянно. Осуждая современный им политический строй за деспотизм и произвол, авторы указов выражали приверженность принципиально новому типу взаимоотношений государственной власти и общества, требовали обязательного соблюдения «священного принципа» свободы личности. Неприкосновенность личной свободы провозглашали 137 указов.

Данные требования дворянства, так же как и его политическую программу, нельзя оценить однозначно. Отчасти они продолжали ту линию протестов против судебного произвола, которая наметилась еще в указах XVII в. и отчетливо прозвучала в требованиях парламентской оппозиции. В середине XVII в., во времена Фронды, парламенты и аристократия в своем протесте против неограниченной власти монарха обратились к идеям суверенности личности. Постановления Палаты Святого Людовика, принятые в разгар Фронды летом 1648 г., в числе первых содержали требования запретить произвольные аресты и заключение в тюрьму без суда и следствия, освободить арестованных без суда, не держать арестованных под стражей свыше 24 часов без допроса и передачи в руки законной судебной власти, отменить практику рассылки королевских писем с печатью (*lettres de cachet*), на основании которых любой подданный мог быть подвергнут тюремному заключению без суда²⁰. Аналогичные требования мы встречаем и в дворянских указах 1789 г.

Предложения обеспечить неприкосновенность личной свободы, продолжавшие парламентско-юридическую традицию, были чрезвычайно распространены, но не всегда последовательны. Авторы некоторых указов в вопросе о гражданских правах и свободах делали существенные уступки старому порядку. В 14 указах одобрялось проявление гражданского беспартийности и произвола властей в абсолютистской Франции, *lettres de cachet*. Составители просили короля не злоупотреблять этой практикой, но все же обращаться к ней по просьбе семьи провинившегося или по решению членов королевского совета. Составители указов 44 раза высказывались фактически за ограничение свободы печати. Они заявляли, что злоупотребления свободой печати могут принести вред нравам, законам и религии. Указ Дурдана требовал в принципе провозгласить свободу печати «с самыми строгими ограничениями... чтобы эта свобода не выродилась в распущенность»²¹. В указе Родеса вообще отвергался сам принцип свободы печати²². Во всех остальных случаях были найдены более гибкие формулировки и авторы не выступали открыто против свободы печати, но говорили о необходимости примирить принцип ее безграничной свободы с сохранением нравов, законов и религии.

вали в равной степени с ней обложить налогом движимую собственность и доходы. С этой же целью в 84 указах было включено требование взимать налог с «капиталистов» и предпринимателей. «Капиталистами» в то время называли финансистов, имущество которых состояло большей частью из денежного капитала и поэтому частично ускользало от налогообложения²⁹. Отдать предпочтение косвенным налогам призывали 6 указов. В данном предложении нет противоречия с отмеченными выше протестами против существовавших косвенных налогов. Авторы возражали против тех косвенных налогов, которые были при старом порядке, требуя заменить их новыми, а также против прежних методов их взимания. Поэтому жалобы на косвенные налоги и статьи в пользу косвенного налогообложения соседствовали в одних и тех же указах. Требование предпочитать косвенные налоги связано со стремлением подвергнуть налогообложению тех, чье имущество состояло в основном из движимой собственности.

В. Я. Хорошун пришел к выводу, что предложенные дворянами финансовые реформы были направлены на защиту интересов дворянского сословия. Дворянство стремилось облегчить налог на земельную собственность, основное свое имущество. Кроме того, уменьшение земельного налога дало бы возможность дворянам в большем объеме собирать повинности с крестьян и плату с арендаторов. Сокращение налога на землю дворяне намеревались компенсировать государству за счет налога на предпринимателей, т. е. на третье сословие. Доказательство своему выводу Хорошун видит в том, что дворянство, требуя упростить налоговую систему, отвергло наиболее простой ее вариант: предложенный физиократами единый земельный налог.

Рассуждение В. Я. Хорошуна вызывает следующие возражения. Хотя земельная собственность и представляла собой основу экономического могущества дворян, все же, как мы отмечали в первой главе, дворянство не было исключительно классом земельных собственников и в XVIII в. значительное место в его имуществе занимала движимая собственность. Не все составители дворянских указов отрицали идею единого земельного налога. Она нашла отражение в 16 указах, предлагавших ввести единый земельный налог, денежный или натуральный, и составить с этой целью земельный кадастр.

Таким образом, для дворянской программы по налоговому вопросу было характерно, во-первых, что некоторые требования перекликались с теми, которые встречались в указах XVI—XVII вв. Это требования об экономии средств государственного бюджета и ослаблении фискального гнета.

Во-вторых, в указах 1789 г. требования подобного типа стали гораздо радикальнее. Дворяне уже не просто жаловались на тяжесть налогов, но требовали установить новые налоги взамен существовавших и изменить порядок их сбора.

В-третьих, в решении вопроса о принципах налогообложения среди дворян не было единства. Часть из них открыто отстаивала

налоговые привилегии дворянского сословия и отдельных провинций. Другие провозглашали принцип податного равенства как между сословиями, так и между провинциями, областями и городами.

В-четвертых, не было единства и в определении объекта налогообложения. Большинство дворян, защищая интересы земельных собственников, требовало перенести значительную часть налогового бремени на доходы предпринимателей. С другой стороны, меньшинство высказывалось за единый земельный налог, освобождающий от налогообложения торговлю и промышленность.

Вопросы экономического развития и предпринимательства в наказах XVII в. либо вовсе не затрагивались, либо трактовались с меркантилистских позиций, в духе господствующей экономической доктрины того времени, а также с позиций защиты феодальной регламентации производства и торговли. Регулирования цен на продукты питания и другие предметы первой необходимости требовали в 1614 г. наказ Пикардии и наказ Шампани и Бри, а наказ Берри предлагал запретить торговлю внутри страны шелковыми тканями нефранцузского производства, «чтобы избежать происходящего в этом случае вывоза денег за пределы Королевства»³⁰. Наказ Труа 1651 г. требовал от государства привлечь иностранных купцов для развития торговли в стране; с этой же целью его составители высказались за установление единства мер и весов. Наказ Гийени 1614 г. в порядке поощрения внутренней торговли предлагал отменить внутренние таможенные барьеры. Два последних требования, строго говоря, не являлись чисто меркантилистскими. От меркантилизма в них была только мысль о развитии торговли как результате государственного вмешательства. Уничтожение внутренних таможен и единство мер и весов были необходимыми условиями свободного развития торговли в стране, поэтому данные требования не противоречили и доктрине свободы торговли.

Особняком стоял наказ бальяжа Мо. В нем наряду с требованиями регламентации торговли и заработной платы в зачаточной форме присутствовали фритредерские идеи. Авторы наказа выступали против предоставления монопольных прав, в особенности на торговлю продуктами питания, и требовали допустить беспрепятственный ввоз в страну любых товаров³¹.

Наказы 1789 г. в целом уделяли больше внимания вопросам развития экономики и предпринимательства. Некоторые из них содержали развернутую экономическую программу, тогда как в XVII в. дворяне ограничивались одним-двумя требованиями. Сказалось то, что дворянство стало включаться в предпринимательскую деятельность. Кроме того, экономическая литература XVIII в., популярность которой отражала растущий в обществе интерес к экономическим вопросам, в свою очередь стимулировала этот интерес в образованных кругах.

Экономическая программа дворянских наказов 1789 г. неоднородна. Одни требования были устремлены в прошлое, другие вы-

званы экономической конъюнктурой конца 80-х годов, третьи отражали насущные потребности буржуазного развития страны. Ряд наказов — их сравнительно немного — содержал статьи в защиту экономических устоев старого порядка с характерными для них регламентацией производства и торговли и остатками децентрализации. Так, авторы 10 наказов требовали сохранить внутренние таможенные барьеры. Все эти указы были поданы от Франш-Конте, Эльзаса и Лотарингии, т. е. от пограничных провинций, обладавших налоговыми привилегиями, в частности освобожденных от уплаты габели. Составителей наказов в данном случае вдохновляла не забота о развитии торговли и предпринимательства во Франции, а заинтересованность в сохранении местных привилегий. В указы Тюля в Лимузене и Нижней Марш вошло требование сохранить ввозные и рыночные пошлины. Наказ Кутанса в Нормандии, требуя упразднить цеховую организацию ремесла, содержал оговорку, что в крупных городах цехи должны быть сохранены. Идея регламентации производства была ярко выражена в наказе сенешальства Ажан (генеральство Бордо). Его авторы требовали ввести запрет основывать мануфактуры без особого разрешения провинциальных штатов, так как рост числа мануфактур, по их мнению, нанес бы ущерб ремеслу и сельскому хозяйству. В 16 наказах, происходивших из самых разных мест (из провинций Лотарингия, Лангедок, Гийень и Гасконь, Фландрия, Орлеане, Иль-де-Фрас, Пикардия, с Корсики), были требования регламентировать хлебную торговлю: регулировать цены и объем вывоза зерна как в другие провинции, так и за пределы страны, создавать в провинциях запасы зерна на случай голода. Эти предложения нельзя оценить однозначно, так как, с одной стороны, они лежали в русле характерной для абсолютизма мелочной опеки и стеснения свободы предпринимательства, но с другой стороны, были продиктованы необходимостью разрешать необычайно остро стоявший в то время продовольственный вопрос. Из памяти современников еще не изгладились события недавнего прошлого, когда в 1775 г. ответом на попытку Тюрго установить свободу хлебной торговли явились народные бунты, получившие красноречивое название «мучной войны». Впоследствии, как известно, это противоречие между необходимостью создать условия для свободного развития торговли и в то же время решать продовольственную проблему стало причиной острой политической борьбы в годы Великой французской революции.

Целый ряд требований экономической программы дворянских наказов 1789 г. имел протекционистский характер. Требования государственных покровительственных мер в отношении ремесла, торговли, мануфактурного производства и сельского хозяйства содержал 41 наказ, из них 6 (наказы северной части Франции) — требование пересмотреть торговый договор с Англией 1786 г. Этот фритредерский договор, значительно снизивший пошлины на ввоз английских товаров, неблагоприятно сказался на состоянии промышленности северной Франции.

Типы экономической программы дворянских наказов 1789 г.

Предложения уничтожить внутренние таможи содержались в 113 наказах, ввести единство мер и весов на всей территории Франции — в 38. Авторы 11 наказов высказались или за полное освобождение промышленности и торговли от налогообложения, или же за сравнительно невысокий налог на доходы предпринимателей. Предложенная мера, с одной стороны, означала государственное покровительство предпринимательству, с другой — она была призвана обеспечить его свободное развитие. Именно так ее и рассматривали фритредеры XVIII в., что нашло отражение в теории единого земельного налога Кенэ и других физиократов. Авторы 12 наказов требовали узаконить денежную ссуду, но при этом ограничить ставку 4—5%, что означало допущение свободы финансовой деятельности при частичном сохранении регламентации.

В ряде наказов 1789 г. были статьи фритредерского характера. Они свидетельствовали о популярности в дворянской среде идей школы физиократов. В 35 наказах содержалось требование обеспечить свободу предпринимательства. В большинстве случаев речь шла о свободе торговли, в частности хлебной. Особенно широко сформулирован принцип свободы предпринимательства в наказе бальяжа Мант, где заявлено, что законы должны обеспечить гражданам «естественную свободу трудиться, выбирать себе место жительства, покупать или продавать»³². Отмены стеснявших развитие предпринимательства исключительных привилегий и монополий требовали 69 наказов, уничтожения цеховой системы организации ремесла и торговли и связанных с ней цеховых регламентов — 21 наказ, отмены рыночных пошлин — 19. Авторы 30 наказов предлагали узаконить ссуду и не требовали при этом регламентировать в административном порядке процентную ставку.

К статьям фритредерского типа относились также упоминавшиеся выше требования отменить дорожные пошлины и взимаемые с мануфактурной продукции из кожи, золота и серебра косвенные налоги (droit de contrôle, droit de l'industrie и др.).

Часть требований экономической программы касалась развития сельского хозяйства и сельскохозяйственного предпринимательства. Статьи с предложениями протекционистских мер зачастую имели в виду покровительство не только торговле, ремеслу и мануфактурному производству, но и сельскому хозяйству. Во многих наказах заходила речь о создании благоприятных условий для предпринимательства в этой сфере экономики. Авторы заботились о развитии долгосрочной аренды, которая была необходимой предпосылкой создания крупных, капиталистических ферм. В 24 наказах дворяне требовали обеспечить стабильность арендных договоров в случае перехода собственности на землю в другие руки. Проблеме общинных сервитутов в дворянских наказах уделено мало внимания. Их отмены требовали только 6 документов, причем 5 из них происходили из экономически передового района Парижского бассейна и Пикардии (наказы Манта, Монфора-

Центры генеральств	Избирательные округа, от которых были поданы указы			
	протекционистские	фритредерские	смешанные	не содержащие экономической программы
Париж		Провен Париж (город) Мант Санлис Немур	Саяс Париж «за стенами» Бове Мо Мелен Монфор-л'Амори	
Суассон		Шато-Тьерри Клермон-ан-Бовези Крепи-ан-Валуа	Вермандуа	Вилле-Коттре
Шалон	Труа	Шомон-ан-Бассиньи Витри-ле-Франсуа	Шалон-сюр-Марн Реймс Сезанн	
Орлеан		Блва Дурдан Орлеан	Шартр Монтаржи	Жьен Вандом
Алансон		Шатонейф-ан-Тимре Перш	Алансон	
Кан			Кан Кутанс	
Руан	Ко	Руан	Шомон-ан-Вексен Эвре	
Амьен	Амьен	Понтье Булонне	Кале Монтрей-сюр-Мер Перонн Сен-Кантен	
Лилль	Дуэ	Артуа	Лилль Байель	
Валансьенн		Камбрези	Кенуа Авен	
Мец		Верден Сарлуи	Мец Тьонвиль Тул Вик Моон Лонгви	

Центры генеральств	Избирательные округа, от которых были поданы наказы			
	протекционистские	фритредерские	смешанные	не содержащие экономической программы
Нанси	Мирекур	Брие Люневиль Номени Саргемин	Сен-Мийель Этен Нанси Ликсайм Фенестранж Бузонвиль Бурмон Брюйер Лонгийон Дъез Вилье-ла-Монтань Бар-ле-Дюк	Понт-а-Муссон Розьер Шатель-сюр-Мозель
Страсбург	Кольмар			
Безансон			Аваль Доль	Амон Безансон
Дижон		Отен Шалон-сюр-Сон Монтань Шароль Оксер Макон Треву	Семюр-ан-Оксуа Бар-сюр-Сен Бурк-ан-Брес	Дижон Жекс
Лион		Вильфранш-де-Божоле Форез	Лион	
Гренобль			Дофине	
Ла Рошель		Сент	Ла Рошель	
Пуатье		Шательро	Монтегю Пуату	
Тур		Сомюр Мэн	Турень Анжу	Луден
Бурж	Берри			
Мулен		Ниверне Бурбонне	Верхняя Марш	Сен-Пьер-ле-Мутье

Центры генеральств	Избирательные округа, от которых были поданы наказы			
	протекционистские	фритредерские	смешанные	не содержащие экономической программы
Лимож	Нижняя Марш Лимож Ангулем		Тюль	
Риом		Сен-Флур	Риом Клермон-Ферран	
Бордо		Кондом Перигор Базас Кастельморон	Гийень Ажан Дакс Байонна Лабур	Гартас Альбре Либури
Ош		Памье	Ош Арманьяк Комменж Ривьер-Верден Суть Беарн	
Монтобан		Родез	Керси Вильфранш-де-Руэрг	
Тулуза		Тулуза Каркассон Кастр	Лиму Кастельнодари	
Монпелье	Ним Безье	Вильнев-де-Берг	Манд Монпелье	Анноне
Перпиньян		Перпиньян		
Экс		Систерон	Экс Арль Марсель Форкалькье	Динь
Корсика	Корсика			
Всего:	13	54	81	17

л'Амори, Клермона-ан-Бовези, Перонна и Булонне). По вызывавшему в предреволюционные десятилетия оживленные споры вопросу об общинных землях среди дворянства не было единой позиции: 24 наказа требовали их разделить, 6 — сохранить. Наказы Кана и Фенестранжа содержали то и другое требование. Дворяне Кана предлагали передать окончательное решение этого вопроса на усмотрение самих общин. В наказе Фенестранжа, составленном совместно тремя сословиями, предлагалось подвергнуть разделу естественные луга и оставить в общинном пользовании остальные угодья.

Экономические требования дворян, как мы видим, были крайне разнообразны. Наказы можно разделить на 4 группы в зависимости от изложенной в них экономической программы: 1) документы, в которых представлена экономическая программа преимущественно протекционистского типа, предусматривавшая частичное сохранение регламентации; 2) фритредерские указы, провозглашавшие принцип свободы предпринимательства и требовавшие обеспечить ее, отменить привилегии, монополии, цеховую систему, рыночные и дорожные пошлины, налоги с мануфактурной продукции; 3) указы, содержавшие как протекционистские, так и фритредерские статьи без явного преобладания той или иной тенденции; 4) указы, не содержавшие экономической программы.

Подавляющее большинство дворянских указов 1789 г. (148 из 165) содержали предложения экономических реформ, направленных на создание благоприятных условий для развития предпринимательства. Сторонники последовательного протекционизма были в явном меньшинстве (13 указов). Гораздо большее число указов (54) под влиянием передовой экономической мысли XVIII в. осуждали стеснительную абсолютистскую регламентацию и выдвигали фритредерские требования. В 81 указе проявилось стремление сочетать экономическую свободу с государственным поощрением и регулированием. Такое соотношение разных типов экономической программы было характерно в 1789 г. не только для дворянских указов. У третьего сословия также в значительной части указов сочетались протекционистские и фритредерские требования³³.

НАКАЗЫ О РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

В указах XVI и XVII вв. видное место занимали статьи, посвященные религии, церкви и духовенству. Обычно они открывали текст указа и составляли один из самых пространственных его разделов. Таких разделов не было лишь в наказе Прованса 1614 г. и сводном дворянском наказе 1652 г., все требования которых касались исключительно дворянского сословия. Статьи, посвященные религии и церкви, делились на два типа. Одни из них выражали приверженность католической религии и

заботу о ее безраздельном господстве. Другие касались церкви как социального института, ее внутреннего устройства и положения различных категорий духовенства.

Наказы Нормандии, Орлеана, Берри, Лионне, Иль-де-Франса, Мо, Пикардии и Шампани 1614 г. были отмечены духом религиозного фанатизма. Они требовали мер против еретиков, т. е. протестантов, наказаний за богохульство. «Религия есть главная опора всех держав и монархий», — писали дворяне Мо³⁴. «Набожность есть основа Государства», — вторило им дворянство Лионне³⁵.

В указах 1789 г. статьи, посвященные религии и церкви, занимали значительно меньшее место, чем в указах XVII в. Статьи в защиту религии в большинстве указов отсутствовали. Как правило, речь шла только о церкви как о социальном институте и о положении духовенства.

Статьи в защиту католицизма как господствующей религии в стране имелись в 13 указах 1789 г. Еще 13 указов призывали восстановить должное уважение к религии для улучшения нравов. Вот характерные отрывки из наиболее прокатолических указов 1789 г. Наказ Булонне: «Жители Булонне заявляют, что они желают жить и умереть в католической, апостольской, римской вере, которая будет сохраняться во всем королевстве; но так как не все подданные короля имеют счастье принадлежать к этой вере, жители Булонне разрешают своим депутатам одобрить как гражданскую, так и религиозную терпимость, но лишь в такой мере, чтобы она не нанесла ущерба ни догмам, ни культу, которые мы имеем счастье исповедовать»³⁶. Наказ Дижона: дворяне требуют провозгласить «право нации определить национальную религию, единственно располагающую возможностью публичного отправления культа. Таковой должна быть христианская религия католической, апостольской и римской веры»³⁷. Ни в одном из указов не было оскорбительных отзывов о протестантах, тем более требований преследовать их. Отсутствовали и требования наказаний за богохульство.

Некоторые из статей, посвященных церковной организации и духовенству, продолжали традиции указов XVII в. Так, 63 указа, следуя галликанской традиции, требовали независимости французской церкви от папского престола в вопросах назначения на церковные должности, финансов и дисциплины духовенства. Авторы указов считали, что надо отменить заключенный в начале XVI в. конкордат с папой, согласно которому все, кто получал церковные бенефиции, обязаны были послать в Рим денежный взнос в размере годового дохода с бенефиция (annate). Эти деньги предлагалось расходовать на нужды французской церкви и благотворительности. Составители 83 указов выступили за принятие мер, направленных на улучшение материального положения низшего духовенства, кюре и викариев. Ограничить богатства высшего духовенства (сократить их доходы, разрешить им получать не более одной доходной церковной должности, принять

за правило обязательное проживание епископа в своей епархии, а аббата — в своем монастыре и т. д.) требовали 89 наказов. За счет более равномерного распределения доходов церкви предлагалось увеличить дотации кюре и викариям. Авторы 37 наказов писали, что следует сократить число монастырей и монашеских орденов, ликвидировав те, которые пришли в упадок, и использовать изъятые таким образом у церкви имущества для организации школ, больниц, приютов.

Все эти требования были еще в наказах XVII в. Но теперь появились и новые. Некоторые из них смело вторгались в область церковной догматики и культа. Под влиянием популярных идей просветителей, в частности Вольтера, 18 наказов предлагали сократить число праздников или перенести все праздники на воскресенье. В ущерб идейному влиянию католической церкви шло и повторявшееся в 29 наказах требование гражданского равноправия не католиков на всей территории страны. Был предложен ряд довольно радикальных реформ, нацеленных на ограничение экономического и социального могущества католической церкви. В 34 наказах дворяне поставили вопрос о задолженности духовенства государству. Долг образовался в результате того, что духовенство свой ежегодный так называемый «безвозмездный дар» («don gratuit») в казну приносило не за счет доходов, а при помощи займов. Задолженность по займам оно не торопилось ликвидировать. Авторы наказов не всегда определяли порядок ее погашения, оставляя этот вопрос на усмотрение Генеральных штатов. 19 наказов решительно требовали от духовенства выплаты всей суммы долга по займам и предлагали начать с этой целью продажу церковных имуществ; 16 наказов предлагали уменьшить размеры или организовать выкуп церковной десятины; 7 наказов содержали проект коренной реорганизации сословной структуры общества в ущерб духовенству как первому привилегированному сословию Франции. Предлагалось упразднить духовенство как сословие и считать священников в зависимости от происхождения либо дворянами, либо недворянами.

Рассмотрев требования наказов 1789 г., посвященные вопросам религии и церкви, и сравнив их с аналогичными требованиями наказов XVII в., можно сделать следующие выводы: 1. В наказах 1789 г. этим вопросам придавалось меньше значения, чем раньше. 2. Особенно мало внимания уделялось проблемам религии. 3. В большинстве наказов церковь рассматривалась только как социальный институт и духовенство как одна из социальных групп, не возвышающаяся над другими. 4. Большинство требований, относившихся к церкви и духовенству, было направлено на ограничение могущества католической церкви. 5. В ряде этих требований отчетливо прослеживался утилитаристский подход к церковным делам: уменьшить количество церковных праздников предлагалось ради увеличения числа рабочих дней; требование продать часть церковных имуществ в счет выплаты долга обосновывалось тяжелым финансовым положением государства.

Сказанное не означает, что на исходе старого порядка дворяне в массе своей не были религиозны в отличие от дворян XVII в. Но сама религиозность их качественно изменилась. Наказы 1789 г. отразили тот уровень развития массового сознания, когда уже произошла его дифференциация и политическое сознание отделилось от религиозного. В наказе депутатам Генеральных штатов, где речь, по замыслу составителей, должна была идти о социально-политическом устройстве и переустройстве Франции, рассуждения о сугубо религиозных вопросах в глазах человека XVIII в. выглядели уже неуместными «Богово» и «кесарево» четко разделялись. Религия стала восприниматься как частное дело, не подлежащее государственной регламентации. Другого подхода заслуживала церковь. Это социальный институт и в качестве такового она рассматривалась в наказах. Причем рассматривалась сквозь призму решения общегосударственных, а не внутрицерковных задач. Кульминацией стремления поставить церковь на службу государству, отчетливо прозвучавшего в наказах 1789 г., станет в годы революции попытка гражданского устройства духовенства.

* * *

Рассмотренные нами требования дворянства свидетельствуют о том, что к весне 1789 г. французский абсолютизм лишился опоры в высшем сословии Франции, во всяком случае в большей части его. Это явилось выражением кризиса «верхов» накануне Великой французской революции. Разочарование в абсолютизме было настолько глубоким, что даже разразившаяся революция не заставила дворян повернуть к его поддержке. Дворянство оставалось безусловно роялистским, и дворянская контрреволюция по своим политическим устремлениям была роялистской, но при этом дворяне не выступали за восстановление именно абсолютизма как государственной системы. Внутри дворянской контрреволюции проабсолютистское течение было выражено крайне слабо. Преобладали же сторонники королевской власти, ограниченной каким-либо институтом типа Генеральных штатов, организованным так, чтобы он в первую очередь представлял интересы дворянства³⁸

Но при объединяющей дворянство оппозиции абсолютизму налицо было размежевание внутри сословия по отношению ко всей социально-политической системе старого порядка. Программу большинства наказов можно охарактеризовать как консервативно-реформистскую. В них антиабсолютистские реформы государственного и общественного устройства (ограничение власти короля Генеральными штатами, защита прав граждан) сочетались с защитой господствующего социального положения дворянства. Сословно-охранительная тенденция отчетливо проступала в отстаивании посословного голосования в Генеральных штатах, важнейших дворянских привилегий, в том числе должностных, а иног-

ное представительство третьего сословия в Генеральных штатах. Некоторые указы содержали уступки абсолютизму: провозглашали короля единственным носителем законодательной власти, не проявляли последовательности в требовании гражданских прав и свобод, требовали ограничить свободу печати, сохранить *lettres de cachet*. Встречалась в указах защита привилегий парламентской аристократии: права парламентов вносить поправки в законопроект и откладывать принятие закона, практики продажи и наследования должностей. Авторы ряда указов отстаивали провинциальные традиции и провинциальную автономию, предусматривавшую переход власти на местах к сословно-представительным органам. Отдельные авторы проявляли заботу о поддержании влияния религии. Мы насчитали 121 консервативно-реформистский указ. Правда, даже внутри этой группы указы неоднородны. На крайнем правом полюсе — 28 указов, в которых наиболее полно выражена сословно-консервативная программа. Их авторы проявили особую непреклонность в защите дворянских привилегий, включая и налоговые, протестовали против двойного представительства третьего сословия в Генеральных штатах. Но большинство составителей вынуждены были согласиться на отдельные уступки, например отказаться от налоговых привилегий. Особняком стоял указ Жекса. Его авторы были целиком поглощены местными делами и защитой местных привилегий. Этот указ не требовал ограничения королевской власти на общенациональном уровне.

В 17 указах преобладала либерально-реформистская направленность. Их авторы критиковали абсолютизм с позиций, близких к буржуазному либерализму. Они принимали те требования, которые весной 1789 г. выдвинуло третье сословие: поименное голосование в Генеральных штатах; ликвидация финансовых, должностных и судебных сословных привилегий; ограничение, отмена или выкуп некоторых крестьянских повинностей и др.

В 27 указах тенденции либерального реформаторства и сословного консерватизма примерно уравновесились. В одних не было четких ответов на спорные вопросы о способе голосования в Генеральных штатах, об отмене или сохранении привилегий дворянства. В других по преимуществу консервативное решение некоторых подобных вопросов сочеталось с готовностью пойти на уступки, например в ограничении сеньериальных прав. Указ бальяжа Амон (генеральство Безансона) состоял из двух частей: составленной только дворянством и общей от трех сословий. В собственно дворянской части авторы выступали с жестких сословно-консервативных позиций и протестовали против двойного представительства третьего сословия в Генеральных штатах. Указ содержал защиту законодательных полномочий парламентов, провинциальных привилегий и католицизма как господствующей религии. В той части, которая составлена от имени всех сословий бальяжа, авторы выдвинули требования поименного голосо-

вания в Генеральных штатах, отмены должностных сословных привилегий и допущения представителей третьего сословия на офицерские должности, равенства в наказаниях за преступления для представителей разных сословий. Из-за этих противоречий мы относим указ к категории смешанных.

Наши выводы решительно расходятся с уже упоминавшимися выше выводами изучавшего указы современного французского историка Г. Шоссинан-Ногаре³⁹. С его точки зрения, социально-политическую программу всех дворянских указов в их совокупности можно охарактеризовать как передовую, либеральную. «Дворянство, — пишет Г. Шоссинан-Ногаре, — поставило под вопрос всю без ограничений систему политического, экономического и социального устройства старого порядка. Дворяне были не хранителями прошлого, а скорее иконоборцами»⁴⁰. Он приходит к заключению, что «сословному обществу, в котором каждое сословие... отделено особой системой привилегий, обязанностей и прав, дворянство противопоставило индивидуалистское общество, в котором каждый подчиняется одним и тем же законам и пользуется одними и теми же правами»⁴¹. Такие выводы, на наш взгляд, являются результатом одностороннего подхода к оценке содержания указов. Для Г. Шоссинан-Ногаре существует единственный критерий: отношение авторов указов к абсолютной монархии. Но недовольство абсолютизмом весной 1789 г. было почти всеобщим. Абсолютизм подвергался нападкам с разных сторон. Для того чтобы оценить направленность социально-политической программы дворянства при таких обстоятельствах, надо определить, с каких позиций она противостояла абсолютизму. Либеральными, лежащими в русле программы третьего сословия, следует признать те указы, программа которых была оппозиционна по отношению не только к абсолютной монархии, но и ко всему социально-политическому строю старого порядка, основанному на гражданском неравенстве и сословных привилегиях. При этом необходимо иметь в виду, что на отдельные уступки в вопросе о сословных привилегиях вынуждено было пойти большинство дворянства. Отказ от налоговых привилегий — яркий тому пример. В период революционной ситуации во Франции открыто защищать их редко решались даже самые ярые сторонники сохранения сословного неравенства. Принципиальное размежевание внутри дворянства на упорствующее в защите сословного строя и дворянской исключительности консервативное большинство и готовое к компромиссу с третьим сословием либеральное меньшинство произошло по вопросу о политических привилегиях дворян, т. е. о таких привилегиях, которые юридически закрепляли положение дворянства как политически господствующего сословия. Имеются в виду разногласия о способе голосования в Генеральных штатах, о доступе третьего сословия к государственным, военным, судебным и иным должностям.

Территориальное распределение указов различной социально-политической направленности демонстрирует помещенная перед

Типы социально-политической программы дворянских наказов 1789 г. в зависимости от преобладающего в них типа требований

Таблица 3

Центры генеральств	Избирательные округа, от которых были поданы наказы		
	консервативно реформистские	либерально реформистские	смешанные
Париж	Санс Париж Париж «за стенами» Мо	Мант Морфор-л'Амори Санлис Немур	Провен Бове Мелен
Суассон	Шато-Тьерри Крепи-ан-Валуа Вермандуа Вилле-Коттре	Клермон-ан-Бовези	
Шалон	Шалон-сюр-Марн Шомон-ан-Бассиньи Реймс Сезанн Труа Витри-ле-Франсуа		
Орлеан	Жьен Монтаржи		Блуа Шартр Дурдан Орлеан Вандом
Алансон	Алансон Перш	Шагонеф-ан-Тимре	
Кан	Кан Кутанс		
Руан	Ко Шомон-ан-Вексен Эвре Руан		
Амьен	Понтье Булонне	Кале Монтрей Перонн	Амьен Сен-Кантен
Лилль	Дуэ Лилль Артуа Байель		

Центры генеральств	Избирательные округа, от которых были поданы наказы		
	консервативно реформистские	либерально реформистские	смешанные
Валансьенн	Кенуа Авен Камбрези		
Мец	Тьонвиль Туль Вик Верден Лонгви Сарлуи	Морон	Мец
Нанси	Понт-а-Муссон Этен Брие Нанси Люневиль Номени Мирекур Ликсайм Бузонвиль Бурмон Шатель-сюр-Мозель Лонгийон Дьез Бар-ле-Дюк	Саргемин	Сен-Мийель Розьер Фенестранж Бройер Вилье-ла-Монтань
Страсбург	Кольмар		
Безансон	Аваль Безансон	Доль	Амон
Дижон	Отен Шалон-сюр-Сон Семюр-ан-Оксуа Монтань Оксер Бар-сюр-Сен Бюже и Вальроме Дижон Макон Жекс Треву		Шароль Бурк-ан-Брес
Лион	Лион Вильфранш-де-Божоле		Форез
Гренобль		Дофине	
Ла Рошель	Сент Ла Рошель		

Центры генеральств	Избирательные округа, от которых были поданы наказания:		
	консервативно-реформистские	либерально-реформистские	смешанные
Пуатье	Монтегю <i>Пуату</i> <i>Шательро</i>		
Тур	Турень Луден Сомюр Анжу		Мэн
Бурж	Берри		
Мулен	Ниверне Верхняя Марш <i>Бурбонне</i>		Сен-Пьер-ле-Мутье
Лимож	<i>Тюль</i> Нижняя Марш <i>Лимож</i> <i>Ангулем</i>		
Рюм	<i>Рюм</i> <i>Клермон-Ферран</i> <i>Сен-Флур</i>		
Бордо	Гийень <i>Кондом</i> Перигор Базас <i>Тартас</i> Альбре Дакс Кастельморон Либури Лабур		Ажан Байонна
Ош	Ош <i>Арманьяк</i> Комменж Ривьер-Верден Суль Памье		Беарн
Монтобан	Керси Родез <i>Вильфранш-де-Руэре</i>		

Центры генеральств	Избирательные округа, от которых были поданы наказания:		
	консервативно-реформистские	либерально-реформистские	смешанные
Тулуза	<i>Лиму</i> <i>Тулуза</i> <i>Каркассон</i> <i>Кастельнодари</i> <i>Кастр</i>		
Монпелье	Монпелье Ним Вильнев-де-Берг Анноне Безье		<i>Манн</i>
Перпиньян	Перпиньян		
Экс	Динь	<i>Экс</i> Арль Марсель <i>Форкалькье</i>	Систерон
Корсика	Корсика		
Всего:	121	17	27

Примечание. Курсивом выделены наказания, в которых наиболее последовательно защищались сословные привилегии дворянства.

текстом главы карта. На ней условной штриховкой обозначены территории, от которых были поданы наказания того или иного типа. Границы самих баляжей и сенешальств — тех округов, от которых посылались наказания в Генеральные штаты, — на ней не указаны, так как карта мелкомасштабная, а округов было свыше двухсот. По карте видно, что географически консервативные наказания были сравнительно равномерно рассредоточены по всей территории Франции. Наказания, наиболее последовательно выражавшие сословно-консервативную программу дворянства, отличались «провинциальностью». Ни один из них не происходил из Парижского бассейна. Они были поданы главным образом от баляжей и сенешальств Нормандии, западных провинций и Центрального массива. Либеральные наказания сосредоточены в Парижском бассейне и на юго-востоке (Прованс и Дофине). Глядя на карту, надо иметь в виду, что величина заштрихованных территорий зависит не только от количества наказов той или иной направленности, но и от размеров баляжей и сенешальств, которые очень сильно различались.

фине стала итогом союза дворянства этой провинции с третьим сословием, сложившегося в ходе политического кризиса 1787—1788 гг.⁴⁴ Формированию либеральных требований дворянства способствовало также воздействие идеологии и культуры Просвещения при посредстве либерально-буржуазных по своей сути идей и ценностей. Сосредоточение либеральных наказов наблюдалось вокруг Парижа, главного очага просветительской культуры. Вспомним, что там же, как было показано в предыдущей главе, встречалось очень много просветительно-рационалистских наказов

Имелась ли связь между социально-политической и экономической программами наказов? В Парижском бассейне и северной Франции наказания, не содержавшие экономической программы, были особенно малочисленны. Этот регион отличался преобладанием наказов фритредерских и сочетавших фритредерские и протекционистские требования. Таким образом, район скопления либеральных наказов был и районом наибольшего преобладания наказов с передовой экономической программой.

Таблица 4

Соотношение между социально-политической и экономической дворянскими программами (по числу наказов 1789 г.)

Экономические программы	Социально политические программы			
	консервативно-реформистская	либерально-реформистская	смешанная	всего
Протекционистская	12	—	1	13
Фритредерская	40	6	8	54
Фритредерско-протекционистская	58	11	14	81
Наказы без экономической программы	13	—	4	17
Всего:	121	17	27	165

Подсчеты показывают, что не было жесткой зависимости между социально-политическими и экономическими программами наказов. Каждый тип экономической программы мог сочетаться с разными типами социально-политической программы и наоборот.

Вместе с тем передовые в политическом плане либерально-реформистские наказания обязательно содержали экономическую программу, причем с отчетливо выраженной фритредерской направленностью. Ни в одном либеральном наказе не было сугубо протекционистской программы. Также не имелось ни одного либе-

рального наказа, в котором отсутствовали бы экономические требования

Таким образом, передовая социально-политическая программа выразилась в наказах, содержащих наиболее передовые типы экономической программы

В предыдущей главе были выявлены отраженные в наказах типы социально-политического мышления — просветительно-рационалистский и традиционалистский — и было показано, как они представлены в дворянских наказах. Рассмотрим теперь, насколько связаны эти типы мышления с избранной авторами наказов позицией в решении конкретных социально-политических вопросов.

Таблица 5

Соотношение между позициями в решении конкретных социально-политических вопросов и типами социально-политического мышления (по числу дворянских наказов 1789 г.)

Социально-политическое мышление	Социально политическая позиция в решении конкретных вопросов			Всего наказов
	консервативно-реформистская	либерально-реформистская	смешанная	
Традиционалистское	23	4	4	28
Просветительно-рационалистское	17	8	4	29
Неявно выраженное	81	8	19	108
Всего:	121	17	27	165

Просветительно-рационалистские представления и ценности присутствовали в наказах с преобладанием различных тенденций в решении конкретных социально-политических вопросов. Стереотипы социально-политического мышления, свойственные просветительскому рационализму, отражали уровень представлений об обществе, достигнутый наукой и общественной мыслью XVIII в. На почве этих представлений формировались социально-политические устремления различной ориентации. Вместе с тем удельный вес наказов, принадлежавших к просветительно-рационалистскому типу политической культуры, был особенно велик среди либеральных наказов (47%), тогда как среди консервативных он составлял лишь 14%.

Традиционалистская политическая культура была связана с консервативными социально-политическими устремлениями. Лишь в единственном наказе бальяжа Монтрей принятие существенно либерального требования поименного голосования в Генераль-

Несомненный научный интерес представляет следующая проблема: какими факторами определялось преобладание в наказах консервативной или либеральной тенденции в решении социально-политических вопросов? Дело в том, что эта проблема является частью другой, более широкой: чем был вызван политический раскол дворянства в начале революции, был ли он обусловлен социально-экономическими факторами? Давая характеристику дворянскому сословию, мы отмечали, что со всех точек зрения — сословно-юридической, классовой, имущественной, профессиональной — дворянство не было единым. Прослеживается ли зависимость между этими различиями и ясно видимым из наказов идейно-политическим размежеванием дворянства? Историки уже задавались подобным вопросом. А. Матъез считал, что либеральные идеи находили отклик преимущественно у аноблированных и обедневшего дворянства. По мнению Ф. Саньяка, дворянство разделилось по возрастному признаку: консервативным старикам противостояли молодые либералы, воспитанные веком Промышленной революции. А. Собуль видел причины раскола в его классовом расхождении. Конфликт между консерваторами и либералами отражал, с его точки зрения, коренное расхождение интересов феодального и обуржуазившегося дворянства.

Эти выводы носят преимущественно умозрительный характер, однако некоторые историки пытались специально изучить вопрос об истоках идейно-политического раскола дворянства, используя различные документы. Современные американские исследователи Дж. Мэрфи и П. Хигоннет проанализировали в духе работ школы Л. Нэмира биографии депутатов-дворян из консервативной и либеральной фракций в Генеральных штатах, а затем в Учредительном собрании. Авторы пришли к выводу, что фракционная принадлежность депутатов определялась уровнем культуры, возрастом (депутаты-либералы были моложе), тем, что либералы много путешествовали, бывали в Англии и Америке, а консерваторы за границу ездили мало и в основном в Восточную Европу. Главным же, по мнению авторов, является то, что либералы были, как правило, городскими жителями, а консерваторы жили в деревне⁴².

Французский историк-марксист К. Мазорик изучал политические позиции дворянства Руана в начале революции и, опираясь на сведения о социальном, имущественном и профессиональном статусе дворян, присутствовавших на собрании Руанского баляжа в апреле 1789 г., и на декларации о доходах дворян Руана за 1790 г., сделал вывод об отсутствии корреляции между социально-экономическим обликом и политической позицией различных фракций дворянского сословия. Причины раскола дворянства, по его мнению, находились в политической сфере. В период социально-политических катаклизмов, считает К. Мазорик, дворянство искало способы сохранить свое высокое социальное положение, и в этих поисках отдельные его группы шли разными путями⁴³.

Что может нам дать изучение дворянских наказов для решения данной проблемы? Прежде всего следует подчеркнуть, что отдельно взятый наказ не содержит последовательной, однородной и непротиворечивой программы. Окончательные варианты текстов рождались в острейшей борьбе мнений. В каждом документе соседствуют консервативные и либеральные требования. Так, мы видели, что в большинстве наказов возобладала готовность к компромиссу в вопросе об отмене налоговых привилегий и в то же время опять-таки в большинстве наказов отражено непреклонное намерение сохранить посословную процедуру голосования в Генеральных штатах. На собрании в каждом округе шла борьба между консервативной и либеральной фракцией. От исхода этой борьбы и зависело в конечном счете преобладание в наказах консервативной или либеральной тенденции. Таким образом, в каждом конкретном случае результат зависел от сочетания многих факторов: состава участников, их активности, красноречия. Большое влияние мог оказать личный авторитет кого-либо из присутствовавших, как это произошло, например, в баляже Мант. Но в целом в распределении наказов можно проследить некоторые закономерности.

Консервативные наказания преобладали в центральных провинциях, т. е. там, где дворянство и в социально-классовом отношении было наиболее архаичным. Именно в этих местах в наибольшей степени сохранялся феодальный характер дворянской собственности. Наоборот, либерально-реформистские наказания часто встречаются в передовых районах, таких, как Парижский бассейн, где дворянство активно втягивалось в развитие капиталистических отношений. Но означает ли это, что утверждение буржуазных отношений, падение роли феодальных платежей и обуржуазивание части дворянства способствовали здесь распространению среди части дворян готовности к политическому компромиссу с имущей верхушкой третьего сословия? Думается, что это верно на уровне самого общего объяснения. Действительно, социально-классовая неоднородность дворянства являлась предпосылкой его идейно-политического размежевания в том смысле, что она препятствовала выработке общей платформы и поведения. Однако не представляется возможным в каждом конкретном случае преобладание консервативной или либеральной тенденции в наказах дворян того или иного региона объяснить социально-классовыми причинами. Например, в данную схему не укладываются консервативные наказания нормандского дворянства. С точки зрения характера дворянской собственности этот район был близок к Иль-де-Франсу и Пикардии. Так что причины следует искать в иной сфере. Может быть, реакцией на тяжесть налогового бремени в этой провинции и явилась апелляция к провинциальным и сословным привилегиям.

На социально-политическое содержание наказов повлияли и особенности политической борьбы в провинциях в предшествующие годы. Так, либерально-реформистская программа наказа До-

ных штатах выступало в сочетании с традиционалистским построением наказа в форме просьб к королю и с пространными заверениями в вассальной преданности августейшей королевской особе.

Дворянство как просвещенный социальный слой, было восприимчиво к распространявшемуся рационалистскому взгляду на общество. Идеи естественного права, суверенитета нации и общественного договора подчас использовались им для защиты своих привилегий. Немногие были в состоянии в противовес абсолютизму выдвинуть программу не традиционной сословной, а либеральной конституционной монархии, приблизиться к идее гражданского равенства, согласиться пожертвовать рядом важнейших привилегий, на которых зиждилось исключительное социальное положение дворянства. Сделавшие этот важный шаг дворяне-либералы, несмотря на возможную ностальгию по «славному прошлому» дворянства, сумели увидеть неизбежное будущее своего сословия на пути компромисса и объединения с верхушкой третьего сословия в открытую элиту богатых, образованных и имеющих доступ к рычагам политической власти нотаблей, элиту, не обладающую особым зафиксированным правовым статусом. В 1788—1789 гг. дворяне-либералы — среди них были Мирабо, Лафайет, Ламеты и другие будущие участники революции — поддержали требования третьего сословия о гражданском равенстве и уничтожении противоречивших «естественным правам» человека сословных различий. Один из дворян-либералов — К.-Г. де Ламуаньон де Мальзерб дал принципиальную критику учения Монтескье о «промежуточных властях». В целом он высоко ценил Монтескье как политического мыслителя и ставил его выше Вольтера. Однако в учении о «промежуточных властях», по мнению Мальзерба, Монтескье продемонстрировал свои дворянские предрассудки и по существу защищал сословные прерогативы, которые на деле только усиливали деспотизм и угнетение нации⁴⁵.

Большинство же дворянского сословия Франции, как свидетельствовала его социально-политическая программа, в тот период не проявило политической гибкости. Негибкость позиции дворянства формировалась самой четкой сословной структурой феодальной Франции. Социальное положение второго сословия, выделенного своими привилегиями и высоко вознесенного над простолюдными, воспитало в нем враждебность идее компромисса. Уступка третьему сословию по вопросу о налоговых привилегиях явилась, пожалуй, единственным положительным ответом на требования последнего. Подавляющее большинство дворян осознано необходимость уступить лишь в том, чего третье сословие уже давно и настойчиво добивалось. Что же касается других привилегий, в первую очередь посословного голосования в Генеральных штатах, то вопрос об их отмене выдвинулся в центр политической борьбы позднее, с началом избирательной кампании. В то время немногие из составлявших наказа дворян сознавали неизбежность этой и других важных политических уступок. Пре-

имущественно негативным было в то время отношение дворян к изменениям, затрагивавшим феодально-сенъериальный комплекс. Вопрос о них уже неоднократно ставился в 70—80-е годы. Так, под влиянием Тюрго появилась брошюра чиновника генерального контроля П. Ф. Бонсерфа «О неудобствах феодальных прав». В феврале 1776 г. ее публично сожгли по приговору Парижского парламента. Позднее Неккер отменил серваж в королевских имениях и призвал сеньеров последовать этому примеру. Положительной реакции с их стороны, однако, не было. Наказы 1789 г. свидетельствуют о том, что эта негативная позиция в отношении упразднения или существенного ослабления феодально-сенъериального комплекса сохранялась и в преддверии революции.

Таким образом, в ходе предвыборной кампании подавляющее большинство французского дворянства выступило за политические реформы. Старый порядок в той или иной степени вызывал недовольство. Но что должно было прийти ему на смену? Мнения дворян по этому вопросу разделились самым решительным образом. Одни с еще большим упорством отстаивали сословные привилегии, другие признавали необходимость некоторых серьезных уступок, но не желали удовлетворить программные требования третьего сословия 1789 г., в частности отвергали идею поименного голосования, третьи готовы были взять за образец английский путь дворянско-буржуазного компромисса. Дворян объединяло одно: стремление на пороге больших перемен обеспечить себе будущее, не утратить позиций, сохранить господствующее положение в обществе. Каким путем этого достигнуть? Готовых рецептов не было, ответы приходилось искать в быстро меняющейся обстановке предреволюционной, а затем и революционной Франции. И ответы нашлись разные, да и вряд ли можно было ожидать какой-то общей, объединяющей все сословие политической платформы от расколотого многочисленными внутрисословными различиями и противоречиями дворянства.

¹ Archives parlementaires de 1787 à 1860. 1 série (1787 à 1799) (далее — AP), t. 2. P., 1879, p. 507, 658, 750; t. 3. P., 1879, p. 246, 741; t. 4. P., 1879, p. 62; t. 5. P., 1880, p. 275, 431; t. 6. P., 1880, p. 77; Hyslop B. A Guide to the General Cahiers of 1789, with the Texts of Unedited Cahiers. N. Y., 1936, p. 236—237, 246 etc.

² Montesquieu Ch. L. De l'esprit des lois P., 1969, p. 124.

³ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей (далее — ОР ГПБ). Фр. FII, № 79, t. 2, p. 236—245.

⁴ AP, t. 2, p. 529.

⁵ AP, t. 3, p. 662.

⁶ О деятельности Кондорсе в период выборов в Генеральные штаты см.: Cahen L. Condorcet et la Révolution française. P., 1904.

⁷ AP, t. 3, p. 661.

⁸ См.: Хорошун В. Я. Дворянские наказа во Франции в 1789 г. Одесса, 1899, гл. «Сословно-консервативная программа», раздел III; Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции, т. 1, кн. 1. М., 1976, с. 244.

⁹ Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle. De la Féodalité aux Lumières. P., 1976, ch. VII—VIII.

ДВОРЯНСТВО И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Итак, читатель имел возможность получить представление о французском дворянстве конца старого порядка, о его месте в социальной структуре и политической системе Франции, о характерных чертах его идеологии и политической культуры, о той программе, которую выдвинуло дворянство накануне Великой французской революции. Была показана и присущая дворянству того времени социальная и идейная неоднородность, обусловленная принадлежностью рассматриваемого отрезка времени к переходной, межформационной эпохе, когда происходила ломка старой и формирование новой социальной структуры.

В заключение представляется необходимым немного раздвинуть хронологические рамки предпринятого исследования и поставить вопрос о дальнейшей эволюции обрисованного в работе социального феномена. Что происходило с дворянством в течение и после Великой французской революции, положившей конец старому порядку?

Выше уже не раз говорилось о попытках историков так называемого «ревизионистского» направления идеализировать позицию французского дворянства накануне революции, приписать устремления его либеральной прослойки сословию в целом, а также усматривать все позитивное содержание революции в выполнении программы умеренной дворянско-буржуазной элиты, совершившей «революцию Просвещения». Для научного выяснения этих вопросов необходимо рассмотреть роль дворянства в общественно-политической борьбе не только накануне, но и в ходе самой революции. В современной буржуазной историографии существует также тенденция абсолютизировать преемственность в развитии французского общества XVIII—XIX вв. и игнорировать социальные последствия Великой французской революции. Такой подход к проблеме нашел свое крайнее выражение в получившем широкую известность утверждении Ф. Фюре о том, что «ничто так не напоминает французское общество при Людовике XVI, как французское общество при Луи-Филиппе»¹. Разумеется, общих черт можно найти немало. Буржуазная Франция вызревала и обретала силу в недрах старого порядка. Как было показано в предыдущих главах, в переходном, межформационном обществе конца старого порядка, в обществе, в котором постепенно шло разложение феодальных и становление буржуазных отношений, ломались социально-классовые границы, дворяне участвовали в процессе буржуазного классового образования, частично обретали черты буржуазных земельных собственников, частично приобщались к крупной торговле и промышленному предпринимательству. Обуржуазивание части дворянства трансформировало привычную

- ¹⁰ ОР ГПБ, Фр. F II, № 79, т. 2, р. 330.
- ¹¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939, с. 204.
- ¹² Там же, с. 260; см. также: Вольтер Ф. М. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. М., 1956, с. 79.
- ¹³ См.: Беккариа Ч. Указ. соч., с. 299—301.
- ¹⁴ См.: Вольтер Ф. М. Указ. соч.; Беккариа Ч. Указ. соч.; Герцензон А. Л. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII в. М., 1962.
- ¹⁵ См.: Беккариа Ч. Указ. соч., с. 288—291.
- ¹⁶ Tuetey L. Les officiers sous l'Ancien Régime: Nobles et roturiers. P., 1908, p. 138—163; Corvisier A. Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. P., 1976, p. 115—117.
- ¹⁷ Corvisier A. Op. cit., p. 181.
- ¹⁸ Meyer J. La noblesse française au XVIII siècle: aperçu des problèmes. — Acta Poloniae Historica, 1977, t. 36, p. 22—23.
- ¹⁹ Vaissière P. Lettres d'«aristocrates». La Révolution racontée par des correspondances privées. P., 1907, p. 45.
- ²⁰ Johannès N., sieur du Portail. Histoire de temps ou le véritable récit de tout ce qui s'est passé dans le Parlement depuis le mois d'août 1647 jusqu'au mois de novembre 1648. P., 1649, p. 94—105; Lorrin P. J. La Fronde. P., 1961, p. 40—42.
- ²¹ AP, t. 3, p. 246.
- ²² AP, t. 5, p. 556.
- ²³ Размеры этого участка по-разному определялись обычаями провинций.
- ²⁴ AP, t. 3, p. 37.
- ²⁵ Ibid., p. 662.
- ²⁶ AP, t. 5, p. 722.
- ²⁷ AP, t. 3, p. 98—100.
- ²⁸ Современный французский историк отмечает, что в разных провинциях эти платежи сохранились в неравной мере: Bastier J. La féodalité au siècle des Lumières dans la région de Toulouse. P., 1975, p. 207—228.
- ²⁹ Hincker F. Les Français devant l'impôt sous l'Ancien Régime. P., 1971, p. 35; Marion M. Histoire financière de la France depuis 1715. P., 1914, vol. 1; Idem. Les impôts directs sous l'Ancien Régime. P., 1910.
- ³⁰ ОР ГПБ, Фр. F II, № 79, т. 2, р. 250.
- ³¹ Там же, т. 1, р. 410.
- ³² AP, t. 3, p. 662.
- ³³ Hyslop B. French Nationalism in 1789 according to the General Cahiers. N. Y., 1934, p. 135, 271—272.
- ³⁴ ОР ГПБ, Фр. F II, № 79, т. 1, р. 405.
- ³⁵ Там же, т. 2, р. 236.
- ³⁶ AP, t. 2, p. 424.
- ³⁷ AP, t. 3, p. 128.
- ³⁸ Godechot J. La contre-révolution. Doctrine et action: 1789—1804. P., 1961, p. 7—147; Oechslin J. J. Le mouvement ultra-royaliste sous la Restauration. Son idéologie et son action politique. 1814—1830. P., 1960, p. 24—54.
- ³⁹ Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle, ch. VII—VIII.
- ⁴⁰ Ibid., p. 199.
- ⁴¹ Ibid., p. 217.
- ⁴² Murphy J., Higonnet P. Les députés de la noblesse aux Etats généraux de 1789. — Revue d'histoire Moderne et Contemporaine, 1973, t. 20, N 2, p. 230—247.
- ⁴³ Mazauric C. La politique de la noblesse de Rouen en 1789. — In: Mazauric C. Jacobinisme et Révolution. Autour du bicentenaire de Quatre-vingt-neuf. P., 1984, p. 255—266.
- ⁴⁴ Egret J. La Révolution des Notables. Mounier et les Monarchiens. P., 1950.
- ⁴⁵ Grosclaude P. Malesherbes: Témoin et interprète de son temps. P., 1961, vol. 1, p. 234; vol. 2, p. 662, 756.

дворянскую систему ценностей и создавало предпосылки для последующего стирания граней между дворянами и буржуа. Однако при старом порядке сохранялись еще такие основы феодального способа производства, как крупная дворянская земельная собственность и обязанность крестьян нести феодальные повинности. Сохранялась и старая политико-юридическая надстройка: гражданское неравенство, сословные привилегии дворянства и абсолютная монархия, выражавшая интересы дворян. В результате несмотря на происходившие серьезные социальные сдвиги дворянство оставалось привилегированным сословием общества, сословная грань разделяла дворянство и буржуазию (под буржуазией в данном случае подразумевается имущая верхушка третьего сословия: купцы, владельцы мануфактур, финансисты, земельные собственники), в обществе господствовали дворянские ценности, и престиж титула и древности рода был выше, чем престиж богатства.

Это общество претерпело глубокие изменения в ходе Великой французской буржуазной революции, нанесшей сокрушительный удар в первую очередь по старой надстройке и радикально разрушившей феодально-сенъериальную систему. Социально-политические преобразования революции не могли не отразиться и на положении дворянства в обществе.

Рассмотрим поставленную проблему — дворянство и Великая французская революция — в двух аспектах: какую роль сыграло дворянство в Великой французской революции и каковы были последствия революции для дворянства как для господствующего сословия дореволюционной Франции.

Отношение к дворянству со стороны революционной буржуазии в 1789 г. выглядело неоднозначным. Враждебность по отношению к дворянству в первые месяцы революции была в особенности характерна для крестьянской массы, видевшей в дворянах сеньеров-угнетателей. В ее представлении дворянская контрреволюция являлась закономерной и неизбежной. Дворян обвиняли во всех бедствиях и тяготах народа. В деревнях ходили слухи о том, что приближаются банды разбойников и иноземных солдат и ведут их дворяне, не желающие платить налогов. От этого времени сохранилась выразительная запись в дневнике крестьянина одной из деревень южной Франции: «...монсье́р граф д'Артуа идет в сопровождении 40 тыс. разбойников, которых он собрал из Швеции и других северных стран, и они освободили еще для пополнения этого войска каторжников с галер и преступников... и с этой опасной армией он хочет разорить Францию и обуздать третье сословие за то, что оно желает заставить дворян и духовенство платить королевские деньги»². Механизм возникновения и распространения в народе слухов об «аристократическом заговоре», усиливавших ненависть к носителям дворянских титулов, был в свое время блестяще проанализирован Ж. Лефевром³.

О существовании антидворянского общественного мнения в самом начале революции свидетельствует опубликованный в это вре-

я памфлет февдиста (т. е. служащего, разбиравшего при старом порядке архивы сеньерий и составлявшего описи сенъерильных владений и повинностей) Дюлора с красноречивым названием: «Критическая история аристократии, доведенная до наших дней, где изложены ее предрассудки, ее разбой, ее преступления, где доказывается, что она всегда была бичом свободы, разума, человеческих познаний и врагом народа и королей»⁴.

Война крестьян против сеньеров зачастую принимала антидворянские формы. В крестьянском движении отчетливо проступал протест против всех знаков социального превосходства, с которыми крестьянин сталкивался в повседневной жизни. Участники «жакерий» 1790, 1792 и 1793 гг. сжигали сенъериальные церковные скамьи, уничтожали флюгеры — знаки сенъериального жуда, разрушали башни замков как символы сословного неравенства. В 1793 г. в одной из коммун крестьяне, сжигая в соответствии с яacobинским декретом феодальные титулы, сожгли и чуело сеньера, облаченное в дворянский костюм. Случалось, что вместе с феодальными титулами сжигали и грамоты о дворянском достоинстве⁵.

Что касается наиболее имущих слоев третьего сословия, то его лидеры первоначально стремились достигнуть компромисса с дворянством⁶. Для них ненавистными были дворянские привилегии, но не само дворянство как таковое. Об этом свидетельствовали первые декреты Учредительного собрания. Так, декрет от 11 августа 1789 г. об уничтожении феодальных прав и привилегии провозглашал упразднение налоговых и должностных дворянских привилегий при сохранении самого звания дворянина⁷. Свобода доступа к военным должностям была в дальнейшем особо подчеркнута декретом от 28 февраля 1790 г., касающимся армии. В нем говорилось, что «ни законодатели, ни исполнительная власть не могут никоим образом ущемить принадлежащего каждому гражданину права быть допущенным ко всем военным должностям и званиям»⁸.

Летом 1790 г. революционная буржуазия, вдохновленная идеей гражданского равенства, совершила новое наступление на дворянское сословие и 19 июня приняла декрет, который упразднил наследственное дворянство и титулы: «Наследственное дворянство упраздняется навеки; следовательно, титулы принца, герцога, графа, маркиза, виконта, видама, барона, шеваля, мессира, еякуйе, дворянина и все прочие им подобные не будут ни приниматься никем, ни даваться кому бы то ни было»⁹. Антидворянские акты Великой французской революции принимались не только вследствие того, что лидеры Учредительного собрания были держимы идеалами гражданского равноправия. Часть этих мер была прямо навязана бунтующими крестьянами. Принятый в ответ на народные выступления декрет 13—20 апреля 1791 г. обязал бывших сеньеров убрать гербы, скамьи и знаки феодального суда¹⁰. Направленные против сеньеров вообще, эти меры прежде всего затронули дворян.

*Дворянство являлось сословием, т. е. юридической категорией. При том, что можно выделить ряд социально-экономических характеристик, общих для значительной части дворян, главным сословным признаком, определявшим понятие «дворянин», были прежде всего дворянские привилегии. Само существование дворянства как особого привилегированного социального слоя было, таким образом, основано на системе сословного неравенства. Ее уничтожение в принципе «Декларацией прав человека и гражданина» и последовавшая затем серия декретов, направленных против отдельных конкретных проявлений сословного неравноправия, качественным образом изменили социальный статус дворянина. Установленное гражданское равенство закрепила конституция 3 сентября 1791 г.¹¹ Вскоре после этого, 27 сентября 1791 г., был принят декрет, установивший за использование дворянских титулов, гербов, ливрей и других почетных знаков отличия штраф в шестикратном размере налога на движимое имущество. Чиновники под угрозой отстранения от должности впредь не имели права принимать какие бы то ни было документы, если в них содержались указания на признаки дворянского достоинства. Использование почетных знаков дворянского отличия признавалось «преступлением против конституции», за которое бывшие дворяне лишались гражданских прав и впредь не могли занимать никаких гражданских или военных должностей¹².

Введение гражданского равенства вызвало возмущение многих дворян. Изучение социально-политической программы французского дворянства накануне революции по наказам Генеральным штатам показало, что большая его часть занимала в 1789 г. сословно-консервативную позицию. Эта позиция нашла закономерное продолжение в дворянской контрреволюции.

Отмена титулов повлекла за собой протесты дворян в Париже и во многих провинциях. Петицию протеста, составленную в Версале, подписали приблизительно 100 дворян. Так же, как и раньше в наказах, они аргументировали необходимость сохранения титулов правом собственности и целесообразностью общественной иерархии. Дворяне Котантена в Нормандии заявили формальный протест и назвали в нем титулы такой же святыней, как полковые знамена. Дворяне провинции Пуату утверждали, что упразднение титулов противоречит «Декларации прав человека и гражданина», гарантировавшей всем священное и неприкосновенное право собственности¹³.

У значительной части дворянства вызвала протест и начавшаяся ликвидация сеньериального строя. С одной стороны, именно дворяне предложили Учредительному собранию принять законы 4—11 августа 1789 г. об упразднении феодальных повинностей на основе выкупа. Но выдвинувшие это компромиссное решение либеральные аристократы виконт де Ноай и герцог д'Эгийон представляли в данном случае ту часть дворянства, для которой сохранение сеньериальных повинностей в полном объеме уже не имело принципиального значения. Такие дворяне были в большей

степени озабочены тем, как сохранить и укрепить свое политическое влияние, занять авторитетные позиции в Учредительном собрании и местных органах власти. Для этого они шли на неизбежный компромисс с третьим сословием. Вместе с тем существовала масса сельских сеньеров, для которых крестьянские повинности составляли один из основных источников доходов. Законодательные акты первых лет революции, а именно установление гражданского равенства и начало ликвидации сеньериального строя, привели к тому, что эти люди потеряли если не все, то, по крайней мере, очень многое — привилегированный статус, преимущественное право занимать различные должности, освобождение от ряда налогов, часть доходов (нередко очень значительную). Такие дворяне решительно отвергли попытку компромисса. Граф Монлозье, житель провинции Овернь, где феодальная эксплуатация крестьян в полной мере сохраняла свое значение для дворянства, писал о крестьянском движении лета 1789 г. и последовавших за ним декретах об отмене феодальных повинностей: «Итак, бесчинства разбойников санкционировал новый разбой, названный *ночью 4 августа*»¹⁴. Известный контрреволюционный публицист Ривароль дал этим событиям ставшее популярным определение «Варфоломеевская ночь собственности». Барон де Гилерми сказал о дворянах-либералах, предложивших законы 4—11 августа: «Ни один из тех, кто принес жертвы в эту памятную ночь, не имел права это делать... После этой знаменитой ночи французский народ уверовал в то, что можно безнаказанно разрушить все за несколько часов»¹⁵. «Учредительное собрание, — утверждал маркиз де Ферьер, — напоминает толпу пьяных в богатом мебельном магазине: они крушат и ломают все, что ни падает им под руку... Умами овладело чувство ненависти, слепая жажда мести, а не любовь к добру»¹⁶.

Социально-политические преобразования первых лет революции, такие, как провозглашение гражданского равенства, уничтожение дворянских привилегий и титулов, начавшаяся отмена феодальных повинностей, буржуазная перестройка государственной системы, послужили причинами дворянской контрреволюции. Она проявилась в отмеченных выше протестах, устных и письменных выступлениях, а также наиболее ярко — в дворянской эмиграции. Эмиграция дворян из революционной Франции началась одновременно с самой революцией. Уже в июле 1789 г., после восстания народных масс Парижа и взятия Бастилии, после начала муниципальной революции и организации национальной гвардии, после того, как король был вынужден появиться в революционном Париже и посетить ратушу, признав тем самым свое поражение, эмигрировали лидеры консервативной аристократии граф д'Артуа, принц Конде, герцог де Полиньяк и маршал де Брольи со своими семьями и приближенными.

Вторая волна эмиграции последовала осенью 1789 г. Она была вызвана тем, что уже в это время революция в своем развитии стала выходить за пределы дворянско-буржуазного компромисса.

Были приняты декреты 4—11 августа и «Декларация прав человека и гражданина», однако силу закона они не обрели, потому что король, по-прежнему сохранявший за собой верховную власть, отказывался их санкционировать. В Учредительном собрании шла острая борьба вокруг проекта конституции. В ходе этой борьбы сложилась группировка, членов которой прозвали «монархистами». Их политическая программа соответствовала требованиям, выдвинутым в либеральных дворянских наказах. Это была программа развития революции по «английскому» дворянско-буржуазному пути. Ее сторонниками являлись либеральные дворяне, священники, наиболее умеренные буржуа. Лидеры «монархистов» Ж.-Ж. Мунье, Т.-Ж. де Лалли-Толендаль, С.-М. де Клермон-Тоннер, П.-В. Малюз предлагали наделить короля правом абсолютно-го вето с тем, чтобы король получил возможность отклонить любой негодный ему закон, принятый Национальным собранием. Кроме того, они высказывались за создание высшей наследственной палаты Национального собрания, члены которой назначались бы королем. В сентябре 1789 г. их проекты были отвергнуты Учредительным собранием. Король получил лишь право приостанавливающего вето. Вскоре последовало выступление революционных народных масс 5—6 октября 1789 г. Короля с семьей насильно заставили переехать из Версаля в Париж, замыслы «монархистов» потерпели крах. Их попытка остановить развитие революционного движения, не дать ему выйти за пределы программы крупной буржуазии и либерального дворянства в тот момент успеха не имела. Вскоре Мунье и его сторонники стали эмигрантами.

Летом 1791 г. разразился Вареннский кризис: неудавшееся бегство короля и последовавшие за ним обострение политической борьбы и подъем народного движения. Выступления против дворянства и монархии вызвали тогда массовую дворянскую эмиграцию, а она в свою очередь — первые законы против эмигрантов. Широко известное статистическое исследование эмиграции, проведенное английским историком Д. Гриром, показало, что дворяне составляли небольшую ее часть. Среди 97 545 эмигрантов, социальную принадлежность которых удалось установить, дворян было 16 431 человек (16,75%)¹⁷. По приблизительным подсчетам, эмигрировало менее 8% дворян¹⁸. Однако при этом следует иметь в виду, что до установления республики в 1792 г. эмигрировали преимущественно дворяне и священники¹⁹. Если мы к тому же вспомним, что в общей массе населения Франции дворяне составляли не более 1,5%, то масштабы дворянской эмиграции, особенно в начальный период революции, будут выглядеть значительными.

Дворяне эмигрировали, руководствуясь разными мотивами. Одни бежали, напуганные размахом народного движения, в надежде укрыться от разразившейся катастрофы. Другими двигало намерение подготовиться из-за границы разгром революционных сил. Для этого эмигранты вступали в контакт с европейскими монархами и помогали им готовить военную интервенцию, поддер-

живали связи с контрреволюционными силами внутри страны. Общими усилиями извне и изнутри готовились заговоры с целью развязать гражданскую войну. Внимание контрреволюционеров было приковано к югу Франции. Одним из наиболее крупномасштабных заговоров явилась попытка поднять восстание в Лионе в 1790 г. В его подготовке принимал деятельное участие лидер дворянской эмиграции граф д'Артуа, рассчитывавший на помощь короля Сардинии. В самой Франции восстание обещали поддержать дворяне Пуату и Оверни, многие из которых после провала заговора перешли в стан эмигрантов. Центром контрреволюционной дворянской эмиграции первоначально был Турин. Здесь обосновался граф д'Артуа, отсюда устанавливались связи между контрреволюционным подпольем и дворами монархов Европы. В 1791 г., после переезда графа д'Артуа в Кобленц, центр дворянской эмиграции переместился в этот германский город, расположенный недалеко от границы с Францией²⁰.

Существенно, что даже выступая в защиту сословных привилегий и монархии, перейдя на путь открытой контрреволюции, дворянство не предлагало вернуться к старому порядку в его полном объеме, включающем и политическую надстройку — абсолютизм. Среди лидеров дворянской контрреволюции первых революционных лет единственным сторонником полного восстановления старого порядка был младший брат Мирабо, по прозвищу Мирабочка²¹. Разочарование в абсолютизме было настолько полным, что, даже пройдя сквозь бури революции и войн, сквозь тяготы эмиграции, контрреволюционное дворянство не повернуло к защите абсолютной монархии. В начале XIX в. в ряду известных дворянских идеологов ультрароялистского толка абсолютистскую традицию продолжал лишь виконт де Бональд, тогда как де Местр, Шатобриан, Балланш, Монлозье проповедовали монархию, ограниченную аристократическим представительным органом, и не чуждались либеральных реформ²².

Война, начавшаяся в апреле 1792 г., привела к тому, что дворяне-эмигранты уже явно и неприкрыто встали на сторону врагов Франции. За этим неизбежно последовали дальнейшая активизация антидворянского общественного мнения и принятие в условиях подъема крестьянского движения официальных мер против дворян и всех эмигрантов. Законодательное собрание постановило сжечь генеалогические титулы. Родственники эмигрантов задерживались как заложники. На основании декрета Законодательного собрания производился секвестр, а затем начались конфискация и распродажа собственности эмигрантов, т. е. прежде всего дворянских земельных владений. Был упразднен Мальтийский рыцарский орден. В октябре 1792 г. Конвент декретировал смертную казнь взятым в плен или вернувшимся эмигрантам, а в феврале 1793 г. учредил награду за донос на эмигранта²³. Положение особенно обострилось весной 1793 г. после измены Дюмурье и наступления интервентов. Антидворянское и антиэмигрантское законодательство ужесточилось. В конце марта 1793 г.

было декретировано разоружение «бывших» дворян и сеньеров, а в октябре 1793 г. — разоружение «бывших замков»²⁴. В апреле 1794 г. Конвент принял закон об общей полиции Республики, по которому дворян отстраняли от общественных должностей и изгоняли из Парижа и укрепленных городов²⁵. Эта мера была отменена вскоре после падения Робеспьера²⁶. Однако и после термидора для дворянства не наступили спокойные дни, так как политика правительств по отношению к нему еще несколько раз менялась.

В годы революции дворяне стали «бывшими» (*les ci-devant* pöbles). Такое понятие прочно вошло в обиход того времени, и слово «бывшие» постоянно употреблялось, когда речь заходила о самом дворянстве или о каких-либо его атрибутах: «бывшие дворяне», «бывшие феодальные повинности», «бывшие замки» и т. д.

Последнее антидворянское законодательство приняла Директория. В ноябре 1797 г. дворяне были лишены французского гражданства. Согласно этому закону, не применявшемуся, правда, на практике, все бывшие дворяне и аноблированные не могли «впредь осуществлять права французского гражданства в первичных собраниях, коммунальных и электоральных, ни назначаться ни на какие общественные должности, кроме как после выполнения условий и сроков, предписанных для иностранцев статьей X конституции»²⁷. Исключение было сделано для депутатов Национальных собраний (кроме тех, кто в Генеральных штатах протестовал против декрета об отмене дворянства), членов Исполнительной дирекции, министров, военных, находившихся на действительной службе, и всех прочих, кто смог доказать верность свободе и республике. Им сохранялись гражданские права.

Окончательно самые радикальные антидворянские меры были аннулированы только после 18 брюмера. В конце 1799 г. было официально признано, что срок антидворянских законов 1797 г. истек. Серия декретов 1800—1802 гг. дала эмигрантам амнистию и вернула им нераспроданные земли. В 1808 г. были восстановлены дворянские титулы, что не сопровождалось, однако, восстановлением привилегий

В целом за годы революции (1789—1799) в результате антидворянских репрессий, по приблизительным подсчетам, погибло 3% французских дворян. Они составили примерно 8—9% жертв революционного террора²⁸.

Попытка дворянско-буржуазного компромисса первых лет революции была отвергнута той частью дворянства, которая отказалась принять гражданское равенство и встала на путь эмиграции и контрреволюции.

Вместе с тем в ходе политической борьбы периода Великой французской революции дворянство не выступало как единая си-

ла. Отразившееся в наказах его идейно-политическое размежевание с началом революции привело к открытому политическому расколу. Противники нападали на дворянство как на единое целое, тогда как в действительности оно не было единой контрреволюционной силой. В то же время все дворянство не было и союзником либеральной буржуазии. Политический раскол дворянства ослабил лагерь дворянской контрреволюции, с одной стороны, и скомпрометировал расположенное к компромиссу дворянство в глазах его союзников из третьего сословия, с другой стороны. Действия дворян-контрреволюционеров заставляли с подозрением относиться к каждому дворянину, усиливали слухи об «аристократическом заговоре».

Точных сведений о том, в какой пропорции произошел раскол дворянства, какую часть его составили либералы, а какую — контрреволюционеры, у нас нет. В частности, масштабы дворянской эмиграции очень сильно различались в зависимости от районов. Основой для предположений могут послужить наказания: 121 консервативный и 17 либеральных. Разумеется, нельзя жестко связывать выраженные в наказах позиции с теми, что были заняты в ходе борьбы революционных лет. Рассмотренные документы не дают представления о том, насколько близко к сердцу принимали авторы изложенную программу, до какого предела могла доходить их верность изначально взятому курсу. Французский дворянский либерализм в действии, т. е. в революции, мог оказаться слабее дворянского либерализма в наказах. Абсолютизм в значительной мере отстранил дворянство от политики. У большинства дворян, за исключением чиновной бюрократии и парламентской магистратуры, не было политического опыта. Немалая часть дворянства — сельские помещики, жители небольших и средних провинциальных городов — вообще была отстранена от общественной жизни, сосредоточенной главным образом в столице, а также в провинциальных, парламентских, административных и академических центрах. Закономерным результатом отстраненности от политики и общественной жизни стали непоследовательности и противоречивость идейно-политических позиций. Они проявились как в противоречиях в текстах наказов, так и в расхождениях между направленностью требований по конкретным вопросам и отраженным в наказе типом политической культуры. Острый накал общественно-политической борьбы первых месяцев революции, ее антидворянская направленность, уничтожение в принципе феодального порядка, полная ликвидация дворянских титулов и всех дворянских привилегий, провозглашение гражданского равенства в «Декларации прав человека и гражданина» превратили многих бывших дворян-либералов в защитников старого порядка. Подобное превращение произошло с целым рядом известных впоследствии общественно-политических деятелей: графом Монлозье, Ж. де Местром, виконтом де Бональдом, графом д'Антрэгом.

Тем не менее программы, выдвинутые в предвыборных наказах

депутатам весной 1789 г., намечали линии идейно-политического размежевания внутри дворянского сословия. В них уже предугадывались черты будущих противников революции, эмигрантов и контрреволюционеров. Намечалась настороженно-выжидательная позиция тех, кто, боясь радикальных перемен, все же на первых порах не воспринял революцию как разразившуюся катастрофу и приветствовал принесенные ею либеральные реформы. В составлении либерально-реформистских наказов, возможно, участвовали будущие мэры, организаторы и командиры Национальной гвардии в немалом числе городов и местечек, т. е. либеральное дворянство, которое в блоке с верхними слоями крупной буржуазии сыграет видную роль в первые годы революции и вместе с ними перейдет в лагерь ее противников, когда логика развития общественно-политической борьбы выведет революцию за пределы конституционно-монархического этапа. Этот дворянско-буржуазный блок явил собой прообраз господствующего класса Франции эпохи Империи и Реставрации. Двух союзников объединяли общие социально-экономические интересы крупных земельных собственников и общие политические идеалы — конституционная монархия, провозглашение неприкосновенности гражданских прав и свобод.

Многие дворяне в годы революции проявили себя горячими приверженцами новых порядков. Широко известно, что в начале революции среди ее лидеров было много представителей либерального дворянства: командующий Национальной гвардией Парижа маркиз де Лафайет, знаменитый оратор граф де Мирабо, братя де Ламеты. Достаточно сказать, что из 54 председателей Учредительного собрания 33 происходили из дворян²⁹. Левое крыло в Учредительном собрании возглавлял «триумвират» в составе А. де Ламета, А. Дюпора и А. Барнава. Первый из них был графом, второй принадлежал к знатной семье парижского «дворянства мантии», отец последнего получил личное дворянство. После 1789 г. дворяне покупали национальные имущества, занимали местные административные должности. В департаменте Сарта было зарегистрировано 50 дворян-покупателей национальных имуществ³⁰. Сельское дворянство поначалу могло симпатизировать революции, так как старый порядок закрывал для него пути продвижения. К примеру, живший в районе Тулузы Филипп Пико де Лапейруз принял революцию с воодушевлением и в 1793—1794 гг., т. е. в самые трудные для дворянства годы, писал: «Я дворянин, но мои дети никуда не были допущены, так можно ли вообразить себе, что здравомыслящий человек, встречавший на своем пути лишь преграды тюремного режима, не благословит революцию, которая дала ему достойное его место»³¹. В 1790 г. его избрали председателем дистрикта. В следующем году департамент опубликовал его книгу о народном образовании. Его популярность возросла в 1793 г., когда он издал брошюру «Учреждение оружейной мануфактуры в Тулузе». Пико де Лапейруз участвовал в патриотическом празднике в честь казни

Людовика XVI. По своим политическим взглядам он был близок к жирондистам. За симпатии к ним в период якобинской республики его обвинили в федерализме, и 14 месяцев он сидел в тюрьме. При Наполеоне Пико де Лапейруз стал деканом факультета естественных наук в Тулузе и примерно 6 лет был мэром Тулузы. В период Реставрации он пользовался известностью как либерал³².

Другой пример — Люк-Жозеф де Месмей, дворянин из Франш-Конте, отпрыск младшей ветви своего рода. В ходе выборов в Генеральные штаты он был избран депутатом третьего сословия баляжа Аваль. В годы революции его не раз выбирали на муниципальные должности. Он приобретал национальные имущества, подписывался на добровольный патриотический заем, два его сына вступили в республиканскую армию. В той же провинции Франш-Конте дворянин из младшей ветви рода де Вернерей избирался депутатом от департамента Ду в Законодательное собрание и Конвент. Дворянин Клод-Луи Лорансо — депутатом Конвента от департамента Юра. В Конвенте он присоединился к жирондистам. Виконт и маркиз де Тулонжоны, являясь депутатами Национального Учредительного собрания, работали там в военном комитете, занимались реорганизацией армии. Бюро де Пюзи, дворянин из Франш-Конте, участвовал в работе большинства комитетов Учредительного собрания и трижды назначался его председателем³³.

В книге современного французского историка К. Брело о дворянстве Франш-Конте рассказан забавный случай, который свидетельствует о сохранении подчас патриархальных отношений между сеньером и крестьянами. Жители местечка Вужекур почти единогласно избрали мэром своего сеньера барона де Трикорно и объяснили ему свой выбор так: «...вот уже много лет Вы наш отец, надо, чтобы Вы были и нашим мэром»³⁴. Эта фраза содержит непереводимую на русский язык игру слов: по-французски «мэр» («maire») и «мать» («mère») звучат одинаково.

В целом в директориях департаментов провинции Франш-Конте дворянство в процентном отношении было представлено широко³⁵.

Когда решался вопрос о способе голосования в Генеральных штатах и депутаты третьего сословия провозгласили себя Национальным собранием, к нему первоначально примкнули 47 депутатов-дворян, поддержавших Клятву в зале для игры в мяч 20 июня 1789 г. В дальнейшем к Национальному собранию присоединилось около 100 депутатов дворянского происхождения, которые были депутатами как от дворянства, так и от третьего сословия. В августе 1789 г. именно эти дворяне выступили в Национальном собрании с отказом от феодальных прав. Декрет об упразднении дворянских титулов тоже принимался при активном участии депутатов-дворян. Возглавляемый герцогом Ларошфуко неофициальный комитет либерального дворянства тайно разрабатывал проект отмены титулов. В Учредительном собрании с пред-

лечения отмены титулов выступили либералы-аристократы Лафайет, Ноай, Монморанси. Председателем собрания в день, когда принимали этот декрет, был дворянин Мену³⁶.

Маркиз де Ферьер писал тогда жене, что после отмены титулов во Франции установятся такие же порядки, как в Англии: «Дворянство тогда станет тем же, чем оно является на этом острове, чисто почетным отличием, присущим сообществу дворян. Но что ни говори, дворяне должны только ждать событий и, главное, не давать повода, чтобы их сочли за преграду, которую надо устранить силой, так как при настоящем брожении умов целая толпа народа только и ищет, что предложить»³⁷.

Это письмо служит характерным примером того, как либеральное дворянство стало постепенно отходить от революции. Разделяя с третьим сословием просветительские идеалы свободы и равенства в их самой общей форме, оно отказывалось принимать гражданский эгалитаризм в той его все более и более последовательной форме, какую он принимал по мере развития революционных событий. Правдоподобный анекдот на эту тему привел в своей книге И. Тэн. Проголосовав в Учредительном собрании за отмену дворянских титулов, Мирабо пришел домой, схватил за ухо своего лакея и воскликнул: «Ну, что, шельма? Надеюсь, что для тебя-то я останусь всегда графом!»³⁸ Подобное расхождение между исповедуемыми социально-политическими идеалами и бытовым поведением создавало предпосылку для последующего отхода либерального дворянства от гражданского эгалитаризма, когда тот, по мнению дворян, начал заходить уж слишком далеко.

Дворянский либерализм XVIII в. носил в значительной мере книжный характер. Он был навеян просветительской литературой. Книжные идеалы дрогнули при столкновении с грубостью реальной политической борьбы. Народный характер начавшейся революции и народные методы борьбы ужаснули дворян-либералов. По воспоминаниям Сегюра, признанный лидер либерального дворянства маркиз Лафайет пришел в замешательство от народных расправ и насилий, которыми сопровождалась революционные события 14 июля, летний подъем крестьянского движения — так называемый «великий страх» — и поход народных масс на Версаль 5 октября 1789 г.³⁹

Дворянин Майо, депутат Учредительного собрания от третьего сословия бальяжа Туль, был до революции убежденным приверженцем либеральных идей, но их последствия заставили его содрогнуться. Он писал из Парижа 18 июля 1789 г. под впечатлением последних событий: «Это ниспровержение общественного и государственного порядка было делом трех дней или скорее долгих лет ошибок и преступлений министерства, нарушения прав и угнетения народа»⁴⁰. У него вызывала опасения «возбужденная, подозрительная и кровожадная толпа»⁴¹. В 1791 г. он оставил Париж, вернулся в Туль и в дальнейшем занимал различные муниципальные и судебные должности.

Уже упоминавшийся маркиз Ферьер писал жене: «Нет ничего более устного, как жить с людьми, которые не разделяют наших вкусов, которые видят и чувствуют не так, как мы...»⁴²

Политическая осторожность либерального дворянства, его страх перед революционной толпой вовсе не были специфически дворянскими чертами. Такой образ мыслей и тип поведения воспитывались у него самой просветительской культурой, элитарностью, неприязнью к «черни» и страхом перед ней того умеренного крыла Просвещения, идеи которого главным образом и воспринимали дворяне. Кроме того, при объективно содержавшемся в Просвещении революционном заряде, индивидуалистическая просветительская концепция общества отвергала общественный интерес, если он шел вразрез с интересом личным. Изучение жизни энциклопедистов и их окружения в годы революции показало, что эти люди приветствовали революцию до 1792 г. Потом их влияние упало и начались преследования. Некоторые энциклопедисты из числа живших в период якобинской диктатуры пришли к мысли, что старый порядок, разрушению которого они способствовали, предпочтительнее нового, который они сами же готовили. Интеллектуальная элита XVIII в. сошла с революционного пути, потому что ставила идеи свободы и прав буржуазной личности выше эгалитаризма. Логика развития революции по восходящей линии, выход ее за рамки умеренной, либеральной программы, нарастание в ней социально-эгалитаристского начала, накал классовой борьбы и размах народных движений вызвали разочарование и протест у тех, кто был основным носителем культуры Просвещения⁴³.

Роль дворянства в Великой французской революции, таким образом, была противоречивой. Она не укладывается в схему «революции элит». Революционная буржуазия не чувствовала этого единства элиты. Она отняла у дворянства сенъериальные права, титулы, направляла против него террор и даже лишила его всех гражданских прав законом от 29 ноября 1797 г. Дворянство же в ходе политической борьбы периода революции раскололось. Часть его в союзе с конституционно-монархической верхушкой третьего сословия сыграла видную роль на начальном этапе революции. Впоследствии революционный потенциал либерального дворянства был исчерпан и его оттеснили более передовые социальные силы. Его час вновь пробили после 18 брюмера. Но дворянство в целом вовсе не было единой просвещенной элитой, вместе с верхами буржуазии возглавившей «революцию Просвещения». Другая его часть, выступив с самого начала в защиту своих сословных привилегий, отвергла компромисс с третьим сословием на основе гражданского равенства. То, что значительная часть дворянства не могла осознать общность своих интересов с собственнической верхушкой третьего сословия, имело под собой глубокие объективные причины, так как в тот момент эта общность интересов крупных собственников решительно отступала перед противоположностью их интересов в вопросе о

привилегиях. «Покуда существующий миропорядок боролся с миром, еще только нарождающимся, на стороне этого ancien régime стояло не личное, а всемирно-историческое заблуждение»⁴⁴. Ведь совсем недавно дворянство еще обладало монопольным правом на господство в обществе и на политическую власть.

Социально-политические преобразования Великой французской революции создавали предпосылки для становления нового господствующего класса буржуазной Франции.

Процесс этот начался еще в недрах феодальных структур общества старого порядка. В начале XVII в. известный французский юрист Шарль Луазо подметил появившееся несоответствие наследственной сословной иерархии действительному соотношению сил в обществе. В трактате «О сословиях», изданном в 1613 г., он писал, что усвоившая дворянский образ жизни верхушка третьего сословия была по положению не ниже сельского дворянства, а придворная знать далеко отстояла от остальной дворянской массы⁴⁵. В дальнейшем обрисованная им ситуация усложнялась и становилась все более конфликтной. Происходило частичное обуржуазивание дворянства. (Речь об этом шла в главе I. Там отмечалось сближение отдельных категорий дворянства и имущих верхов третьего сословия.) Во французском обществе старого порядка появились такие социальные гибриды, как аноблированные финансисты и «деловое дворянство». Однако до революции сближение этих социальных групп так и не вытеснило старого антагонизма между дворянами и буржуа. Что нового внесла французская революция в эту расстановку социальных сил? В какой степени она изменила положение дворянства в обществе?

В ходе революции была разрушена сословная структура общества, поколеблено политическое и экономическое могущество дворянства. Сословные привилегии были уничтожены окончательно и бесповоротно. Формальное гражданское равенство явилось таким социальным завоеванием, которое не смогли затронуть никакие последующие наступления контрреволюции. Как уже отмечалось, после упразднения дворянского звания, титулов и всех прочих знаков дворянского отличия официальные бумаги упоминали дворян обязательно с эпитетом «бывшие». Но так продолжалось сравнительно недолго. При Первой империи дворянские титулы были законодательно признаны и восстановлен институт майората при наследовании дворянского имущества. С 1807 г. началось создание дворянства Империи, а 1 марта 1808 г. оно было санкционировано декретом, согласно которому за заслуги и за исполнение государственных должностей могли жаловаться дворянские титулы, передававшиеся по наследству только вместе с майоратом. Принятая в самом начале Реставрации конституционная хартия 1814 г. признавала существование дворянства и дво-

рянских титулов, различая при этом старое, дореволюционное дворянство, новое, т. е. дворянство Империи, а также то, которое король может в будущем создать по своей воле. В хартии говорилось об «особых правах» дворянства, к коим относились «ранги и почести», но никаких юридических привилегий дворянство не получило. Хартия 1814 г. подтвердила уничтожение сословной иерархии. Самые первые статьи этого конституционного документа режима Реставрации провозглашали гражданское равенство⁴⁶. В 1814 г. была создана специальная комиссия для надзора за пользованием дворянскими титулами. Незаконное присвоение титула считалось правонарушением, за которое налагался штраф. Июльская монархия упразднила этот контроль, как и учрежденные Наполеоном майораты. Впоследствии революция 1848 г. на короткий период вновь уничтожила дворянские титулы, но в 50-е годы они были восстановлены, так же как и штраф за их узурпацию⁴⁷.

Хотя при Империи и Реставрации существование дворянства и связанных с ним титулов было законодательно признано, это не давало людям, именовавшимся дворянами, никаких привилегий по сравнению с недворянами. Таким образом, дворянство как сословие исчезло. Чем же оно стало? Сохранялся традиционный престиж дворянского имени, заставлявший одну из дочерей Горио, жену банкира, изнывать от зависти к своей сестре — графине, принятой в высшем свете, а разбогатевшего Шарля Гранде искать руки наследницы дворянского имени и титула. Сам Сийес, в 1789 г. высмеивавший аристократию в памфлете «Что такое третье сословие?», в 1808 г. аноблировался и стал графом империи⁴⁸. Сохранялось и особое дворянское самосознание, проявлявшееся в эндогамии. Между 1800 и 1860 г. в 20 взятых на выбор дворянских семьях было заключено 146 браков, и из них только 11 с недворянами⁴⁹. Во французском обществе первой половины XIX в. дворянство оставалось социальной реальностью, но юридически оно уже никак не выделялось. Его существование было обусловлено силой традиций, общественного мнения, привычек. Не исчезли традиционные представления о «дворянском образе жизни». По-прежнему военная и дипломатическая карьеры продолжали считаться преимущественно дворянскими. Наконец, земельная собственность, утратившая свои феодально-сенъериальные атрибуты, оставалась преимущественным видом дворянского богатства.

Революция не только упразднила сам принцип политических привилегий, но и на практике обновила государственный аппарат снизу доверху. На государственные посты проникли наконец дорвавшие до власти люди из бывшего третьего сословия, т. е. из буржуазии. В период Консульства подавляющее большинство членов высших законодательных и исполнительных органов по происхождению относились к непривилегированному сословию⁵⁰. При Империи 43,03% чиновников разного уровня были людьми недворянского происхождения и при старом порядке не занимали

никаких государственных должностей⁵¹. Это были представители тех имущих слоев третьего сословия, которые требовали себе прав и политического влияния, соразмерных с их имущественным весом, но при старом порядке не могли продвинуться.

Дворянство в ходе революции потерпело и материальный ущерб. Помимо общих для многих французов потерь, связанных с политической и экономической нестабильностью, падением курса ассигнатов, дворянство испытало на себе удары, направленные главным образом непосредственно против него. Имущество дворянства пострадало от потери сенъериальных прав и от конфискаций земель эмигрантов. При сравнительно высокой доле феодальных платежей в доходах дворян-сеньеров ряда провинций отмена этих платежей явилась для многих дворян сильным ударом. «Мы так никогда и не оправились от удара, который нанесли нашему сословию в ту ночь», — писала маркиза де Ла Тур дю Пен, имея в виду отмену феодального порядка в ночь на 4 августа 1789 г.⁵² Шатобриан вспоминал, что их родовое имение Комбур, дававшее 70 тыс. ливров годового дохода, после упразднения повинностей стало давать менее 10 тыс. ливров⁵³.

Часть дворянства пострадала от конфискаций. Размеры этих конфискаций сильно различались в разных департаментах, прежде всего потому, что интенсивность дворянской эмиграции была неодинакова. Так, на юго-западе Франции, в департаменте Верхняя Гаронна, земельные потери дворян были невелики, тогда как в департаменте Жиронда, откуда подавляющее большинство их эмигрировало, дворянство потеряло примерно 1/3 своих земель⁵⁴. По подсчетам Ж. Лефевра, велики были земельные потери дворянства в северных департаментах Нор и Кальвадос⁵⁵.

Дворянство Тулузы в результате отмены феодальных повинностей, конфискаций и других потрясений революционного времени перестало быть богатейшей социальной группой города. Потом оно так и не сумело восстановить свои позиции⁵⁶. Серьезный материальный урон понесло и дворянство провинции Франш-Конте. В результате существовавшая ранее в этом районе имущественная дистанция между дворянством и буржуазией уменьшилась⁵⁷.

Но несмотря на понесенный в годы революции материальный урон, дворяне сумели сохранить свои позиции крупных земельных собственников. Еще М. Блок утверждал, что «сохранение дворянских имений в некоторых районах Франции, особенно на западе, является одним из наиболее плохо изученных, но и наиболее неопровержимых фактов нашей недавней социальной истории»⁵⁸. Эта мысль впоследствии нашла подтверждение в итоге целого ряда исследований, проведенных на локальном материале⁵⁹.

Сейчас известно, что после революции дворянство восстановило свою земельную собственность на западе, в центре и на юге страны. Историки предполагают, что к 1815 г. дворяне смогли вернуть более 1/4 утраченных земель⁶⁰. Основной костяк крупных земельных собственников по-прежнему составляли дворяне.

По данным на 1803 г., на севере Франции, в Нормандии, дворяне были обложены наиболее высоким земельным налогом. Так, в департаменте Нижняя Сена из 12 самых крупных налогоплательщиков было 5 бывших дворян, в департаменте Орн — 12, в Бретани в департаменте Кот-дю-Нор — 9, в департаменте Финистер — 7, в департаменте Иль-и-Вилан — 5 дворян. Эти последние 5 дворян даже увеличили свою земельную собственность за годы революции. В Парижском бассейне в департаменте Сена-и-Марна все 12 наиболее крупных налогоплательщиков принадлежали к бывшему дворянству, в департаменте Сена-и-Уаза — 10, на юге в департаменте Дордонь — 11, в центре в департаменте Сона-и-Луара — 9 и т. д. Причем список лиц, обложенных наиболее высоким земельным налогом, почти всегда возглавлял дворянин. Обогатившаяся в результате покупки национальных имуществ буржуазия, таким образом, в названных департаментах все же не достигла уровня бывших привилегированных. От конфискаций там пострадало главным образом самое высшее дворянство, принцы крови, тогда как остальные сохраняли, восстанавливали или даже увеличивали свои состояния, сами покупали национальные имущества⁶¹. В бассейне Луары в деп. Майен из 10 конфискованных замков был продан как национальное имущество только 1. Во входившем в этот департамент дистрикте Лаваль продаже подверглась всего 1/4 конфискованных земель дворян-эмигрантов. В целом за период Реставрации примерно 2/3 национальных имуществ второго происхождения, т. е. конфискованных эмигрантских земель, вернулись к прежним собственникам⁶². Консолидации дворянской земельной собственности способствовал принятый в 1825 г. знаменитый закон об «эмигрантском миллиарде», в соответствии с которым казна выплатила бывшим эмигрантам около 1 млрд. франков компенсации за конфискованные у них земли. Полученные деньги использовались на приобретение земель из нераспроданного фонда национальных имуществ⁶³.

Локальным примером сохранения позиций дворян-земельных собственников может служить сеньерия Льервиль, которая была расположена в Парижском бассейне, в бальяже Шомон-ан-Вексен. Несмотря на то что накануне революции сеньерияльные платежи давали собственнику существенную часть его дохода, сеньерия Льервиль являлась уникальным случаем стабильности: имущество и доходы дворянина-сеньера не претерпели за годы революции сколько-нибудь заметных изменений. Потерянное в результате отмены феодальных повинностей было возмещено повышением арендной платы⁶⁴.

Дворянство и в середине XIX в. продолжало составлять наибольшую часть крупных земельных собственников Франции. По данным на 1840 г., из 521 человека, чей поземельный налог превышал 5 тыс. франков, 61% составляли дворяне. Среди 126 человек, плативших налог свыше 8 тыс. франков, доля дворян была еще выше — 73%⁶⁵.

В послереволюционной Франции, таким образом, дворянство в основном сохранило свои имущественные позиции и социальный вес. В результате осуществленного в ходе революции полного уничтожения феодальных повинностей завершилась начавшаяся при старом порядке дефеодализация дворянской земельной собственности и дворянство стало частью класса буржуазных земельных собственников. С ликвидацией сословных привилегий началось стирание граней между дворянством и буржуазией, хотя различия между ними оставались. Шел процесс становления нового, буржуазного господствующего класса. Основой общественной иерархии после революции было сделано богатство. Это нашло свое политическое выражение в создании цензитарной системы, при которой только имущие слои населения получили право голоса и возможность поставлять кадры центральной и местной администрации⁶⁶. В условиях цензитарной избирательной системы сформировалась социально-политическая элита, за которой утвердилось наименование «нотаблей». Термин «нотабли» употреблялся в XVIII—XIX вв. и широко используется современными историками, изучающими социальную историю Франции этого времени⁶⁷. Постепенно понятие «нотабли» меняло свое содержание. Происходившие в стране социально-экономические процессы влекли за собой изменение социального состава этой группы. Впервые «нотабли» в интересующем нас смысле, т. е. как политическая элита послереволюционной Франции, юридически оформились с принятием конституции VIII года Республики (13 декабря 1799 г.). В ней и в последовавшей за ней конституции X года Республики говорилось, что члены департаментских коллегий выборщиков должны назначаться из числа 600 граждан, плативших в своем департаменте самые высокие налоги. Подразумевалась общая сумма всех уплачиваемых налогов: на движимое и недвижимое имущество и торгово-промышленный налог. Богатство стало критерием выдвижения в состав политической элиты. Но в обществе, которое лишь вступало в период промышленной революции, в котором доминировал аграрный сектор, господствующей ценностью оставалось не богатство вообще, а именно земельная собственность. На практике это вело к тому, что при составлении департаментских списков 600 граждан, обложенных самым высоким налогом, в расчет принимали главным образом земельный налог. Большое значение имели также занимаемые должности, происхождение, семейные связи, авторитет. Критерии принадлежности к «нотаблям» не были, таким образом, чисто экономическими. В списках оказались крупные земельные собственники, крупные торговцы, рантье, юристы, чиновники, военные. Среди них было немало дворян. Так, в департаменте Изер среди 600 «нотаблей» насчитывалось около 100 дворян⁶⁸.

Установившаяся во Франции цензитарная система способствовала тому, что дворянам в значительной степени удалось сохранить политическое влияние, хотя они и утратили свое бывшее господство, перешедшее к буржуазным верхам бывшего третьего

сословия. Из 498 членов высших органов государственной власти периода Консульства: министров, членов Государственного совета, трибуната, сенаторов и депутатов парламента — 65, или 13%, составляли бывшие дворяне⁶⁹. В Первой империи 30,77% всех чиновников принадлежали к персоналу бывшей королевской администрации⁷⁰. При Реставрации все 90 пэров Франции, назначенных Людовиком XVIII, были дворянами. В палате депутатов дворяне старого порядка и Империи составляли 58% в 1821 г., 40% в 1827 г. и 35% в 1846 г. Сильны были позиции дворян в местных собраниях: в 1840 г. каждый шестой генеральный советник департамента был дворянином⁷¹. В департаментах левого берега Рейна из 358 представителей политико-административной элиты наполеоновской Франции, занимавших высокие должности и заседавших в различных центральных и местных выборных органах, было 57 дворян старого порядка и 3 высших церковника. Дворяне эти являлись как крупными земельными собственниками, так и промышленниками: фабрикантами сукна и владельцами шелкоткацких мануфактур⁷². Различные государственные должности занимали и многие дворяне провинции Франш-Конте⁷³.

Сохранение социального и политического веса дворянства, различий между дворянством и буржуазией было обусловлено тем, что во Франции первой половины XIX в. еще не завершилось становление классов капиталистического общества. Постепенная утрата дворянством его социальной обособленности и влияния станет следствием происходившей именно в этот период промышленной революции.

Ломка социально-классовых границ старого общества в ходе промышленной революции влекла за собой изменение господствующей системы ценностей. С одной стороны, сознание французской буржуазии испытало на себе влияние дворянской системы ценностей. Эта проблема уже освещалась в советской литературе⁷⁴. С другой стороны, в послереволюционной Франции в дворянской среде постепенно возобладал дух бережливости. Накопленные средства вкладывались в прибыльное дело. Традиции «деловых» дворян XVIII в. развивались. При режиме Реставрации среди дворян было много вкладчиков и членов административных советов предприятий, которые приняли эстафету у аристократов старого порядка, участвовавших в акционерных обществах и финансировавших первые металлургические заводы и текстильные фабрики. В 40-е годы дворяне из таких знатнейших семей, как Сегюр, Ноай, Ла Тур-Мобур, Бово, поощряли железнодорожное строительство и входили в железнодорожные компании. По документам акционерных обществ департамента Кот-д'Ор за 1830—1850 гг., дворяне составляли 18% членов этих обществ и им принадлежало 24% капиталов. По размерам вкладов дворяне занимали второе место после негоциантов⁷⁵. Представитель старой аристократии маркиз де Талуэ управлял компанией Анзенских угольных копей и был заместителем председателя административ-

ного совета компании Орлеанской железной дороги. Виконт де Курваль, происходивший из семьи парижской парламентской аристократии, собственник феодального замка в департаменте Эна, финансировал в своем кантоне акционерное предприятие по осушению болот⁷⁶.

Префект департамента Кот-д'Ор Ашиль Шапе так писал о поведении бургундской знати между 1815 и 1840 г.: «Со времени Реставрации привычка экономить распространилась среди всех богатых классов, и эта экономия была еще одной причиной обогащения. Эмигранты, вернувшие в свою собственность конфискованные у них леса и испытавшие нужду, оставили прежние расточительные привычки. Они сберегали значительную часть своих доходов, и им в общем удалось восстановить свое богатство. Эта бережливость, которая сначала была необходимостью, превратилась затем в привычку, и сейчас у нас очень мало богатых семей, которые расходовали бы треть своих доходов. Надо было найти применение капиталам, созданным такой экономией... Эта перемена, сколь бы важной она ни была, коснулась лишь самих капиталов, направленных в промышленность, потому что иначе быть не могло. Но люди мало участвовали в этом процессе, и семьи готовили детей к профессии адвоката, судьи, военного, к карьере в финансовом ведомстве, но не к промышленности или торговле...»⁷⁷.

Вместе с тем дворянство занималось и предпринимательством в собственном смысле слова. Продолжалась начатая еще до революции карьера де Ванделей и Дитрихов.

Как показало обследование завещаний парижского дворянства за 1820 и 1847 гг., за это время в имуществе дворян доля движимости, в частности различных акций и ценных бумаг, несколько возросла (с 11 до 13%). Причем если в 1820 г. это были в основном государственные ренты, то в 1847 г. наравне с ними фигурировали акции Французского банка, железнодорожных и страховых компаний и т. д.⁷⁸ Благодаря крупным вложениям капиталов богатые дворянские семьи играли заметную роль в развитии добывающей и металлургической промышленности. Они получали капиталистическую прибыль и становились частью формирующегося класса капиталистов. Но основу богатства дворянства по-прежнему составляла крупная земельная собственность. При этом в первой половине XIX в. многие дворяне-землевладельцы способствовали модернизации сельского хозяйства в целом ряде районов Франции. Через посредство сельскохозяйственных и научных обществ они помогали внедрять передовую технику обработки земли, новые сельскохозяйственные культуры⁷⁹.

Таким образом, в результате Великой французской революции дворянство перестало быть господствующим привилегированным сословием, были упразднены феодально-сеньеральные атрибуты дворянского землевладения. Вместе с тем в обществе первой половины XIX в., в котором еще не завершилась промышленная революция и формирование адекватной капитализму классовой

структуры, дворянство сохранило социальную обособленность и в значительной степени экономический, социальный и политический вес. Усилился начатый при старом порядке процесс обуржуазивания дворянства, и оно стало одним из источников формирующегося класса капиталистов-предпринимателей. Наряду с буржуазией оно принадлежало к господствующим слоям французского общества времен Реставрации и Июльской монархии, при которой, по словам К. Маркса, «господствовала не французская буржуазия, а лишь одна ее фракция: банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных рудников и лесов, связанная с ними часть земельных собственников — так называемая финансовая аристократия»⁸⁰.

¹ Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978, p. 44.

² Цит. по: Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971, с. 125—126.

³ См., напр.: Lefebvre G. Foules révolutionnaires. — Annales Historiques de la Révolution Française (d'après — AHRF), 1934, N 61, p. 1—26; Idem. La grande peur de 1789. P., 1932.

⁴ Godechot J. Peu. na: Higonnet P. Class, Ideology and the Rights of Nobles during the French Revolution. Oxford, 1981. — AHRF, 1983, N 254, p. 642.

⁵ См.: Адо А. В. Указ. соч., с. 139—146, 245—249, 331.

⁶ См.: там же, с. 135—232; Soboul A. La Révolution française. P., 1983, p. 169—181.

⁷ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв. Под ред. проф. П. Н. Галанзы. М., 1957, с. 232.

⁸ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements et avis du Conseil d'Etat (de 1788 à 1813 inclusivement par ordre chronologique), publiés sur les éditions officielles par J. B. Duvergier. Vol. 1. P., 1824, p. 131.

⁹ Ibid., p. 254.

¹⁰ См.: Адо А. В. Указ. соч., с. 172.

¹¹ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв., с. 252.

¹² Réimpression de l'ancien «Moniteur». Seule histoire authentique et inaltérée de la Révolution française depuis la réunion des Etats généraux jusqu'au Consulat (mai 1789 — novembre 1799). T. 9. P., 1854, p. 805—806.

¹³ Higonnet P. Class, Ideology and the Rights of Nobles during the French Revolution. Oxford, 1981, p. 61.

¹⁴ Aulard A. La Révolution française et le Régime féodal. P., 1919, p. 98.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid., p. 98—99.

¹⁷ Greer D. The Incidence of the Emigration during the French Revolution. Cambridge (Mass.), 1951, p. 68—69, 112.

¹⁸ Higonnet P. Op. cit., p. 58—59.

¹⁹ Greer D. Op. cit., p. 31—37.

²⁰ Lefebvre G. La Révolution française. P., 1968, p. 160—161.

²¹ Godechot J. La contre-révolution: Doctrine et action. 1789—1804. P., 1961, p. 35—36.

²² Oechslin J. J. Le mouvement ultra-royaliste sous la Restauration: Son idéologie et son action politique. 1814—1830. P., 1960, p. 24—54.

²³ См. об этом: Higonnet P. Op. cit.

²⁴ Революционное правительство в эпоху Конвента. Под ред. Н. М. Лукина. М., 1926, с. 115—116.

²⁵ Там же, с. 127—129.

²⁶ Réimpression de l'ancien «Moniteur». T. 21. P., 1854, p. 384.

- 27 Réimpression de l'ancien «Moniteur». T. 29. P., 1854, p. 81—82.
- 28 Godechot J. Рец. на. Higonnet P. Op. cit. — AHRF, 1983, N 254, p. 643.
- 29 Furet F., Richet D. La Révolution, vol. 1. P., 1965, p. 164.
- 30 Higonnet P. Op. cit., p. 58—59.
- 31 Bastier J. La Féodalité au siècle des Lumières dans la région de Toulouse. P., 1975, p. 302.
- 32 Ibid., p. 302—303.
- 33 Brelot Cl. La noblesse en Franche-Comté de 1789 à 1808 P., 1972, p. 77—78, 93.
- 34 Ibid., p. 77.
- 35 Ibid., p. 77—78.
- 36 Murphy J., Higonnet P. Les députés de la noblesse aux Etats généraux de 1789. — Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine (далее — RHMC), 1973, t. 20, N 2, p. 230—247; Higonnet P. Op. cit., 58—59, 70—72.
- 37 Higonnet P. Op. cit., p. 60.
- 38 Тэн И. Старый порядок. Спб., 1910, с. 399.
- 39 Ségur L.-Ph. Souvenirs. P., 1909, p. 192.
- 40 Vaissière P. Lettres d'«aristocrates»: La révolution racontée par des correspondances privées. P., 1907, p. 68—69.
- 41 Ibid., p. 71.
- 42 Higonnet P. Op. cit., p. 63.
- 43 Kaiker F. A. Les Encyclopédistes et la Terreur. — RHMC, 1967, t. 14, N 3, p. 284—295; Trenard L. Lumières et Révolution. — XVIII siècle, 1974, N 6, p. 3—43; Mortier R. Les héritiers des «philosophes» devant l'expérience révolutionnaire. — Ibid., p. 45—57; Régald M. Lumières, Elite, Démocratie: la difficile position des Idéologues. — Ibid., p. 193—207.
- 44 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 418.
- 45 Huppert G. Les bourgeois gentilshommes: An essay on the definition of elites in Renaissance France. Chicago—London, 1977, p. 10—15.
- 46 Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв., с. 440.
- 47 Histoire économique et sociale de la France, t. 3, vol. 2. P., 1976, p. 931—933.
- 48 Higonnet P. Op. cit., p. 262.
- 49 Tudesq A. J. Les survivances de l'Ancien Régime: la noblesse dans la société française de la première moitié du XIX siècle. — In: Ordres et classes. Colloque d'histoire sociale. P., 1973, p. 206—207.
- 50 Giesselmann W. Die brumairianische Elite: Kontinuität und Wandel der französischen Führungsschicht zwischen Ancien Régime und Julimonarchie. Stuttgart, 1977, S. 44—45.
- 51 Bergeron L., Chaussinand-Nogaret G. Les «Masses de granite»: Cent mille notables du Premier Empire. P., 1979, p. 40.
- 52 Forster R. The survival of the nobility during the French Revolution.— Past & Present, 1967, N 37, p. 73.
- 53 Ibidem.
- 54 Ibid., p. 76—77.
- 55 См.: Адо А. В. Указ. соч., с. 398—399.
- 56 Sentou J. La fortune immobilière des toulousains et la Révolution française. P., 1970, p. 40—52.
- 57 Brelot Cl. Op. cit., p. 147—150.
- 58 Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957, с. 309.
- 59 См.: Адо А. В. Указ. соч., с. 405, 410—411.
- 60 Soboul A. Propriété foncière et condition des terres dans l'Europe napoléonienne: le cas de la France. — In: XV Congrès international des sciences historiques. Rapports III. Organismes internationaux affiliés et commissions internes. Bucarest, 1980, p. 394—399.
- 61 Ibid., p. 397—402.
- 62 Bergeron L. Les capitalistes en France 1780—1914. P., 1978, p. 18.
- 63 Forster R. The survival of the nobility..., p. 74—78.

64 Ikni G. R. La terre de Lierville de 1715 à la Restauration. — In: Contributions à l'histoire paysanne de la Révolution française. P., 1977, p. 264, 272—273.

65 Tudesq A. J. Les survivances de l'Ancien Régime, p. 208.

66 Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв., с. 256—257, 385—387, 443.

67 См., напр.: Собоуль А. Проблема нации в ходе социальной борьбы в годы Французской буржуазной революции XVIII века. — Новая и новейшая история, 1963, № 6, с. 43—58; Его же. От террора к консульству. национальная проблема и социальные реальности. — Французский ежегодник, 1971. М., 1973, с. 129—137; Bergeron L. Banquiers, négociants et manufacturiers parisiens du Directoire à l'Empire Vol 1—2 Lille—Paris, 1975, Idem Les capitalistes en France; Bergeron L., Chaussinand-Nogaret G. Op. cit.; Tudesq A. J. Les grands notables en France: 1840—1849. Vol. 1—2. Bordeaux, 1964; Tudesq A. J., Jardin A. La France des notables. Vol. 1—2. P., 1973.

68 Histoire économique et sociale de la France, t. 3, vol. 1, p. 129—130; vol. 2, p. 941—945.

69 Giesselmann W. Op. cit., S. 15, 44.

70 Bergeron L., Chaussinand-Nogaret G. Op. cit., p. 40—42.

71 Histoire économique et sociale de la France, t. 3, vol. 2, p. 938—939.

72 Dufraisse R. «Elites» anciennes et «élites» nouvelles: rive gauche du Rhin, époque napoléonienne. — AHRF, 1982, N 248, p. 244—283.

73 Brelot Cl. Op. cit., p. 147—150.

74 См.: Бунин И. М. Буржуазия в современном французском обществе, структура, психология, политические позиции. М., 1978, с. 35—37.

75 Bergeron L. Les capitalistes en France, p. 30—33.

76 Ibid., p. 135—136.

77 Ibid., p. 32—33.

78 Histoire économique et sociale de la France, t. 3, vol. 2, p. 933—937.

79 Ibid., p. 937—939.

80 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 8.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Рукописные материалы

Наказ дворянства бальяжа Сен Пьер ле Мутье провинции Ниверне Генеральным штатам 1789 г. — Одесский государственный историко-краеведческий музей, д. 684.

Сборник документов, относящихся к Генеральным штатам и собраниям нотаблей XVI—XVII вв. — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Фр. FII, № 79, т. 1, р. 1—414; т. 2, р. 1—420.

Сведения об аноблированиях из материалов генерального контроля. — Archives Nationales, N 1448, pièce N 16.

Публикации наказов Генеральным штатам

Archives et documents pour l'histoire moderne. XVI—XVIII siècles. Publ. par F. X. Emmanuelli. Sér. 1. A. Noblesse. 1614. Remontrances de la noblesse de Provence. Aix-en-Provence, 1974.

Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises. Fondé par J. Madival et E. Laurent. Sér. 1, t. 1—7. P., 1879—1880.

Le cahier de doléances de la Noblesse de la sénéchaussée de Châtelleraut. Publ. par L. Coq. — Information historique, 1976, N 4.

Cahier de la noblesse du bailliage de Bar-le-Duc. — Révolution française, 1897, t. 32, N 8.

Cahier des pouvoirs et instructions à remettre aux députés de l'ordre de la noblesse du bailliage de Rouen. — In: Mazauric C. Jacobinisme et Révolution. Autour du bicentenaire de Quatre-vingt-neuf. P., 1984.

Cahiers des bailliages des généralités de Metz et de Nancy: Publ. par Ch. Etienne. Sér. 1, t. 2. Cahiers du Bailliage de Dieuze. Nancy, 1912.

Cahiers de doléances de la noblesse d'Orléanais, Normandie et Bretagne pour les Etats généraux de 1614. Publ. par Y. Durand. — In: Université de Nantes. Enquêtes et documents, 1971, t. 1. Nantes, 1971.

Chassin Ch. L. Les élections et les cahiers de Paris en 1789. T. 1—4. P., 1888—1889.

Hyslop B. A Guide to the General Cahiers of 1789, with the Texts of Unedited Cahiers. N. Y., 1936.

Lassaigne J. D. Les assemblées de la noblesse de France aux XVII et XVIII siècles. P., 1965.

Mousnier R., Labatut J. P., Durand Y. Problèmes de stratification sociale: Deux cahiers de la noblesse. 1649—1651. P., 1965.

Dictionnaire de l'Académie française. T. 1—2. 4-ème éd. P., 1762.
Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 1—36. Berne et Lausanne, 1778—1781.

Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 1—36. Nouv. éd. Genève, 1778—1779.

Expilly J. J. Le Dictionnaire géographique, historique et politique des Gaules et de la France. T. 1—6. P., 1762—1770.

Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois, tant vieux que modernes, et les termes des sciences et des arts. T. 1—3. La Haye—Rotterdam, 1690.

Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois, tant vieux que modernes, et les termes des sciences et des arts. T. 1—4. Nouv. éd. La Haye, 1727.

Lacombe de Prezel H. Dictionnaire du citoyen, ou Abrégé historique, théorique et pratique du commerce. T. 1—2. P., 1761.

Moréri L. Le grand dictionnaire historique. T. 1—8. 18-ème éd. 1740.

Другие источники

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.

Вольтер Ф. М. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. 1956.

Мерсье Л.-С. Картины Парижа. Т. 1—2. М.—Л., 1935—1936.

Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955.

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

Сен-Симон Л. Мемуары. В 2-х т. М., 1934.

Сийес Э. Ж. Что такое третье сословие? СПб., 1906.

Французские просветители XVIII в. о религии. М., 1960.

Arcq P. A. Mes loisirs ou Pensées diverses. P., 1755.

Bertrand de Moleville A F Histoire de la Révolution de France pendant les dernières années du règne de Louis XVI. Vol. 1—4. P., 1801.

Bonnefon P. La société française du XVIII siècle. Lectures extraites des Mémoires et des Correspondances. P., 1905.

Boulainvilliers H. Essais sur la noblesse de France, contenant une dissertation sur son origine et abaissement. Amsterdam, 1732.

Brette A. Recueil de documents relatifs à la convocation des Etats généraux de 1789. Vol. 1—3. P., 1894—1904.

Chateaubriand F. R. Mémoires d'outre-tombe. Vol. 1—6. Bruxelles, 1849.

Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements et avis du Conseil d'Etat (de 1788 à 1813 inclusivement par ordre chronologique), publ. sur les éditions officielles par J. B. Duvergier. Vol. 1—78. P., 1824—1878.

Grosclaude P. Malesherbes et son temps: Nouveaux documents inédits. P., 1964.

Johannès N., sieur du Portail. Histoire de temps ou le véritable récit de tout ce qui s'est passé dans le Parlement depuis le mois d'août 1647 jusqu'au mois de novembre 1648. P., 1649.

Montesquieu Ch.-L. De l'esprit des lois. P., 1969.

Montlosier F. D. de Reynaud. Mémoires sur la Révolution française. Vol. 1—2. P., 1930.

Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789. Par mm. Jourdan, Decrusy, Isambert, t. 1—29. P., 1824—1827.

Réimpression de l'ancien «Moniteur». Seule histoire authentique et inaltérée de la Révolution française depuis la réunion des Etats généraux jusqu'au Consulat (mais 1789 — novembre 1799), t. 1—29. P., 1850—1854.

Ségur L.-Ph. Souvenirs. P., 1909.

Sénac de Meilhan. Le gouvernement, les moeurs et les conditions en France avant la Révolution. P., 1862.

Vaissière P. Lettres d'aristocrates. La révolution racontée par des correspondances privées. P., 1907.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Луизова Т. В.* Собрание рукописей Дубровского в Государственной публичной библиотеке. — Вопросы истории, 1952, № 8.
- Brette A.* Atlas des bailliages ou juridictions assimilées ayant formé unite électorale en 1789. P., 1904.
- Brette A.* Les limites et les divisions territoriales de la France en 1789. P., 1907.
- Cabourdin G., Viard G.* L'exique historique de la France d'Ancien Régime. P., 1978.
- Catalogue des manuscrits français de la bibliothèque de Saint-Petersbourg. Publ. par G. Bertrand. P., 1874.
- Denis M., Goubert P.* 1789: Les Français ont la parole. Cahiers des Etats généraux, suivis d'un glossaire pratique de la langue de 89. P., 1964.
- Galliano P., Phillippe R., Sussel Ph.* La France des Lumières. 1715—1789. P., 1970.
- Godechot J.* Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. P., 1951.
- Hyslop B.* Les cahiers de doléances de 1789. — AHRF, 1955, N 139.
- Hyslop B.* Répertoire critique des cahiers de doléances pour les Etats généraux de 1789. P., 1933.
- Hyslop B.* Supplément au Répertoire critique des cahiers de doléances pour les Etats généraux de 1789. P., 1952.
- Marion M.* Dictionnaire des Institutions de la France aux XVII et XVIII siècles. P., 1969.

ЛИТЕРАТУРА

Общие работы

- Адо А. В.* Французская буржуазная революция конца XVIII в. и ее современные критики. — Новая и новейшая история, 1981, № 3.
- Ардашев П.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, т. 1. Спб., 1900; т. 2. Киев, 1906. М., 1957.
- Бржецкий Н. К.* Податная реформа: французские теории XVIII столетия. Спб., 1888.
- Будагов Р. А.* Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. Л., 1940.
- Герцензон А. А.* Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII в. М., 1962.
- Лебедева Е. И.* К истории политического кризиса накануне Великой французской буржуазной революции (план реформ Ш.-А. де Калонна). — В кн.: Проблемы новой и новейшей истории. М., 1983.
- Русская культура и Франция. Литературное наследство. Т. 29/30. М., 1937.
- Луцицкий И. В.* Аграрные отношения в окрестностях Парижа. — Журнал Министерства народного просвещения, 1915, ч. 57.
- Люблинская А. Д.* Франция в начале XVII века. Л., 1959.
- Люблинская А. Д.* Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. Л., 1982.
- Люблинская А. Д.* Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. Л., 1978.
- Рокен Ф.* Движение общественной мысли во Франции в XVIII в. Спб., 1902.

- Собуль А.* Классическая историография Французской революции. О нынешних спорах. — В кн.: Французский ежегодник. 1976. М., 1978.
- Собуль А.* От террора к Консульству: национальная проблема и социальные реальности. — В кн.: Французский ежегодник. 1971. М., 1973.
- Собуль А.* Проблема нации в ходе социальной борьбы в годы Французской буржуазной революции XVIII в. — Новая и новейшая история, 1963, № 6.
- Токвиль А.* Старый порядок и революция. Пг., 1918.
- Тэн И.* Старый порядок. Спб., 1910.
- Червоная Т. М.* Проблема становления капиталистического фермерства во Франции XVII в. — Средние века. 1973, вып. 35.
- Шере Э.* Падение старого режима. Т. 1—2. Спб., 1907—1908.
- L'Abolition de la féodalité dans le monde occidental: Actes du colloque international sur l'abolition de la féodalité et les conditions de sa suppression dans le monde occidental. Vol. 1—2. P., 1971.
- Agulhon M.* La vie sociale en Provence intérieure au lendemain de la Révolution. P., 1970.
- Altusser L.* Montesquieu: La politique et l'histoire. P., 1959.
- Antoine M.* Le Conseil du Roi sous le règne de Louis XV. P., 1970.
- Barney R.* Les «aristocrates» et J. J. Rousseau dans la Révolution. — AHRF, 1978, N 234.
- Bastier J.* La féodalité au siècle des Lumières dans la région de Toulouse. P., 1975.
- Bataillon J. N.* Les justices seigneuriales du bailliage de Pontoise à la fin de l'Ancien Régime. P., 1942.
- Batz R.* Histoire de la contre-révolution. Vol. 1—2. P., 1908.
- Behrens B.* The Ancien Régime. L., 1967.
- Behrens B.* The Ancien Régime and the Revolution. — Historical Journal, 1974, N 3.
- Bergeron L.* Banquiers, négociants et manufacturiers parisiens du Directoire à l'Empire. Vol. 1—2. Lille—P., 1975.
- Bergeron L.* Les capitalistes en France. 1780—1914. P., 1978.
- Bergeron L., Chaussinand-Nogaret G.* Les «Masses de granit». Cent mille notables du Premier Empire. P., 1979.
- Bloch M.* La lutte pour l'individualisme agraire dans la France du XVIII siècle. — Annales d'Histoire Economique et Sociale, 1930.
- Bois P.* Paysans de l'Ouest. Le Mans, 1960.
- Bonno G.* La constitution britannique devant l'opinion française de Montesquieu à Bonaparte. P., 1931.
- Bordeaux au XVIII siècle. G. Pariset (éd.). Bordeaux, 1968.
- Brunet P.* Structures agraires et économie rurale des plateaux tertiaires entre la Seine et l'Oise. Caen, 1960.
- Cahen L.* Condorcet et la Révolution française. P., 1904.
- Carcassonne E.* Montesquieu et le problème de la constitution française au XVIII siècle. P., 1927.
- Casanova A., Mazauric C., Robin R.* La Révolution française a-t-elle eu lieu? — Nouvelle critique, 1972, N 521.
- Chassin Ch. L.* Le génie de la Révolution. Vol. 1—2. P., 1863—1865.
- Chaussinand-Nogaret G.* Gens de finance au XVIII siècle. P., 1972.
- Chaussinand-Nogaret G.* La vie quotidienne des Français sous Louis XV. P., 1979.
- Chéruel A.* Saint-Simon considéré comme historien de Louis XIV. P., 1965.
- Cochin A.* La Révolution et la libre-pensée. P., 1955.
- Contributions à l'histoire paysanne de la Révolution française. Sous la dir. d'A. Soboul. P., 1977.
- Coroisier A.* Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. P., 1976.
- Dale Van K.* Church, State and the Ideological Origins of the French Revolution. — Journal of Modern History, 1979, N 4.
- Deyon P.* Amiens, capitale provinciale: étude sur la société urbaine au XVIII siècle. P., 1967.
- Doyle W.* Origins of the French revolution. Oxford, 1980.
- Durand Y.* Les fermiers généraux au XVIII siècle. P., 1971.

- Durand Y.* Finance et mécénat: les fermiers généraux au XVIII siècle. P., 1976.
- Egret J.* Louis XV et l'opposition parlementaire. P., 1970.
- Eisenstein E. L.* Who intervened in 1788? A Commentary on the Coming of the French Revolution. — *American Historical Review*, 1965, vol. 71, N 1.
- Furet F.* Le catéchisme révolutionnaire — AESC, 1971, N 2.
- Furet F.* Penser la Révolution française. P., 1978.
- Furet F.* Renouveau de l'étude des Lumières. — AESC, 1964, N 5.
- Furet F., Daumard A.* Structures et relations sociales à Paris au milieu du XVIII siècle. P., 1961.
- Furet F., Ozouf M.* Deux légitimations historiques de la société française au XVIII siècle: Mably et Boulainvilliers. — AESC, 1979, N 3.
- Furet F., Richet D.* La Révolution française. P., 1973.
- Garden M.* Lyon et les lyonnais au XVIII siècle. P., 1970.
- Gauthier F.* La voie paysanne dans la Révolution française: l'exemple picard. P., 1977.
- Godechoi J.* La contre-révolution; Doctrine et action. 1789—1804. P., 1961.
- Goubert P.* L'Ancien Régime. Vol. 1—2. P., 1969—1972
- Goubert P.* Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. P., 1958.
- Greer D.* The Incidence of the Emigration during the French Revolution. Cambridge (Mass.), 1951.
- Grosclaude P.* Malesherbes. Témoin et interprète de son temps. Vol. 1—2. P., 1961.
- Hincker F.* Les Français devant l'impôt sous l'Ancien Régime. P., 1971.
- Histoire de la France rurale. Vol. 1—5. Sous la dir. d'E. Le Roy Ladurie. P., 1975.
- Histoire économique et sociale de la France, t. 3, vol. 1—2. P., 1976.
- L'Histoire sociale: sources et méthodes. P., 1967.
- Hufton O. H.* Bayeux in the later XVIIIth century. A social study. Oxford, 1967.
- Kajfer F. A.* Les Encyclopédistes et la Terreur. — RHMC, 1967, t. 14.
- Lefebvre G.* Etudes orléanaises. Vol. 1. Contribution à l'étude des structures sociales à la fin du XVIII siècle. P., 1962.
- Lefebvre G.* Etudes sur la Révolution française. P., 1954.
- Lefebvre G.* La Révolution française. P., 1968.
- Lemarchand G.* Le féodalisme dans la France rurale des temps modernes: Essai de caractérisation. — AHRF, 1969, N 195.
- Lemarchand G.* La féodalité dans les campagnes et la Révolution française: seigneurie et communauté paysanne de 1788 à 1799. — In: Die Französische Revolution — Zufälliges oder notwendiges Ereignis? München—Wien, 1983, Teil 1.
- Lemarchand G.* Sur la société française en 1789. — RHMC, 1972, vol. 19.
- Léonard E. G.* L'armée et ses problèmes au XVIII siècle. P., 1958.
- Léonard E. G.* La question sociale dans l'armée française au XVIII siècle. — AESC, 1948, N 2.
- Leymarie M.* Les redevances foncières seigneuriales en Haute Auvergne. — AHRF, 1968, N 193.
- Leymarie M.* Rentes seigneuriales et produit des seigneuries dans l'élection de Tulle en Limousin. — AHRF, 1970, N 202.
- Livre et société dans la France du XVIII siècle. Vol. 1—2. P., 1965—1970.
- Madelin L.* La contre-révolution sous la révolution. P., 1935.
- Mandrou R.* L'Europe «absolutiste». Raison et raison d'Etat. 1649—1775. P., 1977.
- Mason L. B.* The French constitution and the social question in the old regime: 1700—1789. Bonn, 1954.
- Morill J. S.* French absolutism as limited monarchy. — *Historical Journal*, 1978, N 4.
- Mousnier R.* Les institutions de la France sous la monarchie absolue. P., 1974.
- Mousnier R.* Société française de 1770 à 1789. P., 1970.

- Oechslin J. J.* Le mouvement ultra-royaliste sous la Restauration. Son idéologie et son action politique. 1814—1830. P., 1960.
- Ordres et classes. Communications réunies par D. Roche. Colloque d'histoire sociale. P., 1973.
- Poitrineau A.* La vie rurale en Basse Auvergne au XVIII siècle. Vol. 1—2. P., 1965.
- Proust J.* Diderot et l'Encyclopédie. P., 1962
- Quéniart J.* Culture et société urbaines dans la France de L'Ouest au XVIII siècle. Vol. 1—2. Univ. de Lille, 1977
- Richet D.* Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: Elites et despotisme. — AESC, 1969, N 1
- Richet D.* La France moderne: l'esprit des institutions. P., 1973.
- Robin R.* Fief et seigneurie dans le droit et l'idéologie juridique à la fin du XVIII siècle. — AHRF, 1971, N 206.
- Robin R.* La société française en 1789: Semur-en-Auxois. P., 1970.
- Robin R.* Vers une histoire des idéologies. — AHRF, 1971, N 203.
- Roche D.* La Diffusion des Lumières. Un exemple: l'Académie de Châlons-sur-Marne. — AESC, 1964, N 5.
- Sagnac Ph.* La fin de l'Ancien Régime et la Révolution américaine. P., 1947.
- Sagnac Ph.* La formation de la société française moderne. Vol. 1—2. P., 1945—1946.
- Schnerb R.* La répartition des impôts directs à la fin de l'Ancien Régime. — *Revue d'Histoire Economique et Sociale*, 1960, N 2.
- Sentou J.* La fortune immobilière des toulousains et la Révolution française. P., 1970
- Sentou J.* Fortunes et groupes sociaux à Toulouse sous la Révolution: 1789—1799. Toulouse, 1969.
- Soboul A.* La civilisation et la Révolution française. Vol. 1. P., 1970
- Soboul A.* La France à la veille de la Révolution. Vol. 1. P., 1966.
- Soboul A.* Précis d'histoire de la Révolution française. P., 1962.
- Soboul A.* Propriété foncière et condition des terres dans l'Europe napoléonienne. Le cas de la France. — In XV Congrès international des sciences historiques. Rapports III. Organismes internationaux affiliés et commissions internes. Bucarest, 1980.
- Soboul A.* La Révolution française et la féodalité: Notes sur le prélèvement féodal. — *Revue Historique*, 1968, N 487.
- Soboul A.* La société française dans la 2-de moitié du XVIII siècle. Structures sociales, cultures et modes de vie. P., 1969.
- Taylor G. V.* Non capitalist Wealth and the Origins of the French Revolution. — *American Historical Review*, 1967, vol. 72, N 2.
- Tocqueville A.* Mélanges. Fragments historiques et notes sur l'Ancien Régime: la Révolution et l'Empire. P., 1865.
- Tournier M.* Le vocabulaire de la Révolution. — AHRF, 1969, N 195.
- Tudesq A. J., Jardin A.* La France des notables. Vol. 1—2. P., 1973.
- Tudesq A. J.* Les grands notables en France: 1840—1849. Etude historique d'une psychologie sociale. Vol. 1—2. Bordeaux, 1964.
- Tuetey L.* Les officiers sous l'Ancien Régime: Nobles et roturiers. P., 1908.
- Viaud D.* Sur un domaine rural du Vendômois. — AHRF, 1978, N 231.
- Vidalenc J.* Les émigrés français. Caen, 1963.
- Vovelle M.* La chute de la monarchie. P., 1972.

Работы о французском дворянстве

- Гордон Л. С.* «Торгующее дворянство» аббата Куайе и его «Развитие». — Учен. зап. Башк. гос. ун-та, 1974, вып. 77, сер. ист. наук, № 16. Из истории Франции, вып. 5.
- Губер П., Мейер Ж.* Проблемы дворянства в XVII в. М., 1970.
- Иванова З. Н.* Дискуссия о французском дворянстве в общественной мысли эпохи Просвещения. — В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1983.

Лебедева Е. И. Парижский парламент и абсолютизм накануне Великой французской буржуазной революции. — В кн.: Проблемы новой и новейшей истории. М., 1982.

Люблинская А. Д. Роль дворянства в истории позднего феодализма. — Средние века, 1971, вып. 34.

Avenel G. La noblesse française sous Richelieu. P., 1901.

Behrens B. Nobles, Privileges and Taxes in France at the end of the Ancien Régime. — Economic History Review, 1963, N 3.

Bien D. D. La réaction aristocratique avant 1789. L'exemple de l'armée. — AESC, 1974, N 1—2.

Bitton D. The French nobility in Crisis: 1560—1640. Stanford, 1969.

Bloch M. Sur le passé de la noblesse française: quelques jalons de recherche. — Annales d'Histoire Economique et Sociale, 1936, N 40.

Bluche F. Les magistrats du Parlement de Paris au XVIIIe siècle: 1715—1771. Besançon, 1960.

Bluche F. L'origine sociale du personnel ministériel français au XVIIIe siècle. — Bulletin de la Société d'histoire Moderne, 1957, sér. 12, N 1.

Bluche F. La vie quotidienne de la noblesse française au XVIIIe siècle. P., 1973.

Bouloiseau M. Noblesse et lutte de classes. — AHRF, 1958, N 150.

Brancourt J. P. Un théoricien de la société au XVIIIe siècle: le chevalier d'Arcq. — Revue Historique, 1973, N 508.

Brelot C. La noblesse en Franche-Comté de 1789 à 1808. P., 1972.

Broglie G. L'Orléanisme: La ressource libérale de la France. P., 1981.

Bruley E. Nobles et paysans picards à la fin de l'Ancien Régime. — RHMC, 1969, t. 16.

Cavanaugh G. J. Nobles, Privileges and Taxes in France. A Revision reviewed. — French Historical Studies, 1974, vol. 8, N 4.

Chaussinand-Nogaret G. Aux origines de la Révolution française. Noblesse et bourgeoisie. — AESC, 1975, N 2.

Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIIIe siècle. De la Féodalité aux Lumières. P., 1976.

Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des élites: 1700—1848. P., 1975.

Constant J.-M. Nobles et paysans en Beauce aux XVIe et XVIIe siècles. Lille, 1981.

Dauvergne R. Le problème du nombre des nobles en France au XVIIIe siècle. — In: Sur la population française au XVIIIe et au XIXe siècles. Hommage à M. Reinhard. P., 1973.

Debien G. Défrichements et reprises de fermes par la noblesse et par le clergé en Poitou à la fin du XVIIIe siècle. — AHRF, 1968, N 193.

Decouffé A. L'aristocratie française devant l'opinion publique à la veille de la Révolution (1787—1789). — In: Etudes d'histoire économique et sociale du XVIIIe siècle. P., 1966.

Devuyser A. Le sang épuré. Les préjugés de race chez les gentilshommes français de l'Ancien Régime: 1560—1720. Bruxelles, 1973.

Doyle W. Was there an aristocratic reaction in prerevolutionary France? — Past & Present, 1972, N 57.

Dufraisse R. «Elites» anciennes et «élites» nouvelles: rive gauche du Rhin, époque napoléonienne. — AHRF, 1982, N 248.

Edelstein M. La noblesse et le monopole des fonctions publiques en 1789. — Annales Historiques de la Révolution Française, 1982, N 249.

Egret J. L'aristocratie parlementaire française à la fin de l'Ancien Régime. — Revue Historique, 1952, N 1.

Egret J. L'opposition aristocratique en France au XVIIIe siècle. — Information Historique, 1949, N 5.

Egret J. Le Parlement de Dauphiné et les affaires publiques dans la 2e-ième moitié du XVIIIe siècle. Vol. 1—2. Grenoble—P., 1942.

Egret J. La Pré-révolution française: 1787—1789. P., 1962

Egret J. La Révolution aristocratique en Franche-Comté et son échec: 1788—1789. — RHMC, 1954, t. 1.

Egret J. La Révolution des Notables. Mounier et les Monarchiens. P., 1950.

Ford F. M. Robe and Swoid. The regaining

ter Louis XIV. Cambridge, 1953.

Forster R. Les biens de la famille d'Escouloubre au XVIIIe siècle. — In: Actes du 10e Congrès d'Etudes de la Fédération des sociétés académiques et savantes. Montauban, 1956.

Forster R. Etudes sur les gentilshommes campagnards du Lauragais (1750—1789). — In: Actes du 11e Congrès d'Etudes de la Fédération des sociétés académiques et savantes. Abli, 1955.

Forster R. The Making of a Notable: The Depont Family of La Rochelle. — Die Französische Revolution: zufälliges oder notwendiges Ereignis? München—Wien, 1983, Teil 2.

Forster R. The nobility of Toulouse in the XVIIIe century: A social and economic study. Baltimor, 1960.

Forster R. The noble wine produces of the Bordelais in the XVIIIe century. — Economic History Review, 1961, N 1.

Forster R. The provincial noble. A reappraisal. — American Historical Review, 1963, vol. 68, N 3.

Forster R. The survival of the nobility during the French revolution. — Past & Present, 1967, N 37.

Giesselmann W. Die brumairianische Elite. Kontinuität und Wandel der französischen Führungsschicht zwischen Ancien Régime und Julimonarchie. Stuttgart, 1977.

Godechot J. Рец. на: Higonnet P. Class, Ideology and the Rights of Nobles during the French Revolution. Oxford, 1981. — AHRF, 1983, N 254.

Goodwin A. The European Nobility in the XVIIIe Century. N. Y., 1967.

Goodwin A. General problems and the diversity of European Nobilities in the modern period. The social structure and economic and political attitude of the French nobility in the XVIIIe century. — In: XII Congrès international des sciences historiques. Rapports, 1, Grands thèmes. Vienne, 1965.

Goujard Ph. «Féodalité» et Lumières au XVIIIe siècle. L'exemple de la noblesse. — AHRF, 1977, N 1.

Goy J. Рец. на: J. Nicolas. La Savoie au XVIIIe siècle. Noblesse et bourgeoisie. — AESC, 1982, N 1.

Hecht J. Un problème de population active au XVIIIe siècle en France: La querelle de la noblesse commerçante. — Population, 1964, N 2.

Higonnet P. Class, Ideology and the Rights of Nobles during the French Revolution. Oxford, 1981.

Huppert G. Les bourgeois gentilshommes. An essay on the definition of elites in Renaissance France. Chicago—L., 1977.

Hyslop B. L'Apanage de Philippe-Egalité, duc d'Orléans (1785—1791). P., 1965.

Ikni G., La Rochefoucauld J. D., Wolikow C. Le duc de La Rochefoucauld-Liancourt: 1747—1827. De Louis XV à Charles X. Un grand seigneur patriote et le mouvement populaire. P., 1980.

Jarriot J. Une famille de «bons ménagers»: la branche nivernaise des Meunou de Charnizay aux XVIIe et XVIIIe siècles. — RHMC, 1976, N 1.

Labatut J. P. Les ducs et pairs de France. P., 1972.

Labatut J. P. Les noblesses européennes de la fin du XVe siècle à la fin du XVIIIe siècle. P., 1978.

Lassaigne J. D. Les assemblées de la noblesse de France au XVIIe et XVIIIe siècles. P., 1965.

Lévy-Bruhl H. La noblesse de France et le commerce à la fin de l'Ancien Régime. — Revue d'Histoire Moderne, 1933, N 8.

Liard A. Saint-Simon et les Etats-Généraux. — Revue Historique, 1901, t. 75.

Lucas C. Nobles, bourgeois and the origins of the French revolution. — Past & Present, 1973, N 60.

Mazauric C. La politique de la noblesse de Rouen en 1789. — In: Mazauric C. Jacobinisme et Révolution. Autour du bicentenaire de Quatre-vingt-neuf. P., 1984.

Meyer J. La noblesse bretonne au XVIIIe siècle. Vol. 1—2. P., 1966.

Meyer J. La noblesse française au XVIII siècle: aperçu des problèmes. — Acta Poloniae Historica, 1977, t. 36.

Meyer J. Noblesses et Pouvoirs dans l'Europe d'Ancien Régime. P., 1974. Noblesse française. Noblesse hongroise: XVI—XIX siècles Budapest—P., 1981.

Péronnet M. Les évêques de l'ancienne France. Vol. 1—2. Lille, 1977.

Puy de Chunchamp P. La noblesse. P., 1968.

Ravitch N. Sword and Mitre: Government and episcopate in France and England in the age of Aristocracy. The Hague—P., 1966.

Reinhard M. Elite et noblesse dans la 2-ème moitié du XVIII siècle. — RHMC, 1956, N 1.

Richard G. Un essai d'adaptation sociale à une nouvelle structure économique: la noblesse de France et les sociétés par action à la fin du XVIII siècle. — Revue d'Histoire Economique et Sociale, 1962, N 4.

Richard G. Noblesse d'affaires au XVIII siècle. P., 1974.

Roche D. Recherches sur la noblesse parisienne au milieu du XVIII siècle: la noblesse du Marais. — In: Actes du 86 Congrès national des sociétés savantes. Section d'histoire moderne et contemporaine. Montpellier, 1961.

Sée H. Les idées politiques de Saint-Simon. — Revue Historique, 1900, t. 73.

Suratteau J.-R. Des Elites de l'Ancien Régime aux notables révolutionnaires. — Die Französische Revolution — zufälliges oder notwendiges Ereignis? München—Wien, 1983, Teil 2.

Vaisière P. Gentilshommes campagnards de l'ancienne France. P., 1903.

Vovelle M. L'élite ou le mensonge des mots. — AESC, 1974, N 1.

Работы, посвященные выборам в Генеральные штаты и дворянским наказам 1789 г.

Хорошун В. Я. Дворянские наказания во Франции в 1789 г. Одесса, 1899.

Шамльон Э. Франция накануне революции по наказам 1789 г. Спб., 1906.

Bouloiseau M. La campagne électorale pour les Etats généraux de 1789. L'exemple d'Orléans — In: Actes du 88 Congrès National des sociétés savantes. Section d'histoire moderne et contemporaine. Clermont—Ferrand, 1963.

Bouloiseau M. Voeux et griefs saumurois lors des élections aux Etats généraux de 1789. — In: Actes du 87 Congrès national des sociétés savantes. Section d'histoire moderne et contemporaine. Poitiers, 1962.

Burguière A. Société et culture à Reims à la fin du XVIII siècle. La diffusion des «lumières» analysée à travers les cahiers de doléances. — AESC, 1967, N 2.

Dawson P., Shapiro G. Social mobility and political radicalism. The case of the French Revolution of 1789. — In: Aydelotte W. O., Bogue A. G., Fogel R. W. The dimensions of quantitative research in history. Princeton, 1972.

Dupront A. Cahiers de doléances et mentalités collectives. — In: Actes du 89 Congrès national des sociétés savantes. Section d'histoire moderne et contemporaine. P., 1964.

Durand Y. L'idéal social en Champagne méridionale du XVI à XVIII siècle. — In: Actes du 92 Congrès national des sociétés savantes. Section d'histoire moderne et contemporaine. Vol. 3. P., 1970.

Flandrin M. La noblesse parisienne face à la convocation des Etats généraux en 1789. — Acta Poloniae Historica, 1977, t. 36.

Higonnet P., Murphy J. Les députés de la noblesse, aux Etats généraux de 1789. — RHMC, 1973, N 2.

Hyslop B. French Nationalism in 1789 according to the General Cahiers. N. Y., 1934.

Sagnac Ph. Les cahiers de 1789 et leur valeur. — RHMC, 1907, N 5.

Sagnac Ph. Les cahiers des Etats généraux d'après des ouvrages récents. — Révolution française, 1937, N 12.

Taylor J. Les cahiers de 1789: Aspects révolutionnaires et non-révolutionnaires. — AESC, 1973, N 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАКАЗ ДВОРЯНСТВА БАЛЬЯЖА СЕН ПЬЕР ЛЕ МУТЬЕ ПРОВИНЦИИ НИВЕРНЕ*

УБЕЖДЕННЫЕ в бесполезности местных жалоб и надеясь на усердие и просвещенность своего депутата, дворяне бальяжа С. Пьер ле Мутье лишь просят

Первое, чтобы ближайшая ассамблея Генеральных штатов длилась три года — в соответствии с формой, которая будет установлена и названа Генеральными штатами,— с тем, чтобы представители нации располагали временем принять самые неотложные меры против злоупотреблений и заложить прочные основы долгого процветания.

Второе, чтобы штаты впредь собирались сами по себе каждые пять лет для определения реформ и установлений, которые станут необходимыми вследствие неизбежного изменения обстоятельств.

Предоставляем своему депутату свободу отказаться от всех денежных привилегий своего сословия, предложить все, что он сочтет уместным, для всеобщего возрождения и присоединиться к тому, что будет принято большинством голосов, и не определяем другого предела его полномочиям кроме приказа не утверждать никакого налога, пока ассамблея Генеральных штатов не обсудит и не примет национальной конституции**.

(Подписи)

ИНСТРУКЦИЯ ИЛИ РАЗВИТИЕ принципов, установленных в наказе сословия дворянства Ниверне, собравшегося в Сен Пьер ле Мутье.

Ст. 1

Так как свободные Генеральные штаты Королевства не могут на своем ближайшем заседании достигнуть полной реформы всех злоупотреблений и установление прочного и постоянного порядка во всех областях администрации может быть лишь плодом долгих трудов, мы просим, чтобы Генеральные штаты три года собирались периодически — так чтобы не было другого интервала от одной сессии до другой, кроме установленного Генеральными штатами, и чтобы не было необходимости в новом созыве — а затем каждые пять лет в соответствии с Конституцией, которая будет принята на ближайших Штатах.

* Одесский государственный историко-краеведческий музей, д. 684.

** Эта часть наказа с незначительными расхождениями была опубликована в «Парламентских архивах» по тексту протокола собрания третьего сословия (см.: Archives parlementaires, 1 serie, t. 5, p. 635). Ниже следует ранее не публиковавшийся текст.

Ст. 2

Дворянство, оставляя за своим депутатом свободу отказаться от всех денежных привилегий, подразумевает сохранить те, которые присущи ему от рождения, и надеется, что в Генеральных штатах будет голосовать по сословиям, по крайней мере, голоса, собранные поименно, смогут получить силу закона лишь при большинстве в две трети.

Ст. 3

Предоставляя ему (депутату) полномочия высказываться и предлагать все, что он сочтет нужным для всеобщего процветания, оно (дворянство) выражает свое особое мнение в пользу того, чтобы округа провинции Ниверне были объединены и чтобы здесь в мудрой и отеческой форме были установлены провинциальные штаты, члены которых будут выбираться и утверждаться провинцией.

Ст. 4

Рекомендуя ему не одобрять налога до того, как ассамблея Генеральных штатов не проголосует и не установит национальную конституцию, оно условилось прежде всего, что депутат не сможет судить о размерах налога, если не получит точного отчета об обычных расходах каждого министерства и о государственных долгах; тогда он сможет составить точный баланс между доходами и расходами.

Ст. 5

Когда он будет изучать каждый отчет, ему предоставится случай узнать обо всех злоупотреблениях, допущенных в распоряжении общественными средствами как из-за непомерных и бесполезных расходов на поддержание блеска трона, так и из-за пенсий и других милостей, распространяемых путем интриг и протекции; он узнает также способы достигнуть более простого и менее сложного взимания налогов, сократить расходы по сбору налогов, которые поглощают их часть.

Ст. 6

Он всерьез задумается над средствами уничтожить габель, этот ужасный налог, под тяжестью которого провинция никогда не сможет процветать, и заменить другим, менее вредоносным для населения и для земледелия, которое есть наипервейшее занятие и источник всех богатств.

Ст. 7

Он потребует, чтобы налоги, распределенные по провинциям с таким пропорциональным равенством, какое только можно вообразить, раскладывались бы внутри этих провинций в зависимости от размеров имущества каждого без всяких исключений; он потребует также искать способы подвергнуть обложению собственников движимого имущества.

Ст. 8

Он потребует отчуждения доменов короля, которые будут использованы для уплаты государственных долгов.

Ст. 9

Пусть расходы каждого департамента будут определены и установлены Генеральными штатами, пусть будет установлена форма отчета и пусть торжественный закон запретит любые займы от имени Правительства и провозгласит эти займы несуществующими, так чтобы займодавцы не могли ни под каким предлогом требовать уплаты.

Ст. 10

Он потребует, чтобы был составлен Национальный кодекс или реестр, в котором будут записаны все Конституционные Законы Королевства, и чтобы этот кодекс хранился в месте, которое получит название национального хранилища и будет находиться под попечительством парламента.

Ст. 11

Эти законы — первый из которых несомненно тот, что Корона наследуется, второй тот, что женщины не могут взойти на престол, и третий тот, что законодательная власть принадлежит только нации, — вместе призваны выражать отличие монархического правления и защищать народ от переменчивой воли суверена, а также обеспечивать суверену любовь и верность его подданных.

Ст. 12

Так как власть, связанная с исполнением Законов, была передана нацией суверену, эти законы должны быть ясными и точными, так чтобы их никогда нельзя было произвольно интерпретировать, чтобы каждый подданный мог знать свои обязанности перед обществом и чтобы они выражали отношения между тем, кто правит, и теми, кем управляют.

Ст. 13

Самый важный закон тот, который обеспечивает свободу, а свобода распространяется на права собственности и права безопасности, следовательно, он (депутат) потребует, чтобы ни один гражданин не мог быть задержан ни под каким предлогом, чтобы его не могли стеснять в осуществлении его естественных прав и способностей, кроме случаев, предусмотренных Законами, и в таких случаях его должны судить его обычные судьи; депутат потребует, чтобы никакой налог нельзя было взимать без согласия нации и чтобы ни на чью собственность нельзя было посягнуть, кроме как в законных формах.

Ст. 14

Он потребует свободы печати, однако третье лицо должно иметь право добиваться через суд возмещения ущерба, который будет ему нанесен авторами или, в случае если таковые не известны, издателями.

Ст. 15

Пусть все цехи и другие ограничения торговли, ремесел и промышленности будут уничтожены и каждый сможет с полной Свободой предаваться любому занятию.

Ст. 16

Он потребует, чтобы никого нельзя было отделить от палат и трибуналов, в которых обычным путем должно осуществляться правосудие, и чтобы Генеральные штаты назначили комиссию из мудрых и образованных людей для реформы Гражданского и Уголовного кодексов и отмены кодекса вод и лесов.

Ст. 17

Он потребует свободы совести для всех граждан Королевства, полной свободы отправления любого культа среди приверженцев данной Религии и допущения некаатоликов на общественные должности, при условии соблюдения Законов Королевства и участия в справедливых пропорциях в его общих расходах.

Ст. 18

Он потребует ответственности министров за все несоблюдения Основополагающих Законов монархии, за растраты, допущенные в их ведомстве. Они должны отчитываться в своих действиях перед Генеральными штатами и нести наказание как нарушители Конституции.

Ст. 19

Королевский Бальяж Сен Пьер ле Мутье один из четырех самых древних Бальяжей Королевства, установленных при Людовике Святом, только один королевский судья в провинции Ниверне имеет право созывать три сословия бан и арьер-бан, это право принадлежит ему неотъемлемо как королевскому судье и подтверждено постановлением, в отличие от герцогского бальяжа Невер . (неразборчиво)... на полном основании требует и протестует против назначения депутатов в Генеральные штаты, совершенного в Невере некомпетентными и ничтожными чиновниками, следовательно, мы будем требовать, чтобы впредь Королевский Бальяж Сен Пьер ле Мутье был утвержден в исключительном праве созывать три сословия и чтобы решение на этот счет было принято Генеральными штатами.

Ст. 20

Наконец, он потребует, чтобы каждый депутат нации в Генеральных штатах считался особой священной и неприкосновенной, как сами Генеральные штаты, в соответствии с дисциплинарным регламентом, который депутаты примут, и чтобы малейшее покушение на свободу и полномочия национального собрания наказывалось в первую очередь как преступление против национального величия. Наказанию подлежат как те, кто внушат королю этот пагубный замысел, так и те, кто будут содействовать его исполнению.

Ст. 21

Он потребует отменить обычай посылать депутатов по доверенности в Генеральные штаты, признавая, что во всех других случаях такой способ представительства допустим для вдов, незамужних и калек, следует разоблачить в Генеральных штатах одно из самых главных злоупотреблений, которое может помешать Свободным Законом выборам истинных депутатов нации.

Ст. 22

Он потребует установления такого положения армии по отношению к нации и Королю, чтобы она не могла действовать во вред ни одной, ни другому и чтобы, созданная с целью защищать эту нацию, она никогда не забывала, что французы всегда любили своих Королей и монархию и скрепили своей кровью эти две великие и древние Истины.

Ст. 23

Как следствие из этого последнего принципа, собрание сочло своим долгом постановить, что армия, призванная защищать эти два принципа, должна состоять только из граждан доблестных и не униженных порочащими наказаниями, которые отнимают у армии ее энергию и уничтожают патриотический долг, следовательно, собрание считает своим долгом протестовать перед Генеральными штатами против телесных наказаний как аморальных и абсолютно противоречащих национальному духу.

Равным образом оно протестует против обескураживающей, унижительной и пагубной иерархии воинских званий и продвижения; должности, милости и звания имеет тот, кто совсем не служит, а тот, кто обладает истинными заслугами и приносит пользу долгой и непрерывной службой, не получает ничего; это обрекает наши армии на позор и поражения, единственная причина которых есть неизменность принципов и полная неопытность военачальников.

Ст. 24

Он потребует, чтобы с целью обеспечить полную свободу своей первой сессии Генеральные штаты отменили все существующие

налоги как незаконные и чтобы они восстановили их тут же лишь до конца работы собрания.

(Подписи)

...составлено в Сен Пьер ле Мутье двадцать первого апреля 1789 г.

Печать

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ОКРУГА 1789 г.*

Генеральство Парижа

Бальяжи: Бове, Мант (вторичный бальяж Мелан); Мелен (вторичный бальяж Море); Мо; Монфор-л'Амори (вторичный бальяж Дре) — совместный наказ трех сословий; Немур; Провен; Санлис (вторичные бальяжи Бомон-сюр-Уаз, Шамбли, Компьень, Крей, Понтуаз); Санс (вторичный бальяж Вильнев-сюр-Йонн); Этамп — дворянский наказ утерян.

Превотство и виконтство Париж «за стенами» (вторичные бальяжи Шуази-ле-Руа, Венсенн, Медон, Версаль).

Город Париж.

Генеральство Суассона

Бальяжи: Вилле-Коттре; Клермон-ан-Бовези; Крепи-ан-Валуа; Лаон, или Вермандуа (вторичные бальяжи Гиз, Куси, Ла Фер, Марль, Нуайон, Шони); Шато-Тьерри; Суассон — дворянский наказ утерян.

Генеральство Шалона

Бальяжи: Витри-ле-Франсуа (вторичный бальяж Сент-Мену); Реймс; Сезанн (вторичный бальяж Шатильон-сюр-Марн); Труа (вторичные бальяжи Ножан-сюр-Сен, Мери-сюр-Сен, Рюмильи-ле-Вод, Вире-су-Бар); Шалон-сюр-Марн; Шомон-ан-Бассиньи; Лангр — дворянский наказ утерян.

Генеральство Орлеана

Бальяжи: Блуа (вторичный бальяж Роморантен); Вандом (вторичные бальяжи Мондубло, Сен-Кале); Дурдан, Жьен; Монтаржи (вторичный бальяж Лорри); Орлеан (вторичные бальяжи Божанси, Буа-Коммен, Невиль-о-Буа, Витри-о-Лож, Жанвиль, Йевр-ле-Шатель); Шартр.

Генеральство Алансона

Бальяжи: Алансон (вторичные бальяжи Аржантан, Домфрон, Эксм, Верней); Беллем, или Перш (вторичный бальяж Мортань); Шатонеф-ан-Тимре

Генеральство Кана

Бальяжи: Кан (вторичные бальяжи Байе, Фалез, Ториньи, Вир); Кутанс (вторичные бальяжи Сен-Ло, Авранш, Карантан, Серанс, Мортен, Валонь, Сен-Совер-Ландлен, Сен-Совер-ле-Виконт, Теншбре).

Генеральство Руана

Бальяжи: Ко, или Кодбек (вторичные бальяжи Арк-а-Дьепп, Монтивилье, Гавр, Кани, Нефшатель); Руан (вторичные бальяжи Жизор, Онфлер, Понт-Одмер, Пон-де-л'Арш, Пон-л'Эвек, Андли, Лион-ла-Форе, Вернон, Шарлеваль); Шомон-ан-Вексен (вторичный бальяж Маньи); Эвре (вторичные бальяжи Бомон-ле-Роже, Берне, Бретей, Конш, Нонанкур, Орбек).

Генеральство Амьена

Бальяжи: Амьен (вторичный бальяж Ам); Кале (вторичный бальяж Ардр); Монтрей-сюр-Мер; Сен-Кантен; Перонн (вторичные бальяжи Мондидаье, Руа) — совместный наказ дворянства и третьего сословия.

Сенешальства: Булонне; Понтье.

Генеральство Лилля

Бальяж Байель.

Губернаторства: Аррас, или провинция Артуа (вторичные бальяжи Сент-Омер, Эр, Лан, Бапом, Эден, вторичное сенешальство Сен-Поль, вторичное губернаторство Бетюн); Дуэ, Лилль.

Генеральство Валансьенна

Бальяжи: Авен (превотства Живе, Мобеж, Баве, Фюме, Ревен); Камбре, или провинция Камбрези; Кенуа (превотство-графство Валансьенн, превотства Сент-Аман, Мортань, Бушен, барония Конде).

Генеральство Метца*

Бальяжи: Верден, Метц (вторичные бальяжи Лонгви, Сарлуи — совместный наказ духовенства и дворянства, Тьонвиль — совместный наказ трех сословий); Туль (вторичный бальяж Вик); Музон — дворянский наказ утерян (вторичный бальяж Моон — совместный наказ трех сословий); Сарбур — дворянский наказ не опубликован; Клермон-ан-Аргонн — дворянский наказ утерян; Кариньян; Седан — дворянский наказ утерян.

Княжество Арш и Шарлевиль — дворянский наказ утерян.

Генеральство Нанси*

Бальяжи: Бар-ле-Дюк (вторичные бальяжи Понт-а-Муссон, Бурмон, Сен-Мийель, Этен, Брие, Лонгийон, Вилье-ла-Монтань —

* При перечислении особо указаны совместные наказания дворян с другими сословиями, утерянные и неопубликованные дворянские наказания.

* В генеральствах Метца и Нанси наказания составлялись не только в первичных, но и во вторичных избирательных округах.

совместный наказ трех сословий, Коммерси — дворянский наказ утерян, Ламарш — дворянский наказ утерян, Тьокур); Мирекур (вторичные бальяжи Брюйер, Шатель-сюр-Мозель, Шарм — дворянский наказ утерян, Дарне, Нефшато — дворянский наказ утерян, Сен-Дье, Эпиналь — дворянский наказ утерян, Ремирмон — дворянский наказ утерян); Нанси (вторичные бальяжи Люневиль, Номени, Розьер — совместный наказ трех сословий, Бламон — дворянский наказ утерян, Везлиз — дворянский наказ утерян); Саргемин (вторичные бальяжи Бузонвиль, Дьез, Ликсайм — совместный наказ духовенства и дворянства, Фенестранж — совместный наказ трех сословий, Бич — дворянский наказ утерян, Буле — дворянский наказ утерян, Шато-Сален — дворянский наказ утерян).

Интендантство Страсбура

Дистрикты: Кольмар; Агно — дворянский наказ утерян; Бельфор — дворянский наказ утерян.

Генеральство Безансона

Бальяжи: Лон-ле-Сонье, или Аваль (вторичные бальяжи Арбуа, Оржле, Полиньи, Понтарлье, Сален, Сен-Клод); Везуль, или Амон (вторичные бальяжи Бом-ле-Дам, Гре) — дворянский наказ и совместный наказ трех сословий; Безансон; Доль (вторичные бальяжи Орнан, Кенже).

Генеральство Дижона

Бальяжи: Бар-сюр-Сен; Бурк-ан-Брес — совместный наказ трех сословий; Белле, или провинция Бюже и Вальроме; Дижон (вторичные бальяжи Бон, Оксонн, Нюи, Сен-Жан-де-Лон); Жекс; Макон; Монтань, или Шатильон-сюр-Сен; Оксер; Отен (вторичные бальяжи Монсени, Семюр-ан-Брионне, Бурбон-Ланси); Семюр-ан-Оксуа (вторичные бальяжи Аваллон, Арне-ле-Дюк, Солье); Шалон-сюр-Сон; Шароль.

Сенешальство Треву.

Генеральство Лиона

Бальяж Форез, или Монбризон (вторичный бальяж Бурк-Аржанталь).

Сенешальства: Вильфранш-де-Божоле; Лион.

Генеральство Гренобля, или провинция Дофине — совместный наказ трех сословий.

Княжество Оранж — дворянский наказ утерян.

Генеральство Ла Рошели

Сенешальства: Ла Рошель (королевский округ Рошфор); Сент (вторичный бальяж Тайбур, вторичные сенешальства Тонне-Шарант, Пон, королевский округ Бруаж, барония Олерон); Сен-Жанд'Анжели.

Генеральство Пуатье

Сенешальства: Пуатье, или провинция Пуату (вторичный бальяж Вуван, вторичные сенешальства Сивре, Сен-Мексан, Фонтене-ле-Конт, Монморийон, королевские округа Люзиньян, Ниор); Шательро.

Вольные пограничные области Пуату и Бретани, или Монтегю, — совместный наказ трех сословий.

Генеральство Тура

Бальяжи: Луден; Тур, или провинция Турень (вторичные бальяжи Шатильон-сюр-Эндр, Шинон, Ланже, Лош, Монришар).

Сенешальства: Анже, или провинция Анжу (вторичные сенешальства Боже, Бофор, Шато-Гонтье, Ла Флеш); Ле Ман, или провинция Мэн (вторичные бальяжи Френе-ле-Виконт, Мамер, вторичные сенешальства Сент-Сюзанн, Шато-дю-Луар, королевские округа Лаваль, Бомон-ле-Виконт); Сомюр.

Генеральство Буржа

Бальяж Бурж, или провинция Берри (вторичные бальяжи Шатору, Конкрессо, Ден-ле-Руа, Иссуден, Меен-сюр-Йевр, Вьерзон, Анришмон).

Генеральство Мулена

Бальяжи: Невер, или Ниверне; Сен-Пьер-ле-Мутье (вторичный бальяж Кюссе).

Сенешальства: Гере, или Верхняя Марш; Мулен, или провинция Бурбонне.

Генеральство Лиможа

Сенешальства: Ангулем (королевский округ Коньяк); Дора, или Нижняя Марш (королевский округ Беллак); Лимож, или провинция Верхний Лимузен (вторичное сенешальство Сент-Ирье); Тюль, или провинция Нижний Лимузен (вторичное сенешальство Брив, королевский округ Юзерш).

Генеральство Риома

Бальяж Сен-Флур (вторичные бальяжи Орийяк, Вик-ан-Карладез, Андла, Кальвине).

Сенешальства: Клермон-Ферран; Риом (вторичные бальяжи Монтегю, Сале, королевский округ Юссон).

Генеральство Бордо

Бальяж Юстаритц, или область Лабур.

Сенешальства: Ажан; Альбре, или Нерак (вторичное сенешальство Капельжалу); Базас; Бордо, или Гийень; Капельморон; Кондом; Либурн; Периге, или Перигор (вторичные сенешальства Бержерак, Сарла); Тартас; Дакс (вторичные сенешальства Байонна — есть совместный наказ дворянства и третьего

сословия, Сен-Север); Мон-де-Марсан — дворянский наказ утерян.

Генеральство Оша

Сенешальства: Арманьяк, или Лектур (вторичное сенешальство Иль-Журден); Ош; Памье, или графство Фуа.

Области: Суль; Ривьер-Верден (Гор, Лонак и Марестен); Четыре Долины — наказов нет; Бигорр (Рюстен) — дворянский наказ утерян; Кузеран — дворянский наказ утерян;

Королевство Наварра — дворянский наказ не опубликован.

Владение Беарн — совместный наказ духовенства и дворянства.

Графство Комменж.

Генеральство Монтобана

Сенешальства: Вильфранш-де-Руэрг; Каор, или провинция Керси (вторичные сенешальства Монтобан, Гурдон, Лозерт, Фижак, королевский округ Мартель); Родез (вторичный бальяж Мийо).

Генеральство Тулузы

Сенешальства: Каркассон; Лораге, или Капельнодари; Кастр; Лиму; Тулуза.

Генеральство Монпелье

Бальяж Жеводан, или Манд.

Сенешальства: Верхнее Виваре, или Анноне; Нижнее Виваре, или Вильнев-де-Берг; Безье; Монпелье; Ним; Пюи-ан-Веле — дворянский наказ не опубликован.

Генеральство Перпиньяна, или Руссильон

Сенешальство Перпиньян.

Генеральство Экса

Сенешальства: Экс; Марсель; Форкалькье (вторичные сенешальства Барселоннет, Динь — есть наказ дворянства, Систерон — есть наказ дворянства); Арль — дворянский наказ утерян, Драгиньян (вторичные сенешальства Грасс, Каstellан) — дворянский наказ утерян; Тулон (вторичные сенешальства Бриньоль, Йер) — дворянский наказ утерян;

Город Арль с округой — совместный наказ дворянства и третьего сословия.

Корсика